

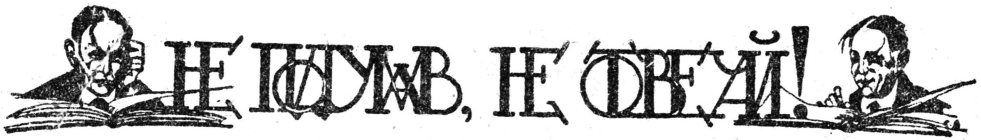
№5-6 1929

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЗД-ВО
П.Л.СОЙКИН
ЛЕНИНГРАД

Редактирует ЗАГАДАЙ-КА.

ИТОГИ КОНКУРСА НА ПРЕМИИ № 10.

Конкурс небольшой — участвовало 22 подписчика. В зачет получили: 2 чел. — по $8\frac{1}{2}$ очков, 5 — по $7\frac{1}{2}$ очков, 1—7 очков, 2 — по $6\frac{1}{2}$ очков и остальные — меньше. Премии распределены так:

1-я премия. „Бахчисарайский фонтан“ А. С. Пушкина, художеств. издание, — Б. И. Скрябин (Москва).

2-я премия. Бесплатное получение в 1939 г. журнала „Вестник Знания“ — С. С. Батуев (Серпухов).

3-я и 4-я премии. „Гений и творчество“ проф. Грузенберга — В. Л. Воронцовский (Тула) и Толстого (Баку).

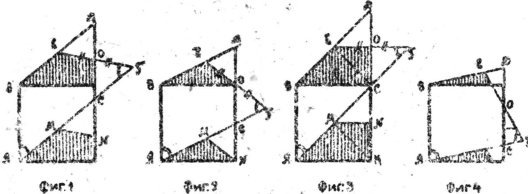
5-я — 10-я премии. Любые из изданий, указанных в условиях конкурса: 5) Э. Эллер (Новосokolники); 6) Б. В. Смирнов (Одесса); 7) М. Г. Григоров; 8) Л. А. Лещенко; 9) А. А. Колосов (Москва); 10) В. М. Николаев (Грозный).

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ.

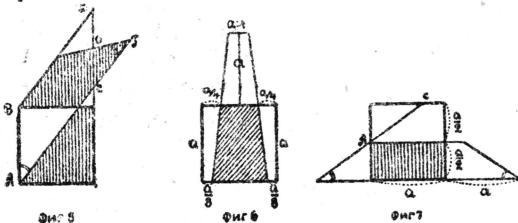
Задача № 37.

Трапеция из квадрата.

Первая половина задачи имеет бесконечное число решений, при наименьшем числе долей квадрата, равном 8. Способ решения таков (см. ф. 1). На углах квадрата A проводится любая секущая AF , пересекающая правую сторону квадрата в ее верхней половине, напр. в точке C . Прямая BD , параллельная AF , пересекает правую сторону квадрата в точке D ; точка O — середина линии DC . Прямая EF проводится через O так, что угол $CFE =$ углу BAC . Нетрудно доказать, что равнобедренная трапеция $ABEF$ равновелика данному квадрату (помимо общей их части, у них равны заштрихованные четырехугольники и светлые треугольники MCN и OCF , причем $CN = OC$ и $CM = CF$).

На фиг. 2 и 3 изображены решения при крайних положениях секущей: на фиг. 2 точка C находится в середине стороны квадрата, а на фиг. 3 — в противоположном углу квадрата (все буквенные обозначения остаются прежние). Для таких предельных случаев легко определить величину углов трапеции (в последнем случае углы при большем основании очевидно равны 45° ; здесь возможно и другое деление квадрата

по долям, если вместо MN провести MK). Верное геометрическое решение получается и в том случае, если секущая AC пересечет противоположную сторону ниже ее середины (фиг. 4); но такое решение не удовлетворяет требованиям задачи, так как при нем получается в квадрате и в трапеции по 4 доли вместо трех. Предлагаем самим читателям продолжить и закончить исследование такого решения при различных положениях точки C на продолжении правой стороны квадрата (см. фиг. 5).

Для второй половины задачи есть тоже очень много решений, — при том же числе дробимых долей. Одним из наиболее простых будет тот случай, когда высота трапеции берется равной удвоенной стороне или половине стороны квадрата (см. фиг. 6 и 7).

Задача № 38.

Молоко и пассажиры.

Вагон оборудован нецелесообразно, так как все сиденья, прислоненные к стенкам вагона, считаются по направлению движения поезда будут при резких торможениях или остановках скатываться вниз. Целесообразнее сделать сиденья не поперек вагона, а вдоль его. — Для робких пассажиров, едущих в поездах курьерских и тихоходов, есть некоторый смысл выбирать вагоны в первом случае в хвосте поезда (их меньше шансов нагнать сзади), а во втором случае — в голове поезда. Применительно к молоку, независимо от шансов на крушение, для обезопасения от толчков при резких торможениях или остановках лучше садиться спиной к направлению движения (лежать за нижних полках сравнительно безопаснее, чем на верхних).

Задача № 39.

Подземный лабиринт.

Старик выяснил сперва, что в подземелье есть строго прямолинейный путь. Для этого он сделал проверку: спустившись в колодезь, он оставил у стены зажженный фонарь, а затем поднялся, обошел по горе к выходу, и, войдя в подземелье, убедился, что свет фонаря ясно виден с того примерно места, где на схеме пунктирный проход делает поворот под прямым углом. Пройдясь потом по подземелью до колодезя, строго держа все время на свет фонаря, он нащупал в самом конце, справа от себя, выступ стены ближайшей к колодезю пещеры и тщательно измерил расстояние от этого выступа до фонаря. При дальнейших спусках в подземелье, старик всегда ставил свой фонарь строго на прежнее место у стены и, пятясь от него назад, без особых трудов доходил до первого выступа стены (тоже справа от себя); а после того он проходил тем же самым способом в весь путь, проверяя все время сторону темного выступа стены как освещенный фонарь. Для удобства обратного следования по подземелью, он стал ставить еще в самом углу поворота маршрута зеркальце, чтобы свет фонаря отражался бы при самом входе в подземелье из долины.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

ВЫХОДИТ
ЕЖЕМЕСЯЧНО

ПОДПИСНАЯ
ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ.
С ДОСТ. И ПЕРЕС.

ГЛ. КОНТОРА И РЕДАКЦИЯ - ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО «П. П. СОЙКИН»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 5-6 1929 г.

	СТР.
«КРЕПКИЕ НЕРВЫ», — рассказ П. Гаврилова, иллюстрац. И. Владимирова	2
«НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ»: «ПЕРВЫЙ ДЖИГИТ», — рас- сказ М. Ян, иллюстрации М. Пашкевич	11
«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ»: «ГРОБНИЦА ЦАРИЦЫ ШУ- БАД», сенсационная археоло- гическая находка, — очерк с ил- люстрациями	19
«НА КУЛЬТУРНОМ ФРОНТЕ»: «КУЛЬТУРА И БУМАГА»	22
С. Э. ЛУЗАНОВ — некролог с портретом	24
«СЕДЬМОЙ ОСТРОВ», — рассказ И. Окстона с посмертными рисунками С. Лузанова	26
«ЖИВОЙ МЕТАЛЛ», — научно- фантастич. роман А. Мер- рита, иллюстр. Поля	28

	СТР.
Систематический Литера- турный Конкурс «Мира Приключений» 1929 г. — «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК С ПРОСТОРНЫМ СЕРД- ЦЕМ», — рассказ-мозаика из 21 писателя, — литературная задача № 6.	41
ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 12. Отчет о Конкурсе В. Б. и ре- шение расск.-задачи «Без эа»	48
«КАКОЙ ФОРМЫ ЗЕМЛЯ?» — очерк П. Александрова, с иллюстрациями	56
«ПРАЗДНИК Н'БОНГА», — рас- сказ из африканской жизни Г. де-ла-Серна, иллюстра- ции Линнекогеля	58
«МАЛЕНЬКИЕ БОЛЕЗНИ КУЛЬТУРЫ», — очерк д-ра В., с иллюстрациями	62
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК	64
ШАХМАТНЫЙ ОТДЕЛ стр. 2 обложки. «НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» задачи	стр. 3 обложки

Обложка в 7 красок работы художника М. Михайлова.

Рассказ

Петра ГАВРИЛОВА

Иллюстрации

И. ВЛАДИМИРОВА,

автора батальных картин, исполненных по заказу Революционного совета

Шторм свирепеет. Волны, похожие на разъяренных зверей, пенясь белыми гривами, яростно захлестывают подводный заградитель «Ерш». Люди на мостике мокры до костей. Ветер рвет одежду, ослепляет водяной пылью глаза. «Ерш» идет под дизелями, грузно качаясь на волнах. Внутри все кувыркается, перекачивается с места на место. Бледные подводники посматривают вверх в люк, в который то и дело врываются волны. Все с нетерпением ждут благодатной команды «погружайся», чтобы уйти в глубины, где тихо и спокойно и не будет под ногами предательской раскачивающейся палубы.

— Заполнить цистерны!

— Есть, есть!

Обрадованные люди разбегаются по постам, останавливается дизель и сразу наступает тишина. Слышно только, как беснуется море наверху и, злобно шипя, со всего размаху таранит заградитель. Заводят вздрагивающую несень электромоторы. «Ерш» тяжело раскачивается, плюхаясь о волны.

— Принять в уравнительную цистерну!

«Ерш» с хода забирает носом, зарываясь в брызги, фыркая пеной. Еще бросок, — хлюпкий и резкий — и палуба уходит из-под ног... Еще доносится мощный гул и торм. Тише... Тише... «Ерш» грузно спускается в бездну.

— 25 фут... 45... 49...

— Держать 50 фут!

— Есть, держать 50 фут!

— Принять 300 фунтов вспомогательную!

«Ерш» чуть всплывает, потом опять садится на заданную глубину и спускается покойно, ровно... Наверху рвет и мечет разгулявшийся шторм. Заунывно поют моторы, мяучит перепуганный и мокрый кот — любимец команды. Штурман возится с картой, определяя место. Он крутит циркулем по карте. Вильнув, «Ерш» ложится на курс и, рассекая бесшумно немую глубину, час за часом идет под водой. Мимо иллюминаторов рубки, бойко кружась, бегут стайками пузырьки. Здесь, под водой, тихо, как в могиле. Над головами воет ветер, волны вздымаясь затевают драку, режут, сталкиваются, разлетаются в брызгах и снова растут.

Виновато улыбаясь бледными лицами и пряча глаза, команда вытирает испачканные части. Старый боцман, сидя на своем неизменном стуле, подсмеивается.

— Ни что, голубки! Впервой всегда так, а то и до желчи, до крови, и командировка в царство немецкое. Ничто, пооптерпитесь, сами смеяться будете!

Кот недоуменно бродит по палубе — ему разрешено это. В лодке, где каждый килограмм может урвать равновесие, хождение обычно запрещено. Кот жалобно мяучит, ему неприятно, отчего так строги лица и

каждая нога отталкивает его. Он трется о ногу бодмана, но и тот не обращает на него никакого внимания. «Ерш» опять идет на всплытие. Только успел высунуть он глазок перископа, как шибанула на него взбешенная волна, крутя белыми своими космами.

Мощным толчком швыряет заградитель. Звенит что-то, с глухим стуком падает на палубу. Шторм разыгрывается не на шутку, зверея с каждым часом. «Ерш» снова ныряет и долго бродит в темной и жуткой глубине: ищет грунт. Штурман словно застыл над картой, поглядывая на глубомер и компас.

— Здесь...

Вздрагивая, «Ерш» уменьшает ход и идет так, медленно, увеличивая погружение. Он нащупывает безопасное и спокойное место, где бы могло улечься его длинное стальное тело. Мертвая тишина—ни звука, ни вдоха. В носу заградителя вахтенный, приложив ухо к стальной стенке, напряженно слушает: не напороться бы на что, не налететь со-слепо, хотя и сказано черным по белому на карте: грунт—песок, мелкая ракушка.

— 97... 110... 130...

Все 35 человек подводников напряженным ухом ловят малейший шум. Вот, вот «Ерш» должен сесть. Последние 2 фута... один.

— Стоп моторы!

— Есть, стоп!

Мягко и тупо толкнуло «Ерша». Заскрежетал песок под стальным брюхом. Еще толчки короткие и легкие. Оборотились на жалобном взвизге напавы динамо. Испуганный кот трубой поднял хвост. «Ерш» остановился, неуверенно кодымая корму. Когда была принята вода в носовую дифференциальную, еще поднялась корма. Командир следит за стрелками компаса. Поколебавшись, стрелки остановились, замерли. «Ерш» улегся в илистую постель дна.

Бессонными ночами в ночевке на грунте—двое: штурман и трюмный. Сторожат они заборную немоту, ловят подозрительные шорохи. Под водой капля в трюме падает звонко, зараз услышишь. Тут уж следи трюмный. О земле—мысли вон, гони дре-

моту, а то—ту и другую не почувствуешь никогда.

Кок чародействует у плиты, мешает огромной своей чумичкой. Вкусное варево. Аппетитный запах гонит слюну, желудки гудят от этого запаха. Команде ужинать!—звон тарелок, криканье. Эй, братва! Чья миска с ложкой валяется? По уставу—за борт и никаких кранцев!

— Что ты кричишь? Забыл, что под водой, куда же ты ее выкинешь!

Набиты подводнички жадные утробы до отказа. Команда укладывается спать. Многие забывают совсем, что над ними десятки метров воды, что рыбы морские, тычась глупыми своими мордами в борта, удивленно перебирают плавниками. Сон сильнее всего—где застанет, там и валит благодатная дрема. Намучившись за день, всхлипывают подводники масляными от каши ртами...

Рулевой, горизонтальщик, весельчак и балагур, зовет сигнальщика, длинного ленивого украинца.

— Эй, дылда! Слон персидский! Давай сказки рассказывать.

— А мне все едино, сказку, так сказку!

— Ну, слушай, да не зевай! Да не волнуйся, а то станешь во весь рост, лодку дурацкой своей башкой пробьешь, потонем!

Парикмахер поудобнее укладывается. Ходули сигнальщика на добрый аршин свесились за койку.

— Ну, беспризорное дитя, внимай. Вез я раз по Невскому проспекту возгороха, увидел скомороха и рассыпал!..

Ярко горят лампочки, полным накатом. Прикладывает вахтенный ухо к борту заградителя—ни звука, ни шороха. Вскрипывают подводники, переживая во сне вчерашний день и желанные сны. Тикают часы в каюткампании, деловито, по домашнему. словно не под водой, а у матери на кухне. Кот спит, калачиком свернувшись в ногах бодмана. Поскрипывает песок под брюхом «Ерша».

Усталые, разморенные подводники без задних ног, на двух лопатках, подсвистывают носами. Двое бодрствуют, растягивая в зевоте рты.

Подолгу следят за компасами, лазят с лампочками в трюмы, чутким ухом прикладываются к холодной стенке заградителя. Тихо... Тихо. Кто-то, наверное, вспоминая детские годы, бормочет во сне... Сменяется вахта. Сонный, со вспухшим лицом, рулевой со скуки толкает спящих, щекочет им пятки. Когда сон окончательно одолевает его, он подходит к койке сигнальщика, трясет его за плечо.

— Товарищ, товарищ, братишка!

Сигнальщик испуганно вскакивает, больно стукаясь лицом о масляную торпеду, свешивается с койки, спрашивает тараща глаза.

— Что, что ты, а?

— Советую тебе, товарищ, сходи в галюн¹.

Голова сигнальщика прячется обратно, бессвязно шепчут толстые губы. Рулевой, чтобы прогнать сон, размазывает масло по лицу сигнальщика. Облизывается во сне сигнальщик, мычит. Медленно ползут стрелки. Ах, как медленно ползут они в ночную вахту! Яркий свет слепит глаза, голова тянется к плечу, подергивает рот зевота. Под утро, в пятом часу, что-то стукнуло «Ерша» в корпус. Еще, еще... Насторожились вахтенные, замерли уши.

— Чу? Нет, почудилось...

— В отнук скоро... Мне то, братуха, до деревни 43 лошаадьми... Богатая у нас земля, плодovitая, непрерывно родит... И народ-то у нас крепкий, да веселый!

Ползут стрелки, горит свет, молчит бездна. Без четверти семь последняя вахта разбудила командира. Как и не спал, вскочил он с койки. Еще сильнее раскраснелись веки, набухли, надулись. Хрипло заверещала боцманская дудка. Подымались с коек тяжелые головы, хлопали мутными глазами.

— Пересидели.

— Проклятый шторм!

Недостаток воздуха давал себя чувствовать. Спертый, за ночь насыщенный испарениями 35 тел, он давил легкие. Налились свинцом головы, горечь облепила рты. Командир и

комиссар ходили по заградителю, светили в трюмы. Эх, молодежь! Прохлопали! Набралась вода в трюмы за долгую ночь, осела корма. Свободны ли винты? Что-то плотно лежит «Ерш», не шелохнется. Наскоро хлебался кофе, не прожевываясь ситный, масло не лезло в глотку.

— Покурить бы!..

— По местам стоять к всплыванию!

— Есть!

— Продуть среднюю!

— Есть, продуть!

Согнулся торпедист, вертит, дергает рычаги. «Ерш» ни с места, как вкопанный. Быстрыми тревожными глазами — все на командира. Проходит тревога так же быстро, как и вспыхивает лицо у командира, как всегда равнодушное, полусонное. Никто не знает, как работают в голове у него нетерпеливые молоточки. Коррежт командир голову и так, и этак. — Дело ясное, у «Ерша» засосало илом за ночь и рули, и винты. Снова глухой удар потряс лодку, отозвался гулким эхом в пустом корпусе. Оборвались шутки. Подводчики вскинули застывшие лица вверх. Командир не поднял голову, комиссар тоже.

— Оба малые назад!

Зажурчали винты, подняли зеленую муть. Темной, непроницаемой завесой встала она за рубочными стеклами. Напрасно комиссар пытается разглядеть, что толкает заградитель. Толща воды, глухая муть — там, снаружи. Пытится «Ерш» налад, как умное большое животное, волнуется плачем электромоторов. Новый удар в корме сильнее, глуше. Испуганно и нервно содрогается корпус. Слышно, как винты, работая, задевают за что-то, скребут, рычаг от злости.

— Оба стоп!

Секунды кажутся годами. Холодный липкий страх заползает в сердце, мурашки гуляют по спине, как черти на масляницу. Серым пеплом покрываются лица, напряжено дыхание, хриплое, с присвистом. Только теперь замечаюг люди, как душно в лодке, только теперь видят красные глаза, вздутые багровые вены на шее.

— Оба вперед, самый малый!

¹ Галюн — уборная.

Голубым огоньком затрещал рубиль, взвизгнули моторы, завывли винты... Секунда... вторая... третья. Новый могучий удар — страшнее первых. Все дрожит мелкой дрожью, заградитель качает, и дрожь эта остается в

ударил в черное мягкое пятно. Пятно фыркнуло, прыгнуло на рундуки и оттуда зло и упорно воззрились на людей две фосфорические, не мигающие зеленые точки. В корме раздался заглушенный вздох, как будто застонал человек от непосильной тяжести.

Тяжелое хриплое дыхание десятка глоток, шорохи.

Команда укладывается спать.

сердцах людей, холодит руки. Мигнув, потух свет, и вслед за ним из темноты вырвался режущий по нервам истошный кошачий визг. Зазубренным ножом полоснул он по нервам, нагнал холодный страх, немую жуть.

— А чорт, кошачий отродок!

Ругнулся во тьме кто-то и злобно

Хрипит и булькает в жуткой тьме спокойный голос комиссара.

— Товарищи, товарищи, надо спокойнее... братишки! «Ерш» по вашему же недосмотру набрался за ночь водой! его отнесло течением, прибило, наверное, к затонувшему кораблю. Исправляйте свою вину. Спокойствие — главное... Воздуха хватит еще на несколько часов... Конечно, вылезем. Будьте краснофлотцами! Электрики, как там свет?

Беспомощным лиловым мотыльком вспыхнул огонек спички и сейчас же потух. Свет выхватил из тьмы квадратные жесткие щеки комиссара. На секунду осветил чье-то белое лицо с

раскрытым ртом, складки на губах, черные пятна глаз. Электрик, услышав ровный голос комиссара, как-то сразу успокоился и бросился к станции.

— Есть, товарищ комиссар! Только и делов, что лампочки перегорели. Есть, есть — одним минтом!

— Давайте живей, товарищ. Коту хвост, кажется, отдавили. В темноте как ошибиться может, в супе сварит.

Послышался чей-то виноватый смех. Он поколебал мертвую темноту, словно в спокойный смут бросили камень, и круги от броска по воде забились о берег.

— Ничего, товарищ комиссар, я его в руках держу, зажал. Коку лично преподнесу... с почтением... хе-хе!

За невинной остротой рванул лодку громкий смех. Смеются все, неестественно закинув головы, широко разинув рты, захлебываются лихорадочным смехом. Ярко вспыхнувшие лампочки озаряют серые лица, оскаленные зубы, провалы ртов; смех жуткий, нечеловеческий, носится по заградителю. Из красных глаз катятся слезы. От того, что опять вспыхнул свет, признак жизни и солнца, и от того, что командир спокойно смотрит на часы, все смеются проще. Общий припадок, притупляясь, проходит. Двое переглаживаются.

— Струхнули ребята. Очень плохо... Говорят глаза командира и вспыхивают минутной тревогой.

— Ничего, пройдет, выплывем, неправда — темнеют комиссаровы глаза. Рука его нащупывает в кармане собачку нагана.

Бодман поймал кота. Он гладит его по черной, поднявшейся дыбом шерсти. Кот боком, по домашнему, трется спиной о грудь бодмана. Всем становится и стыдно, и весело. «Ерш» стоит на грунте, на дне. На месте стоит «Ерш», не первый и не второй час. Чьи-то неумолимые гигантские пальцы не выпускают его из своей цепкой мертвой хватки. Муть улеглась и в сизой темноте видны теперь бока затонувшего судна, обросшего тиной. Они кажутся совершенно сухими. Долго поглядеть на них — и чудится,

что это аквариум, а за ним — люди, свет и воздух. Люди и свет — а воздуху все меньше и меньше, и растет сомнение попавших в западню людей.

«Ерш» снова пятится назад, рвется вперед, пробивается кверху. Удары, порохи, скрежет, рвущий душу лязг железа, хруст песка под ногами. — В ловушке! Легкие с хрипом взбирают воздух, учащается дыхание, слезятся выпученные глаза. Движения вялы. В ушах звенит надоедливый колокольчик. Рулевой видит, как у маленького торпедиста из уха змеится черная густая кровь, видит, каким лучезарным огнем желания жизни горят его огромные, синие, потемневшие от страха глаза. Под носом у себя чувствует что-то липкое и теплое. Проводит дрожащей холодной рукой — черно-алые сгустки. Пляшет все перед глазами в смешной пляске. Резче и надоедливее звон в ушах. В непосильном мучении кусает он язык, перекатывает его сухой и вспухший, во рту лижет им сухие, потрескавшиеся губы, всасывает кровь... Ему жутко глянуть вокруг. Леденят кровь красные выпученные глаза друзей, надутые черные жилы, вспухшие фиолетовые языки в открытых, прерывисто дышащих ртах.

Командир знает: еще три-четыре часа и... Командир думает: — Презирать опасность — большая глупость. Огсиживаться — бессмысленно. Надо прорываться, надо всплывать!

Комиссар незаметно следит за людьми. В кармане у него наган и палец на курке. Углядеть за всеми? Не меньшая глупость. Надо прорываться. Или смерть, или солнце и воздух. Так...

— Оба — малый назад!... Стоп!... Оба — полный вперед!... Самый полный! Всплывай.

Бодман лихорадочно закрутил штурвалом. Собрав все силы, «Ерш» ринулся вперед. Раздался яростный треск в носу. Со страшным грохотом и треском рушилось невидимое препятствие. «Ерш» дрожал, как в лихорадке. Что-то долго, с лязгом, скребет заградитель. Люди наклоняют головы, вгибают плечи, крепко закры-

Только командир, комиссар, да боцман знают о страшной опасности.

вают усталые глаза: вот яростным, всеразрушающим потоком, ворвется вода, расковеркает, сшибет с ног, задушит. На секунду гаснет и опять вспыхивает свет — и сразу наступает тишина. Монотонно взвизгивает динамо, спокойно гудят винты.

«Ерш», круто забирая носом, несется ввысь. Рулевой, стоя у штурвала и нетерпеливо топая ногами, радостным, звенищим голосом передает глубину: 145... 130... 90!

Радостный вздох из десятка свободновздохнувших грудей. — Всплываем! — Дикой радостью наполняются сердца. Ноги не стоят на месте — так вот и хочется заорать дико, чтобы слышали все люди и рыбы! — Всплываем, жить будем!

Но голос рулевого гаснет. Бледнее и короче его выкрики: 80... 90... 100!

«Ерш» грузно падает на дно. Вместе с цифрами понижается настроение и оторопь нападает на людей. Ровный хруст под заградителем, толчек — мягко садится серое тело. Теперь в корме, в работающих винтах, взрывается заглушенный свист, слышится урчание воды.

— Не работает!

Как эхо звучит упавший голос электрика. Командир глядит в иллюминатор и чуть вздрагивает. По стенке боевой рубки кто-то осторожно карабкается, скрипит по железу мягкими, заглушенными толчками. Десятки выгараженных глаз в немом вопросе уперлись в командира. Всюду чувствует он их. На спине, на плечах, на затылке. Вертявой юлой вспыхнула мысль в тяжелой голове.

— Мина!

Теперь сдает и командир. Расширяются пухлые, красные веки. Серые ясные глаза выглянули оттуда на десятки других, а в тех — жуткий вопрос, великая надежда и мука. Таким команда видит командира в первый раз. Командир зря не посмотрит так, значит — опасность велика. Комиссар прилип к крошечному стеклу рубки. Второй раз в жизни у комиссара мурашки по спине. В первый — под Архангельском, в белом плену, когда затягивали веревку на шею. А второй... вот оно: за стеклом в темном сумраке морского немого царства покачивается черный жуткий шар — мина заграждения.

Мина медленно поворачивается. Еле разбирает комиссар чужие, непонятные буквы. По старой морской привычке мрачно про себя ругнулся комиссар. Ругань прогнала мурашки. Круто повернулся и взглянул на ребят — молодых, крепких и таких теперь беспомощных. Скрипнул зубами, сжал кулаки. Таким да помирать! Четко и спокойно:

— Ну, хлопцы, опять в беде по уши. На немецкую мину нарвались. От германской войны осталась. И как она тут уцелела? Задела за винты, еще за что-то, и стучит — прорва — в рубку. Ударники — на верху... Всем беда... Ну-ка, братва, за себя бороться будем.

Али кто помирать захотел? Свою судьбу в лапах держим. Прохлопаем— «Ерш» и все мы к чортовой бабушке на именины — и не дурачиться! Первого — ухлопаю и фамилию неспрошу — не по чем поминать будет!

Бодман крутит головой.

— И что-то не везет, голубки, — не везет, батюшки! Поди ж вот ты — от жены, да к теще!

То, что опасность сторожила совсем рядом и сама смерть, казалось, заглядывала в глаза каждому — делало людей странно спокойными. Все молчали, только рты жалко всасывали спертый воздух.

Вдруг молодой артиллерист, как порожний мешок, упал на палубу и обхватил лицо руками. Он завизжал, тихонько, высунул командиру толстый распухший язык и, подмигивая кому-то, полез на рундуки. На него никто не обратил внимания, только у комиссара живой заходили желваки и потемнело лицо...

Преувеличенно быстро и развязно работали подводники, вздрагивая, когда громче и назойливее ударяла в рубку зловещая гостья. Комиссар, не отрывая глаз от иллюминатора, бросал порой косые взгляды на артиллериста и тогда тверже ложился палец на курок нагана. — Не испортил бы, бедняга, чего! Ишь, ведь, как перепугался!

Непобедимая звериная жажда жизни заставляла двигаться быстрее. Когда визг, стоны артиллериста становились назойливее, командир возвышал голос, подбадривал, старался шутить, и работа спорилась бойчее. Железный такой не писанный, подводный обычай, командир смеется, значит — смеяться всем. Откачивается накопившаяся в трюмах вода, выравнивается нос, из цистерн осторожно удаляется вода. Но «Ерш» и не думает подыматься. Невыносимо долго тянутся минуты. Подводники украдкой следят за командиром и бодманом и втихомолку ругаются.

— Черти, морды невыразимые! Мумии египетские! Ничего-то от них не узнаешь!

Одинаково равнодушны — командир и бодман, спокойно смотрят они на

глубомер. «Ерш» упрямится, воздух убывает, все труднее дышать. Вдруг пухлое лицо бодмана расплывается в широчайшую улыбку. Оскалась, он говорит командиру:

— Всплываем, командир!

Сначала потихоньку, потом все быстрее и быстрее, «Ерш» мчится ввысь, таща за собой страшный, молчаливый груз. Напоминая о себе, мина глухо стучит в рубку. 60... 50... 53... К солнцу и звездам, к ясному прозрачному небу, к благодатному ветерку... 45... 41!.. Вот, вот скоро, ну еще! Ну, воздуху! Светлеет вода в иллюминаторах. Теперь рядом поверхность, а с нею — спасение. Родимые, желанные берега, чайки. Воздуху, воздуху!

Комиссар смотрит на командира. По жесткому, суровому лицу его пятнами — бледнота. Вот она смерть, — неизбежная, ничемная, смешная. Проклятый груз, проклятый! Никто, кроме трех — командира, комиссара и бодмана, не догадывается, что мина всплывает первая и поднявшийся за ней «Ерш» наскочит на шишаки мины и взорвется. Ничего не знают подводники. Радость спасения влилась буйным, рокошущим потоком в молодые тела, зовет к жизни и солнцу. Смотрит комиссар на молодежь, шевелит бровями. Нет, нет, да захрипит чья-нибудь глотка, зашатается паренек, рванет нетерпеливо рукой ворот форменки, скрюченными пальцами царапнет грудь. Установился в землю комиссар, перелистывает бурные листки бурно прожитой жизни. Вот где умирать пришлось. Белые резали, не дорезали; доктора резали — не дорезали. Вот она, смертушка! Да, не даром прожито, пусть другой так попрыгает, как он, комиссар. Умирать, так с треском. Добром помянут... Там, наверху! Он широко улыбается командиру. Командир дергает уголками губ. Думать о себе и волноваться ему нельзя. Командир не один — вон как смотрят, пусть и умрут так, с надеждой.

— Как глубина?

— Всплываем... 39... 37!

Бодман смежил тяжелые веки. Он смертельно устал. С трудом прихо-

дится сдерживать нервы... годы изменяют. — Ничего, хорошая смерть. В одну секунду ничего не станет. Так-то лучше, голубки! — Тужится вспомнить бодман, кто же о нем плакать будет. Старческие глаза пытаются воскресить позабытые родные лица. Ничего не удается. — Внук?.. Никаких звуков нету. Нету и не предвидится!

Трое ждут смерть и только трое знают, как близка она. Кажется им, что вечная ночь кладет тяжелые свои пальцы на усталые плечи. Монотонно гудят электромоторы. В лодке висит переливчатый хрип и сопение. У рулевого рождается детская мысль: рвануть за рычаги дистерн, вихрем взлететь к воздуху, ухнуть им, бесноваться в диком веселье.

За него это сделал другой. Никто не заметил, как подобрался артиллерист к распределительной доске электростанции, кошачьим прыжком кинулся к рубильнику, включил его. Застыли подводники, замерли совсем наизнанку красные, мутные глаза. Гролом пророкотал выстрел комиссара. Не промахивался комиссар в белогвардейцев, не одному годков побавил, а теперь на своего дрогнула рука, промахнулся комиссар. Пули, отбив кусок мрамора, дзигнула в корпус, и, свистя, отлетела рикошетом.

Вспыхнула хрипая ругань. Плевки белой, пузырястой пены, хриплое дыхание, нечеловеческий крик, топот, возня...

Взвизгнули яростно моторы, «Ерш» задрожал. Винты рванули, что-то хлестнуло, проурчало, заскребло, будто злобные железные пальцы морского чудовища яростно рвали обшивку «Ерша». Опять застыли винты, опять рванули, натужились последний раз и загудели ровным, монотонным гулом. Заработали винты, перервав стальной трос мины. Мощный удар сотряс заградитель. Освободившаяся мина ударила о рубку. Бодман крепче зажмурил глаза. Комиссар еще шире улыбнулся. Командир вытащил часы.

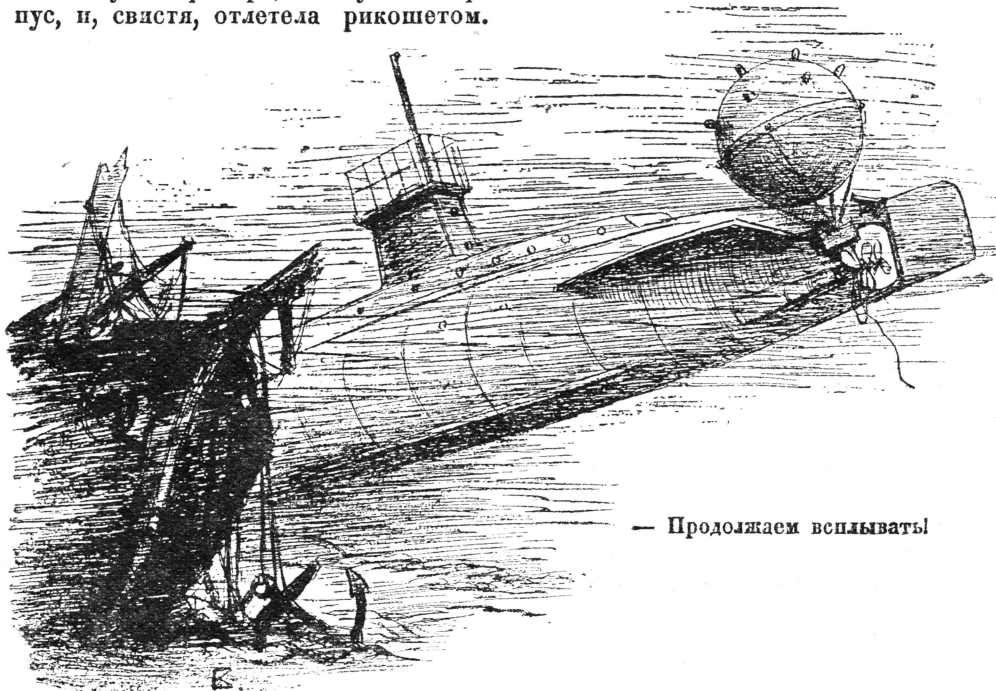
— Вот... вот... прощай все!

Прошел миг, второй, и на третий закричал радостно рулевой:

— Продолжаем всплывать!

Подводники не знали, чему верить, кого слушать. В углу заградителя двое, закинув головы, хрипя, выпускают потоки слюны, осели на палубу. Артиллерист пришел в себя. Связанный, он кусал губы, виновато улыбался и все твердил:

— Виноват... нечаянно... больше не буду!

— Продолжаем всплывать!

Бодман открыл глаза, комиссар нахмурился.

Командир, уткнувшись в иллюминатор, ничего кроме серого зеленого сумрака не увидел. Он радостно улыбнулся и закричал, как мальчишка:

— Полный, полный вперед!

Вместе с воем электромотора возбужденно захрипели голоса:

— Есть, есть!

Рулевой чувствует, как мокнул щеки и солоно на губах. Оглядывается кругом. У всех влажные глаза, горящие буйной, радостной жизнью, чудовищным восторгом.

— 39... 37... 30!

Радостным голосом кричит рулевой. Он чуть не пляшет у штурвала, приседая при каждом выкрике. В перископ полоснул свет. Командир впился в холодное стекло иллюминатора. Невдалеке от «Ерша» медленно, величаво крутилась огромным черным шаром мина. «Ерш», идя по перископу, неся прямо на нее.

— Право руля... Еще, еще!

— Есть право, — шипит бодман.

Море спокойно, малюсенькая ровная зыбь, и на краю горизонта пылает пламенем золотой диск солнца.

— Всплывай!

— Есть.

— Пошла помпа!

Нажали рычаги торпедисты, и когда послышалось характерное бульканье, долгожданный шумок за бортом, осел один на рычаги и тихонько захныкал. Другой оттолкнул его и крикнул:

— Работает помпа!

По палубе захлюпала вода и было это хлюпанье слаще и дороже всех земных звуков. Командир смотрит на часы.

— 8 часов вечера... Ну и молодцы, ребятки! 26 часов, да ведь это же ре-

корд, — думает он и чувствует, как от этого рекорда в глазах вертятся огненные круги и пляшут разноцветные мухи. Десятки воспаленных мутных глаз глядят на командира. Слышит он невыносимый хрип команды и свой такой же. Открыта вентиляция рубочного люка. Холодной стрелой вливается воздух в лодку. Жадно пьют его сухие глотки. Открываются люки. Плотной тяжелой массой выстреливает воздух. Он давит на уши, гонит слюну и благодатно живоительно опиваются им люди до одурения. «Ерш» всплыл.

— Стоп моторы!

Частая дробь подошв обрадовавшихся людей по железному трапу. Все вдруг сразу вспоминают, как невыносимо хочется курить. Тарахтят спичками, просыпают махорку, с оглоблю свертывают козьи ножки, набивают трубки.

— Пф-ф-у-у! От-то, как славно!

Море играет мирядами бликов. Золотой шар солнца неохотно закатывается за ясный горизонт, забегая за облака малиновым пожарищем. С моря тянет запахом меда от прелых морских растений. Блаженно дышат уставшие груди. Люди благодушно поругивают черную неуклюжую мину. У орудий завозились артиллеристы. Как спокойно, словно, не было ничего полчаса назад!

Рывнули залпы орудий и дернуло вечерний тихий воздух... Чудовищный взрыв. Осколки мины падают в воду, черный дым низко стелется по спокойному морю.

Через полчаса опять зарывали дзеля на «Ерше», опять стелилась за кормой дорога забортной струи. Улюлюкая, «Ерш» протяжно завыл сиреной.

Впереди вставали желанные берега.

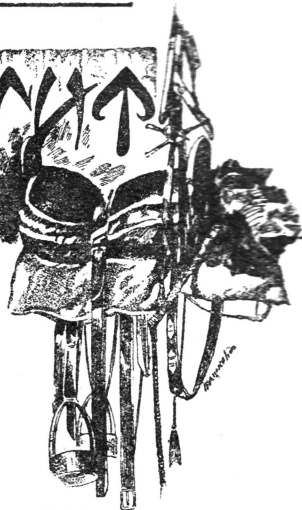

ТЕДЫН ДЖИЛИТ

Рассказ МИХАИЛА ЯН

Иллюстрации МАРИИ ПАШКЕВИЧ

«Любит жизнь — не боящийся смерти».

Широкогрудые волю и длинно-горбые верблюды скрипели на полях деревянными сохами — омачами, взрыхляя застоявшуюся за зиму землю. Арыки чистились, готовились к жаркому лету. Взмахи тяжелых блестящих мотыг — китменей прорезали воздух, наполненный скрипом арб, везущих тополевые бревна, воплями ушатых ишаков, шумом падающей воды. Под бирюзовым куполом азиатского неба отовсюду неслись пестрый гул начавшейся весны.

I.

Самид беден. Был он и батраком — чайрикером, возил хлопок на арбах, служил в чай-хане. А теперь вот — печет лепешки в глиняном котле, опрокинутом над огнем.

Садатхон — дочь Абдыра, возчика на арбе — арбакаша. Стар отец и сух, как саксаул в Кызыл-Кумах. Ездит на арбе, возит хлопок и клевер из кишлака за семьдесят верст в Самарканд. Сыновья — Мамед и Ильмиз, работают в поле. А старший — Богадур — ушел служить к благочестивому ишану, стал его учеником — мюридом, носит длинную бороду и шелковые штаны в зеленую полоску.

Самид любит тень Садатхон. Садатхон любит смуглость фигуры Самид. Но сейчас весна — Абдыру нужны деньги на посев, — просит, а откуда их достать? — Просит он за

Садатхон: семь мешков риса и три овцы. Где же бедняку лепешечнику заплатить семь мешков риса и три овцы!

Есть жеребец у Самид, не такой, как здешние. Подарила ему жеребенка золотистая хромая кобыла с перебитой пулей ногой, брошенная басмачами, когда Самид с кзыл-аскерами¹ догонял их в горах Агалыка. Что делать кзыл-аскерам с хромой бешеной кобылой, прыгавшей на трех ногах? Ну, — пристрелили, а жеребенка взял Самид. Еще мальчишкой видел он той масти, что была кобыла, — жеребца у Чарджуйского бека, среди других десяти жеребцов всех мастей. Были они прикованы на цепи, и вторая цепь шла от задней ноги к столбу. Храпели, ворочали налитыми кровью глазами, когда подходил незнакомый.

Вырос Тохтыр высокий, сухопарый, рыжий, как песок, с черными ногами, черной гривой и хвостом. Маленькая голова с приплюснутыми ушами на крутой длинной шее. Вот уже скоро два месяца, как держит его Самид в темной конюшне позади своего маленького дома. Отказывает себе в пригоршне плова — кормит жеребца жирным овсом прошлогодним, зерном ячменным, саманом² с кукурузой. На улицу, на проводку, выводит его Самид только вечером, потухшей

¹ Кзыл-аскер — так в Туркестане называют красноармейцев, «Красные солдаты».

² Саман — месиво из рубленой соломы.

ночью и, не оседлывая, вскакивает на широкую спину. Медленным ровным шагом выводит его часа два. А потом, сжав бока и отпустив поводья, летит... летит, обгоняя неповоротливые, скулящие пересохшими колесами арбы, и пугая встречных заноздалых купцов. Тохтыр рвет землю подковами, острыми и злыми как клыки кабана, и кажется, что в неостановимом беге обгонит мелькающую по дувалам серую лунную тень...

II.

Вечером вышла Садатхон за калитку. Остановилась. Скинула душную паранджу¹. Хочется чистого воздуха, свежей ночи... У отца денег нет, засеять нечем... А Мансур Асанбеков сватается... Два верблюда дает, рис... Отец старый... Угрюмо молчат братья. А тот, что в мюриды ушел, говорит: «Следуйте по стопам Аллаха и воздаст!» А сам в штанах шелковых...

Через неделю кобкара². Через неделю Самид поскачет... Ведь Султанходжа за первого козла верблюда выставил! А верблюдом можно посея поправиль...

В чай-хане огоньки... Слышно дрожанье дутара. Чей-то голос поет:

— Каранги гиджеслер... Коуб тутмак якты гюн...³ Песня тревожит душу. Садатхон плачет. Прислонилась к двери карагачевой. Слушает. Столбики пыли поднялись над дорогой. Мягко хлопнули подковы по земле. Темный силуэт заслонил звезды...

— Садатхон! Горлица... — шепчет Самид. — Скоро кобкара. Смотри! — нажал ногами бока жеребцу и в прыжке исчез... Дикое ржанье прокатилось и стихло... Брехнули собаки... Топот затих. Повернулась и скрылась. Скрипнул засов, и тишина залилась звонком цикад и арыков.

² Паранджа—сетка из конского волоса, которой узбекские женщины закрывают себе лицо.

³ Кобкара—скачка до определенного места с козлом в руках, причем победившим считается вырвавший у других.

³ «Темная ночь всегда догоняет светлый день».

III.

Каждое утро и вечер кричит бидана — певчий перепел. Каждое утро и вечер отмеряют один день. Уже шесть дней и сегодня кобкара. Рано поднялся Самид. Быстро прошел к Тохтыру, вывел его к арыку. Первый раз за два месяца конь увидел солнце, чуть поднимавшееся из-за вершин Агалыкских гор... Почуял конец заточения в темной конюшне... Радостно фыркая, бил Тохтыр широким кованым копытом, играя, кусал Самида за плечо... Все его тело было свежо и подтянуто, как струна на дутаре.

Не кормя жеребца, Самид наложил на его холку вышитый войлочный потник, легкую накидку из серой адрясы и потом горбатое седло с выгнутой дугой и короткими стремянами. А сверху положил волосящую подушку и затянул тройным ремнем. Привязав Тохтыра к подкове, вбитой в навес, Самид одел простой яркий керкинский халат и затянул голову красной чалмой. Снял со стены треххвостную нагайку — единственное оружие, которое разрешается употреблять на кобкаре, вышел и, легко перекинув тело, оказался в седле. «А Садатхон? Будет ли она? Садатхон, имя которой означает счастье, принесет ли она его Самиду?» Тохтыр недовольно топтался на месте, приседал на задние ноги и пугался качающихся теней от тутовых деревьев. Осторожно, сдерживая коня, Самид выехал тропинкой на большую дорогу.

На кобкару ехало со всех окружающих кишлаков не мало народу, и пыльная дорога расцвела красными, желтыми, синими, полосатыми халатами, белыми чалмами, прыгающими, слепнувшими от солнца жеребцами. Седобородые старцы ехали на ишаках посмотреть, как их сын или внук будет пытаться счастья в той игре, в которой и они участвовали когда-то. Проезжали высокие арбы с закутанными фигурами женщин и мальчишкой верхом на лошади вместо возницы. Краешком дороги пробирались пешеходы.

IV.

Солнце прыгало бликами на лоснящихся крупах жеребцов, на лоске халатов, на смуглости лиц. Самид уже заметил не мало знакомых. Вон — одинокий арбакеш Усвали, подергивая свисающие усы, одной рукой сдерживает своего маленького киргизского жеребца. Рядом с ним едет хозяин чайханы в кишлаке, Мир-Сеид-Замбуил. Его седая борода выкрашена заново хною и оранжевым пятном торчит из-за зеленого халата. Узкие улочки кишлака извиваются в тщетной попытке свободно пропустить всадников. Мимо Самид с гиком проносится совсем еще мальчишка в красной чалме, на вороном крупном, ширококозлом жеребце. Самид его знает. Это — Джамад, младший сын Султан ходжи, — виновник сегодняшнего праздника.

Ему исполнилось 16 лет, сам «святой ишан Баба-Нияз» сказал, что он «жених», и отец выпускает его впервые на кобкару, выставляя призы.

Не один завистливый взгляд останавливается на гордо закинутой голове Толтыра, на его тонких скрепками бабками ногах, на подтянутом животе. У многих мелькает мысль: «Откуда у него такой жеребец? Не пошел ли этот парень по славным дедовским тропам в Афганские горы и не взял ли он там ножом или пулей этого доброго жеребца?»

— Чего плетешься, как ишак? — окрикнул его внезапно Усвали и подогнал своего жеребца. — Как думаешь? Один скакать?

— Да...

— А мы вместе. Нас пятеро. Все же расчета больше. Народу много, одному тяжело. Иди к нам! Потом, поровну разделим...

— Нет. Не хочу...

— Ишь какой гордый! И Мансур Асанбеков с нами, на что богач...

— ...И он с ними... Жених? Жених... Справившись с собою, Самид спокойно ответил: — Нет, не уговаривай...

— Один поскачешь, ни зерна рису не возьмешь, а голову сломишь.

Самид узнал Садатхон.

— Мой приз — Садатхон. А Садатхон я не делю...

Самид встал настремана, подпахнул под себя халат и, опустившись в седло, отпустил повод. Впереди шарахнулся, осел с темной фигурой женщины на нем. Самид услышал тихий окрик:

— Иери¹, Самид!...

Он узнал голос Садатхон. Разделить Садатхон? Скакать рядом с женихом, с богачем? Нет...

Взрывом пыли от прыжка закрылся жеребец. Ветром полетели назад обгоняемые. Самид крикнул:

— Иери!...

— Иери!... откликнулись голоса, и за ним понеслось несколько джигитов.

V.

Знакомая, сухая, вся изрытая копытами за прошлогодние кобкары долина сегодня показалась радостно играющему от быстрого бега сердцу — новой. И карнизы серых скал кругом, и синяя отраженным небом жила реки, и толпа разноцветная, переливающаяся, рассеянная по скалам, показалась невиданной и острой.

¹ Вперед, Самид!

Под наскоро раскинутыми палатками продавался шашлык, плов, блины с бараниной. Всюду шныряли разносчики сладостей, продавцы чилимного дыма, изюма, фисташек. Толпа шумела, запасалась едою на время игры и взбиралась повыше на холмы. Бешеные кони разнесут в клочки всякого, попавшего под их натиск. На одном конце долины, на выступе полукругом расположились на ковре под карагачем, оценщики и судьи сегодняшней забавы. Они важно сидели, покусывая пучки душистой полыни, и поглядывали, как каждый из вновь прибывших, проезжая мимо них, старался выставить получше своего жеребца, дыбил его и с гиком пролетал мимо.

В середине судей сидел Султан ходжа. Он был красен, важен и любезен. Два мальчика узбека, сгибаясь как стебли камыша, приносили кок-чай, чурек, бикмес¹, фисташки в мелу и сушеный виноград. Около

день, когда Султан ходжа посовещивался с прочими судьями. — Начинается... — прокатилось по толпе дуновение шопота. Поднялся гул и крик, перемешанный со ржанием. Самид нарочно оказался позади, где его Тохтыр был свободен от тисков толпы.

Внезапно раздался глухой удар в барабан, протрубил тюйдюк², и вперед выехал медленно и величественно старик на белом жеребце. В руках его висел четырех-пудовой тушей окровавленный козел.

— Джигиты! помните, что позор — хуже смерти. Пусть возьмет козла достойнейший из вас... Байга!... — крикнул он.

Козел описал дугу в воздухе, сотни рук взметнулись кверху, дикий ответный крик вылетел из грудей джигитов. Все толпище качнулось, закипело вокруг того места, куда упал козел, началась давка, и вся масса коней, взмахнувших рук, напряженно нагнувшихся спин, неудержимой лавиной ринулась по одному направлению...

Кобкара началась.

VI.

Первым, вырвавшись из толпы, держа козла перекинутым через седло,

судей лежало несколько свежесрезанных черных козлов с обрешеченными головами и обрубленными до колен ногами. Уже близился пол-

¹ Чурек — пресный хлеб в лепешках, кок-чай — зеленый чай, бикмес — виноградное варенье.

² Тюйдюк — чрезвычайно длинная узбекская труба.

вылетел сын Султан ходжи — Джамад... Помогли ему его сторонники, желая подладиться к отцу, или кто иной, — неизвестно. Но он вырвал первый. Улюлюкая и крича, бледный от волнения, он, прижавшись к седлу, полетел напрямик к другому концу поля, куда уже бежал совет судей, чтобы принять победителя. Никто не ожидал такой прыти от мальчишки. Толпа, сидевшая на холмах, в неистовстве вскочила и, приветствуя Джамада, начала свистеть и кричать. Толпа джигитов, сталкиваясь и задерживая бег друг друга, кинулась ему во след. Но внезапно наперерез Джамаду, незамеченная никем сначала, группа из пяти джигитов, тесно сжавшись, вырвалась вперед и, круто повернув, налетела сбоку.

— Они... Усвали, Мансур... Они вырывают. Они возьмут, — замелькали мысли у Самиды.

Не успел Джамад повернуть коня, как удар нагайкой полуголушил его. Но ухватившись за луку седла одной рукой и за козла другой, выпустив из рук поводья, он упорно продолжал мчаться, сжатый со всех сторон конями джигитов.

стояло или вырвать, или слететь под копыта коней, потому что отпустить — это позор, а позор — хуже смерти! Не обращая внимания на удары нагаек, Джамад дернул козла к себе, Мансур в это время дернул тоже, но с такой силой, что козел разорвался...

Толчок и сила разрыва заставили Джамада потерять равновесие. Все еще не выпуская части козла из судорожно сжатых пальцев, Джамад полетел под копыта лошадей...

Раздался оглушительный рев трубы, бой барабана, и джигиты, с трудом сдерживая коней, послушные сигналу, остановились, тяжело дыша. Козел разорвался и судьи это заметили. По правилам игры, тому, у кого останется большая часть козла, разрешается начать скачку от того места, откуда козел был брошен впервые.

Мансур, вырвавший большую часть, отъехал назад и стал на место, подложив под ногу скользкую тушу. Сзади, всего в расстоянии нескольких

Самид увидел, как Мансур, уловив момент, схватил козла. Джамаду пред-

Самид летел
вперед...

шагов, цепью расположилась вся остальная масса джигитов. Наступила тишина. Мансур знал: для того, чтобы вырваться из такой цепи, нужно иметь исключительно быстрого жеребца. Когда труба снова длинно прорезала воздух и захлебнулась в вое сотен глоток, он сразу сорвался карьером.

Сейчас была решительная скачка. Скученности не было. Из линии ровно двигающихся джигитов стали выделяться вперед сильнеешие.

Вот тут-то в свободном поле вперед вырвался Тохтыр. Самид не понул, не бил его, тот сам превратился в режущую воздух неудержимую стрелу. Еще быстрее понесся Мансур, увидав догонявшего Самиду. Тот распластался в полете и гонит Тохтыра вперед. А сзади него белые, рыжие, черные жеребцы, с налившимися кровью глазами, летят в борьбе за первое место.

VII.

Уже почти рядом мчатся Самид с Мансуром. Мансур обернулся, лицо его посерело, губы закусены... Резко придвигает он коня ближе к Тохтыру и поднимает нагайку. Но Самид перевалился за другой бок жеребца и удар пришелся по шее Тохтыра. Как пружина вскинулся тот. Передние ноги его в прыжке поднялись на воздух и жесткий удар копыт опустился на спину Мансурова жеребца.

— Баай... га.. а.. а..

На лету изогнувшись, поймал Самид козла. Разом подложил под колено, прижал ногой и, обернувшись, увидел серый тук упавшего жеребца и налетевшую на него толпу оскалившихся жеребцов.

Над долиной поднялась пыль... Козел —скользящий от крови, а бег Тохтыра— прерывистый. Шея потная закинута назад и земля мелькает под копытами, утекая как вода в сторону, в сторону... Круче в сторону! Справа заггибают, догоняют... Уже скоро и речка. Самид оглянулся. Сзади, тесно сжавшись, летело несколько человек. Белогрудый жеребец чайханщика, выщерив глаза, выкидывал ноги и медленно догонял. В мозгу вспыхнуло:

«Догонит—и все пропало!.. Садатхон.. счастье... верблюды...» Как-то незаметно прижался к шее коня, слился с ним в один натиск, в одну мысль, и сжал ногами до боли, до судорог. Сердце задохнулось, и из горла вылетело невольное: — Баайгаа!...

Сейчас отрезали от речки и гонят прямо на крутые холмы. Загнанным кабаном хрипит и оглядывается Самид и вдруг поворачивает туда, в сторону, где упала, зацепившись за дерево, каряя лошадь, и правое крыло всадников, заспотыкавшись, впиваясь копытами в землю, задержалось на кочковатой почве.

Маленький испуганный мышенок надежды радостно забежал в груди... Скорее, Тохтыр! Скорее! Вот уже сбит ударом груди буланый жеребец Замбраили-кузнеца, вот еще двое отлетели в сторону.

— Баайгаа!... — рвется в уши крик.

Вот уже и речка. Сжавшись, прыгает Тохтыр, проносится по воздуху, легко опускает передние ноги на землю, а задние, как у зайца, уже впереди передних в неостановившемся беге.

— Баайгаа!...

Сзади слышны крики, плеск... Кто-то упал в воду. Кто-то разбился в прыжке... Мимо! Мимо!... Впереди — чистое поле. Жужжащий в ушах ветер. Но сзади неумолимая дробь копыт... Дробь копыт... Остается всего лишь 100 шагов... 70... 60... А сзади нагоняет огромными прыжками белый жеребец Мир-Саида... Тохтыр, закусив удила, распластался, прижав уши. Дыхание белой оскаленной морды совсем близко. Рыжая борода чайханщика маячит рядом... «Э! Вырвал... Неужели пропало?...» Еще 30 шагов... 20... 10... Срозмаху хватает Самид козла и кидает вперед, туда, где с протянутыми руками уже стоят готовые принять его судьи... И в то же мгновение чувствует точно на себе резкий удар по крупу Тохтыра. Небо перевернулось... Плеснул в уши дикий крик толпы «.. айя... байга». Полет вниз... потом вбок... Разноцветные мухи закидались в потухающем сознании.

Взвизывая от удара на дыбы, от-

ступил Тохтыр назад. Судорожно поднятым копытом ударил о что-то... Брызнула кровь. В страхе заржал, почувствовав пустоту седла.

Замешалась, закидалась и остановилась озверевшая толпа... Судья ловко поймал кинутого козла.

Место первого джигита было занято.

На холмах кричал народ: «Самид чурекчи энгин!...»¹, а Самиду с разбитой головой поднимали подбежавшие старики...

«Садатхон... счастье... Верблюд...»

— Пусти, привратник шайтана—заговорил ишан.

VIII.

Кончилась кобара.

Снова на синий небесный полог выплыл золотой амулет—месяц. А звезды—рассыпные бусы.

В чай-хане резкий говор. Свет фонаря, затянутого шелком, вычеканил в полутьме профиль. Длинное, худое лицо. Светятся животным блеском глаза. Огромные черные волосы дохлыми, слипшимися червями упали на сутулые плечи. Это сам святой ишан Баба-Нияз. Спит на голом камне, ходит в одном халате, волосы дал обет не стричь, не мыть тридцать лет и тридцать три ночи...

Горяча его речь, как дыхание арьяна². Сухая рука, точно ветка карагача, прыгает в халате. Резкий его выкрик и все поднялись. Встал ишан и пошел. А за ним, уходя в темноту, взволнованно перекликиваясь, пошли другие. Быстро опустела чай-хана. Хозяин постоял у столба и пошел собирать недоеденные лепешки.

Темная ночь—что день у крота... Идет толпа, натываясь друг на друга, забегая вперед, заглядывая на сухого

ишана. А ишан, как лунатик, выпрямился и не слышно скользит длинными шагами. И вдруг в темноте, только вышли из-за угла, словно ударили пять пальцев в глаза—пять ярких до ослепления окон и длинный белеющий в ночи дом.—Вот оно—преддверие шайтана!.. У дверей сонный миллионер склонился на винтовку. Устало поникла голова. Дробно зашаркали туфли в дверях. Вскочил. Увидел. Бросился вперед:

— Что надо?

— Пусти, привратник шайтана! Я пойду говорить с самим вашим главным табибом!—зло сверкают зрачки у ишана.

— Нельзя! Нельзя! Не велено... Он на операции! Отступите! Назад, а не то!...

— Отойди сам назад, красный пес! Не видишь, кто перед тобой?..

¹ Самид лепешечник—победитель.

² Арьян—молочная водка.

— Не могу пустить...

Но шума достаточно, и чьи-то легкие ноги уже побежали в приемную, оттуда в кабинет, оттуда в операционную. Яркая блестящая лампа. Никель инструментов. Белизна стен.

— Чадан! Послушайте вас зовут! Пришли за этим... Идите скорее, они еще в палаты ворвутся.

Чадан снял белую шапочку с головы. В приемной растерянные служители едва сдерживали возбужденных стариков кишлака. Кулаки сами размахиваются, готовы ударить. Руки милиционера прыгают по прикладу. И вдруг тишина. Вошел Чадан.

— Ну! Говорите скорей!—на чистом узбекском языке.

— Отдай нам, таиб, Самада чурекчи!..

— Зачем?

— Не должен он умереть презренной гиеной в доме гяура. Он — первый джигит. Пусть умрет в мечети...

— А награда его куда пойдет? Верблюд? — и скользкая улыбка прошла по губам Чадана.

— Награда пойдет на мечеть... Искушит его грехи.

Чадан был родом киргиз. Голова — бритая, раскос, руки до колен.

— Нет!

— Мы его возьмем!...

— Он будет жить, и вы его не получите...

Сердитые огневые змейки забегали в глазах ишана. Он скорчился коршуном, его черные зубы показались из-за губ. Старики двинулись вперед.

Одно движение рук Чадана — ишан отлетел в толпу. И выкатилась в дверь живая масса слизняков под шелковыми халатами, пришедших за молодой жизнью.

— Убирайтесь вон! Шакалы!

Белый потолок. Белые стены. Белый халат склонился. Блеск инструментов. Забинтованная голова Самада на столе.

Он бредит. Кругом все свет... Самад видит перед собой дрожащие уши Тохтыра. Солнце! Размеренная скачка легка... Что-то мелькает кругом. Глаза... Много глаз... Глаза Садатхон... Прыжок, мимо! Мимо! Вперед!..

Упорные глаза Чадана. Степной киргиз — доктор, хирург.

И все исчезло под наложенной на лицо маской. Хлороформ. Легкое кружение в голове. Сладкий запах. Огромное колесо завертелось в мозгу, подхватило обрывки мыслей, оглушило сознание...

— Отнесите в 3-ю палату. Он будет жить!

Ж Ю Р И

ЛИТЕРАТУРНЫХ КОНКУРСОВ НА РАССКАЗЫ

„ЗА РАБОТОЙ“ и „НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ“

ПРИСТУПИЛО К РАБОТЕ.

Результаты Конкурсов будут опубликованы в № 7 или № 8 „МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ“. Тогда же **начнутся** печатанием **премированные произведения.**

Очерк П. С.

*СЕНСАЦИОННАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА. — ЦАРИЦА ШУБАД НА
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ СТАРШЕ ФАРАОНА ТУТ-АНХ-АМОНА. — СУММЕРИЙСКАЯ
КУЛЬТУРА — РОДОНАЧАЛЬНИЦА КУЛЬТУРЫ ЕГИПЕТСКОЙ.*

Год назад (см. № 11 «Мира Приключений» 1927 г.) мы познакомили читателей с первыми результатами большой экспедиции, во главе которой стоял заслуженный английский исследователь Леонард Вулей и в которую входили представители Национального музея Америки, Университета Пенсильвании и Британского музея. Эта англо-американская научная экспедиция неустанно работала на раскопках древнего города халдеев Ура, из которого, по сказанию Библии, Авраам и отец его Фарра отправились в землю Ханаанскую. Раскопки в пустынной ныне Месопотамии дали поразительные результаты. Экспедиции удалось восстановить картину жизни халдеев за 6 000 лет до наших дней. Из песков пустыни восстал теперь один из древнейших и богатейших городов мира, Ур, расположенный у слияния рек Тигра и Евфрата.

Для науки эта экспедиция дала необычайно много: разрешается вопрос, что суммерийская культура предшествовала египетской и что страна фараонов заимствовала свою культуру из страны халдеев, где она процветала еще до первой династии Египта.

Для истории материальной культуры имеет громадное значение сенсационная находка экспедиции, находка, в блеске которой тускнеет открытие усыпальницы фараона Тут-анх-амона, наделавшее в свое время столько шума.

Отсылаем читателей, интересующихся археологией и историей, к очерку, который мы указали выше. Здесь мы остановимся только на поистине изумительной удаче экспедиции, открывшей гробницу царицы Шубад, гробницу, на тысячелетия более древнюю, чем гробница фараона Тут-анх-амона и раскрывающую зоркому взгляду науки забытые тайны, погребенные около шести тысяч лет назад.

Вообще наибольшую ценность для восстановления погибшей культуры предста-

вляют собою преимущественно находки древнейших могил суммерийских царей. Все, начиная с архитектуры, поражает здесь современного человека. Гробницы сложены из камня, а в низменную Месопотамию камень должны были доставлять за сотни километров. Колонны, арки, кладка из кирпича в этих гробницах говорят о том, как высоко стояло тогда искусство архитектуры.

Не менее ценно для науки и содержимое гробниц. Тут найдено такое богатство всевозможных жертвоприношений, которое и не снилось нам: золотые ожерелья, булавки, всевозможные украшения из массивного золота или из тонких листов золота, покрывающих медь, кувшины из алавестра, нагроможденные друг на друга серебряные кубки и чаши, стройные золотые бокалы на ножках из лапислазули, серебряная лодочка длиной в 60 сантиметров, копы и кинжалы с художественно разукрашенными золотом и серебром рукоятками.

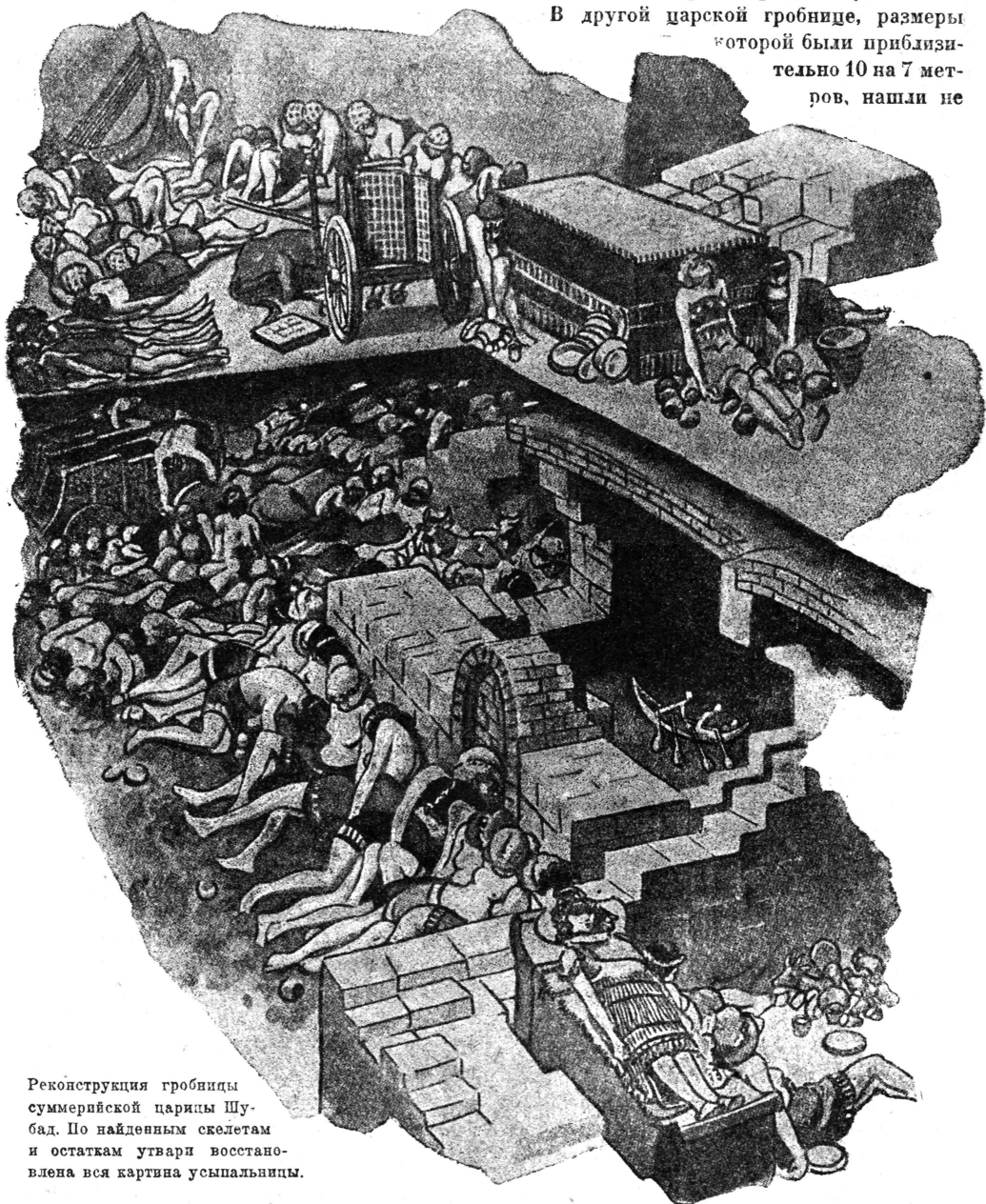
Гробница царицы Шубад до сих пор оставалась неприкосновенной, ее не грабили жадные до наживы авантюристы, как это часто бывало с древними гробницами. Поэтому гробница эта дает нам яркое и точное отображение жизни за много тысячелетий назад.

Последнее место успокоения царицы Шубад поражает роскошью и пышностью. Все самое лучшее должно было украсить безжизненное тело ушедшей. Одевание ее все расшито бисером, сделанным из агата, лапислазули, сердолика и золота. Прекраснее же всего головной убор царицы Шубад. Это настоящее произведение ювелирного искусства. Он весь состоит из золотых листиков, цветов и колец, перевитых нитками из лапислазули. Чтобы яснее представить себе, какое впечатление производил этот головной убор, сделали гипсовый отлив суммерийского черепа, покрыли его

воском, раскрасили в естественные тона, затем по размерам головного убора сделали парик и получилась правдоподобная голова шумерийской женщины. Мы ее воспро-

веческих скелетов. Исследования показали, что все это — останки придворных дарицы, слуг и рабов. Все эти люди были, повидимому, принесены в жертву во время торжественных похорон дарицы Шубад.

В другой царской гробнице, размеры которой были приблизительно 10 на 7 метров, нашли не

Реконструкция гробницы шумерийской царицы Шубад. По найденным скелетам и остаткам утвари восстановлена вся картина усыпальницы.

изводим в надлежащих красках на обложке этого номера.

Но помимо материальной культуры, гробница царицы Шубад знакомит нас с обычаями и с верованиями шумерийцев. В гробнице найдено еще множество чело-

меньше 59 людей, принесенных в жертву. Скелеты этих людей, их оружие и украшения лежали на полу перед самым саркофагом дари. За даром в загробную жизнь последовали танцовщицы в золотых венках и серьгах, телохранители с серебря-

ными цепями и кинжалами, солдаты дворцовой стражи в медных шлемах и с копьями, быки, впряженные дышлом в повозку. Вокруг же царицы Шубад спали последним сном придворные дамы в украшениях из драгоценных камней и жемчуга, а арфистка, так часто услаждавшая слух царицы при жизни, и после смерти еще держала руки на разукрашенном инструменте.

Нам непонятны такие нравы. Эта бесчеловечность, это варварство ужасают нас. Но не у одних суммерийцев находим мы человеческие жертвы. У всех культурных народов древности, повидимому, всегда существовал этот обычай в начале их развития.

У суммерийцев царь был одновременно и божеством и, вероятно, считалось высокой честью следовать за божеством в загробную жизнь. А кроме того царю нужно было служить и в его будущей жизни.

То же самое нам известно и про древних ацтеков. Нужно только вспомнить общее всему вавилоно-египетскому культурному кругу верование, что жизнь смертного на земле — только тяжкий и печальный путь к лучшему существованию, которое начинается после смерти.

Если бы мы могли посмотреть на жуткий

обычай принесения человеческих жертв глазами того далекого времени, мы бы легче поняли его. И гораздо трагичнее этого варварского обычая кажется нам теперь мысль о том, что всегда в человеческом развитии как будто живет зерно собственной гибели. Где народы, творения которых пережили тысячелетия и вызывают сегодня еще восторг своим совершенством? Потомки древних ацтеков бродят нищими по улицам мексиканских городов, а современные греки и египтяне не поражают больше бессмертными образцами искусства. О безрадостной же пустыне древнего Междуречья, колыбели всех человеческих цивилизаций, и говорить не приходится.

И за нашей культурой последуют другие культуры. И как мы сегодня удивленно смотрим на древнюю гробницу суммерийских царей, так и другие люди тысячелетия спустя будут рассматривать то, что останется от нас. Развалины небоскреба, остов военного корабля, партитуру Бетховенской сонаты, кто знает, еще что... И, быть может, люди, которые увидят все эти остатки нашей культуры через пять тысяч лет, будут удивляться так же, как и мы удивляемся сегодня чудесам этих древних могил.

В следующем № 7 „Мира Приключений“, который выйдет через месяц после этого, предположено среди другого литературного и художественного материала поместить:

„В ЧУЖОМ ВАГОНЕ“,

бытовой рассказ.

„КАК ПОДЪЯЧИЙ НА ПУЗЫРЕ ЛЕТАЛ“,

исторический рассказ.

„В ОФИРЕ ЦАРЯ СОЛОМОНА“,

научно-фантастический рассказ.

„ИЗ РАЗЕЦТИМУРА“,

историко-этнографический рассказ.

Отчет о конкурсе № 1 **„ЗАПИСКИ НЕИЗВЕСТНОГО“** (рассказ-задача из 14 писателей) и проч. и проч.

НА КУЛЬТУРНОМ ===== Ф Р О Н Т Е

Культура и бумага.

Всем, кто по условиям своего труда принимает хотя бы самое малое участие в нашем социалистическом строительстве, а особенно — тем, кто счастлив, что может работать на культурном фронте, нельзя не рекомендовать поближе познакомиться как будто со специальным по заглавию, но весьма полезным и имеющим широкое общественное значение журналом «Хозяйство Печати», издающимся Комитетом по делам печати СССР под редакцией Я. С. Цванкина.

Тонкий и глубокий юридический анализ А. Литвина в вопросе об уставе издательств; мысли Н. Накорякова о профобразовании в книжном деле; соображения М. Гуревича и Я. Романа о необходимых рационализаторских мероприятиях в производственном процессе книги и журнала в интересах не только издательств, но и широких масс читателей, ряд статей о бумаге, которых мы коснемся, и множество заметок составляют содержание № 4 «Хозяйства Печати».

Справедливо указывает Ф. Конар, что «вопрос бумажного производства это — вопрос культуры» и что необходимо «заострение общественного внимания вокруг бумажной промышленности, ее перспектив и задач». Ряд интересных статей журнала рисует общую картину положения нашей бумажной промышленности, о которой у большинства читателей, конечно, весьма смутное представление. Опубликовано в журнале письмо такого авторитетного лица, как председатель Госплана СССР тов. Кржижановский, председателю ВСНХ СССР тов. Куйбышеву констатирует, что «вполне определившиеся уже сейчас темпы бурного роста печати срываются в текущем году и могут срываться и далее из-за недостатка выработки «культурных сортов бумаги (идущих на книги,

газеты, журналы, школьные нужды и пр.). Об этих темпах и голоде на культурные сорта бумаги громко говорит и наша пресса (см. статьи в «Правде»). «В общем и целом,—пишет далее академик Кржижановский,—намечается резкий разрыв между требованиями и планами и объемом и составом промышленной продукции, обслуживающей эти (печать, кино и радио) весьма важные отрасли нашей культурно-политической работы».

Обширная статья Ф. Конара разъясняет создавшееся положение. Компетентный автор сообщает, что «наши первоначальные предположения о потреблении бумаги оказались далеко нереальными. Требования рынка значительно выше наших возможностей. Культурный рост страны, рост народного хозяйства предъявили необычайно повышенный спрос на все сорта бумаги и бумаго-изделий. По линии как культурно-политических сортов бумаги, так и промышленных, мы идем с дефицитом, примерно в 30% против потребности». «Мы не можем, к сожалению, назвать ни одного сорта бумаги достаточным. По всем решительно сортам дефицит. Одна ликвидация неграмотности широких крестьянских и рабочих слоев населения открывает перед нами большой новый рынок, неучтенный в нашем пятилетнем плане».

«В области потребления бумаги мы стоим на последнем месте среди западно-европейских стран и САСШ. Правда, по отношению к довоенному потреблению, у нас имеется заметное повышение. К концу пятилетки потребление достигнет 220% по сравнению с нормами 1913 г., но и это не может быть признано достаточным. В то время, как в САСШ на душу населения падает 80 кг бумаги за год, в Великобритании—32 кг, в Швеции, Норвегии, Финляндии, Голландии, Германии—от 23 до 24 кг,

в Италии, Испании, — 7—8 кг, у нас в этом году — 3,3 кг на душу населения, а в конце пятилетки — до 5 кг».

Этот вывод, однако, вовсе не представляется безотрадным, если мы примем во внимание, что по точным расчетам, приводимым автором, «производительность старого оборудования повысилась, по сравнению с довоенным периодом, на 33⁰/₀». Ф. Конар напоминает, что «всю бумажную промышленность приходится перестраивать заново. Из довоенных предприятий бумажной промышленности, работавших на территории бывшей царской империи, нам оставалось 95 против 212, существовавших до войны. Лучшая часть фабрик перешла в сопредельные страны (Финляндия, Эстония, Латвия, Польша)».

В обстоятельной статье консультанта Комитета Б. Мандельцвайга «Культурные нужды и бумага» указывается, что «и в третьем квартале, нам, повидимому, придется жить все на том же голодном бумажном пайке», что в отношении печатной бумаги «III квартал будет тяжелым, но уже в IV квартале ресурсы покроют текущую потребность».

Б. Мандельцвайг, характеризуя «положение с печатными сортами бумаги, как еще более напряженное», сообщает, что инициатива «наркомторга, с начала затруднений доказывавшего возможность и безусловную необходимость увеличения выработки культурных сортов не только путем интенсификации машин, но и за счет сокращения выработки других (промышленных и торговых) сортов, признана единственно реальным способом увеличения ресурсов». И этот автор-специалист указывает, что «два ряда причин вызывают дефицит, несмотря на значительный рост ресурсов: во-первых, неожиданно (в 1929 г. Ред.), возросший спрос на книги и журналы, и — во-вторых, неравномерное поступление бу-

маги по времени. Такой же рост наблюдается и по агитационно-пропагандистской, по крестьянской, по ленинской и по другим видам литературы».

Недостаток места не позволяет нам более подробно остановиться на технических подробностях плана бумажной кампании. Но мы не можем не отметить из статьи Ф. Конара «Печать и бумага» чрезвычайно интересные новые проблемы, стоящие перед СССР. Это будет прекрасной новинкой и в то же время дополнением к помещенному у нас очерку «От леса до шелковой ткани» (см. № 3 «Мира Приключений», отдел «От фантазии к науке»). Задачей сегодняшнего дня является, например, использование кроме древесины и иных сырьевых источников для высококачественной бумаги и искусственного шелка.

«В Европе и Америке, — пишет «Хозяйство Печати», — мы наблюдаем крайнее истощение лесов. Бумажная промышленность там упирается в недостаток сырья. Наш Союз представляет собою самый богатый в мире источник лесных богатств. В пятилетнем плане лесной промышленности предполагается построить ряд целлюлозных заводов с годовой производительностью в 380 тыс. тонн целлюлозы для экспорта при затратах в 120 млн руб.»

«У нас имеются богатейшие запасы так называемых однолетних растений типа «спарты» в Средней Азии, чий, большие заросли камыша. Достаточно указать, что в Прикаспийских степях имеются запасы камыша в таком размере, что из этого сырья можно было бы ежегодно выпускать свыше миллиона тонн целлюлозы. Опыты, произведенные в целом ряде фабрик, говорят, что эти виды сырья могут пойти на самую высококачественную целлюлозу, годную не только для высоких сортов бумаги, но и для искусственного шелка, для химических целей и т. п.»

С. Э. ЛУЗАНОВ.

На Смоленском кладбище в Ленинграде опустили в могилу тело Сергея Эммануиловича Лузанова, выдающегося своей одаренностью художника и редкого человека. Искусство, иллюстрированные журналы, товарищеская семья художников и все, кто знал Сергея Эммануиловича, понесли большую утрату. Скончался он от крупозного воспаления в легком, но, если сказать правду, — Лузанова съела жизнь. Как многие люди, чрезвычайно деликатные по натуре, внутри, невидимо для других, он был горд и самолюбив. Он не умел приспособляться... Готовый отдать последнее друзьям, он никогда ни

к кому не обращался за помощью. Как часто, однако, он в ней нуждался. Безгранично честный, благородный, с громадной работоспособностью, он не хотел и не мог видеть в жизни ничего, кроме труда. А пути жизни так извилисты...

Родился С. Э. Лузанов 8 сентября 1887 года в Бендерах, но уже с 1892 года семья его переехала в Нарву и здесь, в этом городе, так сохранившем свою старину, маленький гимназист нашел свое призвание. Рисование захватило его. На всех уроках он рисует и рисует: иллюстрирует историю, запечатлевает колоритные уголки характерного городка, без конца набрасывает шаржи и карикатуры. И мужская, и женская гимназии, включая, конечно, учительский персонал, далее жители города, потом — стоявший гам полк — все это попадает под острый взгляд наблюдательного гимназиста.

Талантливый «мальчишка» нажил себе в Нарве карикатурами множество врагов. Его славу разделял ныне известный поэт и прозаик И. Окстон, верный товарищ всех

С. Э. Лузанов

детских проказ Лузанова, писавший очень часто стихи к карикатурам. Может быть из Лузанова вышел бы и крупный карикатурист, но полковые лошади прельщают его и он без конца рисует их. Здесь — начало будущих, чрезвычайно сильных по композиции, ярких, безупречно правильных анатомически, батальных картин Лузанова.

Настоящую первую школу рисунка С. Э. получил только 14-летним мальчиком, проведя лето на даче у худ. Сухоровского. Потом идут обычные гимназические занятия и только по окончании гимназии С. Э., уже в Петербурге, начинает работать в мастерской худ. Зейденберга, работать с перерывами из-за очень стесненных средств. Попутно он занимается в школе Общества Поощрения Художеств, откуда поступает в Академию. Лузанов мечтает о батальной живописи и его желание исполняется: он в мастерской Самокиша. Но тут опять перерыв в работе и мировая война, куда неумеющий устроиться Лузанов попадает не художником, делающим себе карьеру, а простым солдатом. Только в 18 году он возвращается в Академию и опять не надолго. Неспособный ни к какой работе, кроме своего любимого искусства, и не имея заказов, С. Э. терпит страш-

ную нужду и снова бросает систематические занятия. Теперь уже художником он уезжает в агитпоезде на северный фронт. В начале 1920 года ему удается еще раз вернуться в Академию, к проф. Рылову, а осенью 1922 года он окончил ее с редким теперь званием художника - мастера композитора.

Много картин С. Э. Лузанова было на выставках. Сотни иллюстраций его, начиная с 1912 года, когда его приютил «Огонек», помещены в различных журналах.

Он был одним из лучших и старых сотрудников-художников «Мира Приключений». Здесь мы помещаем новейший рассказ И. Окстона, товарища детства С. Э., не утратившего и в пору зрелости своей близости с ним, — увы! — уже с посмертными рисунками Лузанова. По этим иллюстрациям в известной мере можно судить о силе его изобразительности, о большом мастерстве его нерасцветшего до конца дарования. Эти иллюстрации, как и те, что остались еще в портфеле Редакции, сделаны всего несколько месяцев назад.

Чрезвычайно разнообразный в тематике, блестящий композитист или, как теперь принято говорить, — композитор, Лузанов проявлял большую силу фантазии, воплощал жизнь во всем, что он писал маслом, рисовал акварелью, пером, итальянским карандашом, во всем, что делал даже чистой графикой. После Лузанова осталось множество вещей батальных, жанровых, пейзажных, чисто декоративных и нежно интимных. Индивидуальность С. Э. проявлялась одинаково и в колорите, и в самом, почти всегда безудержном, рисунке. Строгий к себе, он иногда по несколько раз переделывал один и тот же рисунок. К любимым авторам он набрасывал много эскизов; он перечитывал и изучал писателя, чтобы наиболее полно и верно дать его в художественном отображении. Картины и рисунки Лузанова, часто незавершенные, свидетельствуют о громадном природном даровании, которое выражалось в разнообразии тем в самой манере работы, в богатстве выбора способов и материалов ее, в жизненности, в движении, в легкости и ненадуманности композиции. Стесненный материально, С. Э. гнушался халтурой и каждая, самая малейшая его работа, — это максимум того, что при данных условиях, в «данный отрезок времени» он мог сделать. Хорошее свойство, редкое свойство!

Умер кристальной чистоты человек. Почил художник, у которого могло быть блестящее будущее. И аль его, безгранично жаль!

ТИХООКЕАНСКОЕ ПРЕДАНИЕ

Рассказ И. ОКСТОНА

Посмертные иллюстрации С. ЛУЗАНОВА

Семь островов вытянулись в одну линию. Туземцы так и называли их: Первый, Второй, Третий... Седьмой. Но в государственных актах, произносимых устно самим Таораи, королем племени мамбу, Первый остров назывался еще Жемчужиной. А про последний остров — Седьмой — глава племени никогда не упоминал.

Число «7» у племени мамбу — нехорошее число. И остров по счету седьмой являлся как бы лишним придатком цветущего островного царства. Но на Седьмом острове жили подданные Таораи. Они платили своему королю дань, и поэтому Седьмым островом нельзя было пренебрегать.

И вот, однажды, король Таораи, считая

собранные для него со всех островов корни «асака» — по два корня с каждого острова — насчитал всего 12 корней

— А где же еще два? — изумился король, никогда раньше не знавший такой недохватки.

— Седьмой остров не прислал корней, — ответил ему главный воевода племени.

— Разве Седьмой остров провалился в море? — спросил король Таораи, еще более пораженный.

— Остров стоит, как и прежде, в море, но лодка с него не приходила, — был ответ воеводы.

Король Таораи тревожно задумался. Число «7» таит в себе разные неприятности, предвидеть которые невозможно. Было бы лучше, если бы Седьмой остров провалился в море. Но если остров цел, а двух корней не хватает, это уже тяжело вынести.

Король Таораи не послал на Седьмой остров лодку для выяснения загадочного обстоятельства. Он был сдержан и мудр, старый вождь племени мамбу. Он решил подождать воеводу Седьмого острова, — ведь воеводы вскоре соберутся на Совет племени, что бывает каждую осень.

Настал день Совета. Прибывшие с островов воеводы выстроились перед хижиной короля. Король пересчитал их... Было 6 воевод. Сердце у короля сжалось от тяжелого предчувствия. Когда не хватило двух корней, это было плохо. Но если не хватает воеводы — это ужасно. Число «7» давило на мозг короля Таораи.

— Где же воевода Седьмого острова? — спросил он дрогнувшим голосом.

Молчание. Каждый желал говорить только за свой остров.

К страху короля присоединился гнев. Он стал обдумывать, как наказать Седьмой остров, этот проклятый придаток его владений. Мрачные размышления короля Таораи были нарушены появлением человека

племени мамбу с Седьмого острова. Но пришедший не был воевода.

— Великий вождь и сын солнца, — произнес пришедший, кланяясь королю Таораи, — я пришел известить тебя, что на Первом острове назначено собраться всем островным воеводам.

Король Таораи с удивлением смотрел на говорившего.

— Разве я этого без тебя не знаю? — проговорил король Таораи. На лице доброго вождя показалась улыбка.

— Если тебе это уже известно, — продолжал странный пришелец, — то поторопись объявить воеводам, чтобы они собрались на Первый остров.

— Воеводы уже все здесь, кроме одного — сказал король Таораи, изумляясь все больше. — Но как ты можешь учить меня, что мне делать? Что ты за человек?

— Я посланец с Первого острова. Кроме воеводы Первого острова там других воевод еще нет.

«Он сумасшедший» — подумал король Тао-

ран. «Сумашедший с Седьмого острова! Может быть, все люди на том острове сошли с ума».

— Ты знаешь, на каком острове ты сейчас находишься? — спросил Таораи кротко у пришельца.

— Знаю. На Седьмом острове.

— А с какого острова ты пришел?

— С Первого великий вожьд.

— Вернись же на свой остров,— обратился Таораи к сумасшедшему, — и скажи своему воеводе, чтобы он поскорее приехал сюда, на Первый остров, на Совет племени.

Выходец с Седьмого острова поклонился королю Таораи и ушел.

И только к вечеру король Таораи узнал, что тот странный человек действительно прибыл с Первого острова, а он, король Таораи, находится на Седьмом острове. Счет семи островам царства Таораи теперь производился с другого конца. Этого захотел вожьд белых людей. Он занял Седьмой остров и начал от него счет островам.

И воеводы всех островов, кроме одного, собрались на бывшем Седьмом, а теперь Первом острове. Но воевода бывшего Первого острова, а теперь Седьмого, остался со своим королем. И число «7» давило на мозг короля. Король Таораи сказал своему воеводе:

— Я всегда думал, что Седьмой остров моего царства принесет несчастье моему народу, но не мог же я уничтожить этот остров.

— Но теперь мы можем уничтожить Седьмой остров,— ответил королю воевода,— сделаем же это для блага нашего племени. Остров без людей — уже не остров. Пусть все люди уедут отсюда на другие острова.

Когда люди выселились с лишнего по счету острова, Таораи и его воевода выехали в море на последней лодке и бросились в морскую пучину.

Научно-фантастический роман А. МЕРРИТА.

Иллюстрации ПОЛЯ.

СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВ I—XXIX, НАПЕЧ. в 10, 11—12 КНИЖКАХ за 1928 г. и в 1, 2 и 3—4 1929 г. „М. ПР.“. Американский профессор Луис Сорнтонг, уже побывавший в Тибете, снова отправился туда вместе с инженером Дракком. В горах они наблюдают замечательные световые явления и находят загадочный гигантский след на скале, оставленный точно каким-то невероятным чудовищем. В разрушенной крепости, помнящей времена Александра Македонского, путешественники встречают Мартина Вентнора с его прекрасной сестрой Руфью. Брата и сестру преследуют войны, похожие на древних персов времен Ксеркса. В решительную минуту появляется странная женщина Норхала, по приказанию которой тысячи маленьких металлических предметов—чисто геометрических фигур—принимают форму многорукого чудовища и разбивают войско персов. Шары, кубы и пирамиды из живого металла исчезают, затем огромные кубы перекидываются, как мост, через пропасть, и несут на себе Норхалу и путешественников. Последние начинают таинственное, полное странных физических и магнитных явлений путешествие. В кратком содержании невозможно передать многочисленные и причудливые формы встречающихся чудовищ, состоящих однако из знакомых всех форм—кубов, шаров и пирамид. Путешественники попадают в новый мир, в металлический мир, где они видят живые, вертящиеся купола и арки, и башни, точно тающие в каком-то брожении. Летя на кубах, они проходят области ультрафиолетовых лучей, рентгеновских и других, наукою неисследованных. Друг другу путешественники кажутся скелетами. Один световой феномен сменяет другой. Они прилетают к колоссальному светящемуся металлическому диску необычайной красоты, излучающему могучую и сознательную силу. Руфь подтянута к диску. Вентнору выстрелил, но в него полетела молния—стрела зеленого пламени. Вентнор упал, диск обследовал его и по просьбе Норхалы подарил ей путешественников в качестве „игрушек“. Норхала перевезла всех в свой круглый дом, похожий на блестящий пузырь сапфировых и бирюзовых оттенков. Интересные главы посвящены описанию самой Норхалы, ее жилища, ее слуги евнуха Юрука, встретившего чужеземцев враждебно. Большой Вентнор, оторванный от реальной действительности, первый начинает понимать, что металлические предметы высасывают свои силы из солнца, что их кровь—молния, что их разум—думающий кристалл, что у них гигантское групповое сознание, действующее в знакомых человечеству и в неизвестных ему сферах колебаний энергии, силы электрической и других. Очень любопытную гипотезу строят едва пришедшие в себя от пережитого путешественники, объединяя последние завоевания науки для объяснения деятельности металлического народа. Юрук рассказывает всякие басни о Норхале и старается уговорить путников уйти к Черкису, предводителю преследовавших их потошков персов. Попытка евнуха заигноризировать ненавистных пришельцев оканчивается неудачей. Профессор и Дракк отправляются в металлический город. После любовного объяснения Руфи и Дракка, Руфь возвращается в дом Норхалы, а профессор с молодым спутником через туман, полный неообразимого рева бездны, в котором смешивался хаос звуков, зовов миллионов наводнен, грохот миллионов кузниц, гремели громы, ревели тысячи ураганов, попадают в металлический чудо-город, живущий какой-то своей жуткой жизнью, оживленный каким-то брожением, рассчитанным, механическим, симметричным, геометричным, в высшей степени урегулированным. Металлические предметы точно играют с путешественниками... Длинный ряд приключений сопровождается попытки их ближе ознакомиться с городом-чудом. Они встречают Норхалу, попадают в „детскую“ металлических малюток, ближе знакомятся с металлическим народом, с Повелителем Металла и присутствуют при изумительном питании истощенного металлического народа излученными из Солнца лучами. Едва не поплатившись жизнью за желание ближе познакомиться с гигантской клавиатурой, которой управлял хранитель конусов, путешественники спасаются Повелителем металла... Мыслящие течения магнитной силы, эти руки и пальцы металлического народа, толкают их на сотни футов, и они оказываются в покое, в котором рождалась рать. Исключительно интересно и красочно описание Лона города. Фантазия автора необычайно ярка и в то же время в каждой строке чувствуется вдохновляющая научная основа. Неожиданно появляется Норхала и сообщает, что войны Черкиса взяли в плен Руфь и Вентнора. Снова на кубах Норхала и ее спутники летят к сапфировому шару—жилищу Норхалы.

ГЛАВА XXX.

Казнь Юрука.

Мы смотрели на нее с удивлением. Лицо ее выражало все ту же решимость, то же негодование. Глаза ее были устремлены куда-то вдаль. Мы обернулись и последовали за ней взглядом. На высоте ста футов почти через все ущелье висела невероятная завеса. По всем ее складкам было движение—руки из крутящихся шаров высывались как звериные лапы и на них падали пирамиды за пирамидами, торчавшие на них потом точно вставшие ежом волосы. Огромные полосы из соединившихся вместе кубов вытягивались и снова втягивались в завесу. Вся эта завеса точно находилась в состоянии брожения. Она трепетала, пульсировала нетерпением и желанием.

— Еще мало! — прошептала Норхала.

Она раскрыла рот и раздался новый клич—повелительный, вызывающий. Из завесы посыпались пылающие колоннообразные предметы и полетели, как метеоры. Истекая фиолетовым огнем, они помчались к долине Города.

— Хей! — крикнула им вслед Норхала. — Хей!

Вверху поднялись ее руки. Огромная завеса из металлических предметов вся трепетала.

— Идемте! — Норхала повела нас в дом. Я споткнулся о какое-то тело, лежавшее поперек двери.

Мы вошли в комнату с бассейном. На полу лежало с полдюжины вооруженных людей. Руфь, повидимому, отлично защищалась. Я видел теперь доказательство того, что взять ее и Вентнора в плен было не так легко.

Мое внимание отвлекла какая-то вспышка. Вблизи бассейна горели две огромные пурпурные звезды. Между ними сидел Юрук, опустив голову до колен и закрыв руками глаза.

— Великая! Великая! — молил он. — Смилуйся!

— Вы сами можете его убить, — обратилась к нам Норхала. — Это он привел тех, которые увели девушку и того, кого она любит. Теперь вы можете его убить.

Драк схватил револьвер. Юрук закричал и съезжился. Норхала засмеялась.

— Он умирает еще до удара, — сказала она. — Он умирает двойней — и это хорошо.

Драк медленно опустил руку с револьвером.

— Не могу, — сказал он мне, — хочу и не могу.

— Слушайте! — евнух подался к нам. — То, что я сделал, я сделал из любви к Великой. Я думал, что вы уйдете вслед за девушкой и за ее братом, а я снова останусь один с Великой. Черкис не тронет их. Он вернет их вам за то искусство, которому вы его научите. Смидитесь надо мной. Смидитесь ради Великой.

— Убейте его, — сказала Норхала, — это ваше право.

— Норхала, — ответил я, — мы не можем его убить. Мы убиваем только в равном бою. Мы не вернем себе ни девушки, ни ее брата, если убьем Юрука. Нам нужно скорее спасти своих.

Она смотрела на нас и удивление ее было сильнее ее злобы.

— Как хотите, — сказала она наконец. — Но Юрук провинился и передо мной. То, что принадлежало мне, он отдал моим врагам.

Она указала на убитых воинов:

— Юрук, собери их в кучу.

Евнух встал и опасно проскользнул между двумя звездами. Он перетащил все тела на середину комнаты, сбрасывая их в кучу. Один из персов был еще жив.

— Воды, — прошептал он, — воды! Я горю...

Я почувствовал к нему жалость и подошел со своей флягой.

— Ты, который с бородой, — холодно сказала Норхала, — ты не получишь воды. Ты скоро напьешься, но питьем огненным.

Лихорадочные глаза воина устремились на Норхалу.

— Колдунья, — захрипел он, — проклятое отродье Аримана.

Юрук схватил воина за шею.

— Сын грязной собаки, — завопил он. — Ты смеешь так обращаться с Великой!

При виде жестокости Юрука, Драк невольно поднял револьвер. Но Норхала ударила его по руке.

— Вы не воспользовались случаем, — сказала она, — а теперь я вам не дам его.

Юрук бросил тело убитого им воина на другие тела. Куча была готова.

— Иди к ним! — приказала Юруку Норхала, указывая рукой на кучу. Евнух бросился к ее ногам. Она взглянула на одну

из звезд и звезда поняла ее молчаливое приказание. Звезда скользнула вперед и концы ее едва заметно зашевелились. Извивающееся тело евнуха было поднято с земли и брошено на кучу.

Из фиолетовых овалов под верхними концами звезд вырвались потоки синего племени. Они упали на Юрука и мертвых воинов. В горе трупов началось жуткое движение. Тела вытягивались. Казалось, они пытаются встать и бежать. Мертвые нервы и мускулы отзывались на разрушительную энергию, проходившую через них.

Из звезд вырвались молнии за молниями. В комнате раздавались громовые раскаты. Тела пылали и рассыпались.

Наконец, на месте кучи осталось только крутящееся облачко серой пыли. Легкое дуновение воздуха подхватило и унесло его через дверь. Звезды стояли неподвижно, точно разглядывая нас. Неподвижно стояла и Норхала.

— Слушайте, — резко сказала она, — то, что вы видели, — ничто по сравнению с тем, что вы увидите.

— Норхала, — нашел я в себе силы спросить, — когда взяли в плен девушку?

— Прошлой ночью, — ответила она, — Юрук был в Русзарке, столице Черкиса. И задолго до рассвета они уже были на пути сюда. В сумерки перед последними сумерками я вернулась в свой дом и нашла здесь опечаленную девушку. Она рассказала мне, что вы ушли в долину и умоляла меня помочь вам вернуться сюда. Я поиграла с ней и она заснула. Я знала, что с ней ничего не случится и ушла и забыла про вас. Потом, когда я сюда вернулась, я нашла Юрука и тех, кого убила девушка. Глаза ее засверкали.

— Как прекрасна девушка, убившая столько сильных мужчин, — продолжала Норхала, — все сердце мое раскрывается ей навстречу. Когда я ее верну сюда, она уже не будет для меня игрушкой, а будет сестрой. А с вами будет так, как она захочет. Но горе тем, кто увел ее отсюда.

Снаружи стал доноситься вой, настойчивый и нетерпеливый. Норхала прислушалась.

— Среди вот этих, — Норхала указала в сторону долины, — я забыла и про ненависть, и про жестокость, и про всякие страсти. Забыла, живя среди великих гармоний. Если бы не вы, я никогда бы не проснулась. Но теперь я хочу мстить. А когда все кончится, я снова вернусь. В моем пробуждении нет ничего радостного. Меня сжигает яростный, убийственный огонь. Я так хочу вернуться назад, к своему покою...

ГЛАВА XXXI.

История Норхалы и Черкиса.

Дымка мечтательности застилала злобный блеск ее глаз.

— Слушайте вы оба! — тень мечтательности исчезла. — Те, кого я хочу уничтожить, — несут с собой только зло. Они были такими уже много солнечных циклов. И дети

их растут такими же. Все это мне когда-то рассказала моя мать.

Она помолчала и затем продолжала.

— Мой отец правил Русзарком. Имя его было Рустум, из племени Рустума Героя, как и мать моя. Они были тихие и милостивые и Русзарк построили их предки. Но им пришлось бежать от могущества Искандера и упавшая гора замуровала их в долине. Потом в одной из семей, родственной моей семье, родился Черкис. Подрастая, он стал стремиться к могуществу. Ночью он напал на тех, которые были преданы моему отцу, и убил их. Мой отец едва успел бежать с моей матерью и кучкой близких ему людей. Они случайно напали на дорогу сюда и спрятались в расщелине — воротах входа. Они пришли и их взяли те, которые стали теперь моими близкими. Потом мать моя была поднята перед тем, который правит здесь, и заслужила его расположение. Он построил для нее дом, в котором живу теперь я. А потом родилась я, но не в этом доме, а в таинственном месте света, где родился и весь родственный мне народ.

Таинственное место света! Не тот ли это сводчатый зал, где пляшут светящиеся орбиты и где пламя превращается в музыку? Не было ли это объяснением странностей Норхалы? Не впитала ли она там вместе с материнским молоком загадочную жизнь Металлической Рати? Не стала ли она там получеловеческим существом? Настоящей родней им? Что другое могло объяснить...

— Моя мать показала мне Русзарк, — прервал мои мысли голос Норхалы. — Когда я была маленькая, она и отец унесли меня через лес и по тайному пути. Я видела Русзарк — большой город, котел, в котором кипели жестокости и зло. Моя мать и отец не были похожи на меня. Они тосковали по своим близким и стремились к ним. Настало время, когда отец мой решил бежать отсюда на свою родину в Русзарк и искал друзей, которые помогли бы ему вернуться. Металлический народ, покорный мне, был для него чужим, и он не мог с его помощью идти войной на Русзарк. Отец вернулся на родину, и Черкис взял его в плен. Потом Черкис стал выжидать, потому что не знал, где скрывалась моя мать с приверженцами. Между Русзарком и металличе-

ским городом высокие, непроходимые горы и дорога в них хитро скрыта. Моего отца в Русзарке пытали, но он не сказал им, как найти эту дорогу. Некоторое время спустя за отцом последовала моя мать с теми, кто был с ней. Меня оставили с Юруком. Черкис взял мою мать в плен. Отец мой умер мучительной смертью и всех близких ему пригвоздили к воротам Русзарка. Мать мою Черкис тоже погубил, и из всех, кто был с ней, спасся только один человек. Он прибежал сюда и рассказал мне все, мне, которая еще не была созревшей девушкой. Он призывал меня к мщению, но силы оставили его, и он умер. Прошли года... Я не похожа на отца и мать... и я забыла... живя в этом спокойствии, вдали от людей.

— А! А! — стонала она, — горе мне, что я могла забыть! Но теперь я, Норхала, отомщу! Я растопчу их — и Черкиса, и его город, и его народ!

Так значит Диск не убивал ее матери? Зачем же лгал мне Юрук? Конечно, он просто хотел нас запугать...

ГЛАВА XXXII.

На пути к врагу.

Снаружи стали доноситься воюющие звуки. Одна из звезд скользнула по полу, сложила свои концы и выкатилась за дверь.

— Идемте! — приказала Норхала. Мы преступили через порог. Вторая звезда последовала за нами.

Мы остановились на одно только мгновение. Перед нами стояло чудовище — огромный сфинкс без головы. Он весь состоял из кубов, шаров и пирамид. Тело чудовища было высотой в двести футов. От металлических предметов, составлявших туловище, и исходил вой.

— Хэй! Хэй! — крикнула Норхала.

Вперед выставился стройный хобот из кубов и шаров. Он подхватил нас, как это сделал бы с магутом слон, и поднял на свою спину.

Я зашатался было, но что-то сдержало меня, и я уже крепко стоял на ногах рядом с Норхалой на небольшой, мигавшей глазами-точками площадке. По другую сторону от Норхалы стоял Дрэк.

Все чудовищное туловище трепетало, точно от нетерпения. Спина странного зверя переходила в хвост, который извивался на целую милю. Хвост этот, фантастически живой, все время ударял нетерпеливо о землю.

— Хэй! — снова крикнула Норхала. Из горла ее полилась золотая песня — теперь боевой клич. Нас поднимало все выше и выше. Чудовище перешагнуло гигантскими ногами через дом Норхалы. Точно у паука, у него появились вдруг эти ноги со всех сторон.

Мы мчались прямо к линии скал, за которыми был город вооруженных людей и где сейчас были Руфь и Вентнор.

На спине чудовища нас покачивало мягко, точно в люлке. Длинные ноги поднимались, сгибаясь в тысячах суставов. Ступни этих ног, массивные, как фундаменты для шестнадцатидюймовых орудий, опускались с механической точностью, топая ужаснейшим образом. Они давили целые деревья, точно соломенки. Далеко внизу раздавался их треск. Густой лес меньше задерживал наше продвижение, чем человека задерживает высокая трава.

Наш путь отмечался глубокими, черными ямами, и отпечатки

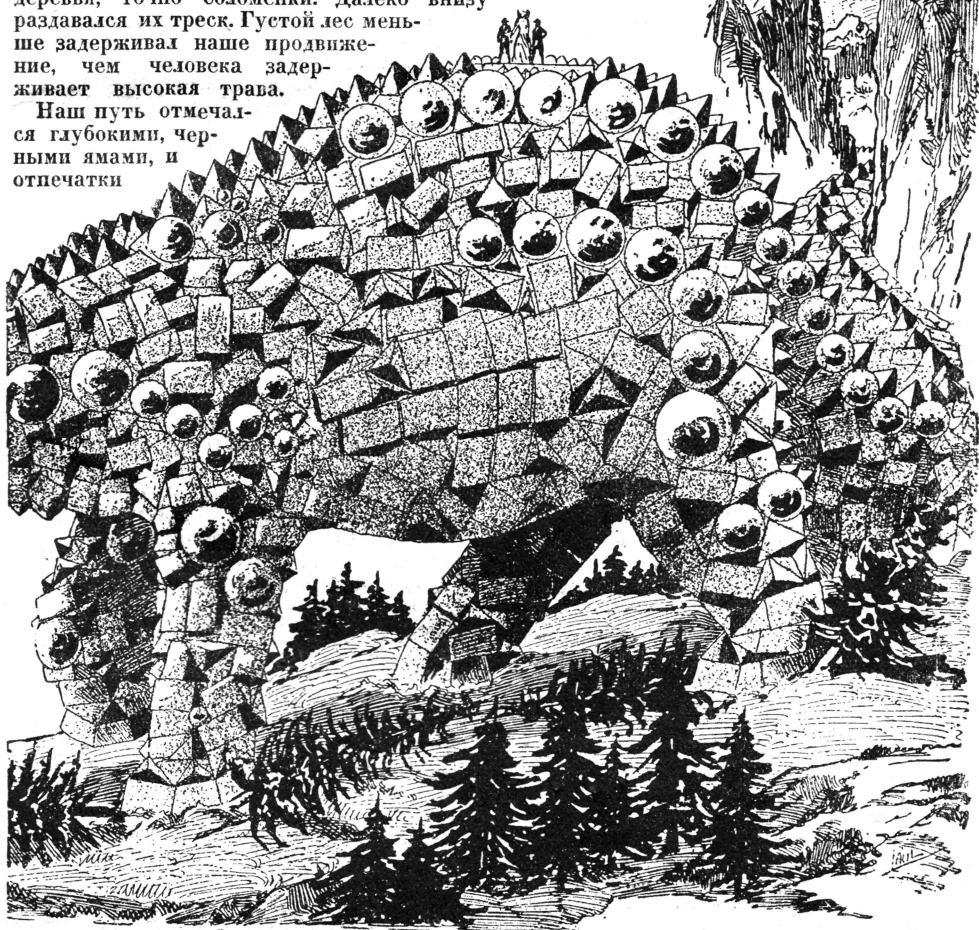
эти были сходны с теми, которые мы видели в Долине Маков.

Свистел ветер. Стервятник пролетел, широко распустив траурные крылья.

— Тебе не останется падали, когда я покончу с ними, — глядя на него прошептала Норхала.

Беспокойное пульсирование чудовища, на котором мы мчались, стало передаваться мне и Дрэку. Все ближе и ближе были скалы. С треском валились деревья, и звуки эти аккомпанировали золотому пению Норхалы, точно звуки струн.

Вот скалы уже свисают над нашими

На металлическом чудовище мы приближались к Руссарку.

головами. Скалы прорезаны расщелиной, и расщелина эта поглощает нас. Мы спустились совсем низко к земле. То, на чем мы летели, стало металлическим потоком, мчащимся по ущелью. Глубокий мрак тоннеля окутал нас. Мы вылетели из тоннеля, но перед нами в скале была такая узкая щель, что в нее едва ли бы прошел и человек.

Наш металлический дракон остановился.

Пение Норхалы снова перешло в воинственный клик. От длинной шеи нашего чудовища порвалась часть, мгновенно превратившаяся в колонну. Из нее сейчас же вытянулось множество рук. На конце этих рук быстро завертелись шары. На этих шарах пирамиды раскрылись во множество сверкающих синих звезд. От звезд стали исходить ураганы молний. Целый водопад электрического пламени влился в щель в скале. Скала задымилась и раскололась. Щель расширилась. Молнии были превращены в какое-то невероятное оружие, разбившее на атомы живой гранит.

Скалы таяли, разрушительное чудовище наступало, изрыгая потоки пламени. Следом за ним ползли мы. Пыль разбитых скал поднималась к нам, точно злобные тени. Но ее тотчас же уносил ветер.

Мы продвигались все дальше, ослепленные и оглушенные. Казалось, без конца изливалось синее пламя и без конца гремел гром.

Вдруг раздался оглушительный грохот. Скалы задрожали и рассыпались с таким шумом, точно провалился весь мир. Нас залил яркий дневной свет.

Разрушающее чудовище затряслось — точно от смеха!

Назад скользнула колонна и примкнула к телу, от которого оторвалась. По всему соединившемуся туловищу пробежала волна ликования.

После полумрака среди скал солнечный свет казался нам ослепительным. Мы поднялись все выше и выше над землей.

— Посмотрите! — шепнул Дрэк.

Меньше, чем в пяти милях лежала столица Черкиса — Русзарк.

ГЛАВА XXXIII.

Русзарк.

Было похоже, что какой-то древний город вернулся к жизни из давно умерших веков. Казалось, перед нами страница из истлевшей книги победоносной Персии. Город раскинулся по невысокой горе в долине, немногим меньшей, чем Бездна. Сама долина, повидимому, была когда-то дном первобытного озера. Гора, на которой стоял город, была единственным возвышенным местом в долине. Я заметил у подножия горы бешек узкого потока. Долина была окаймлена крутыми скалами.

Мы приближались.

Город был почти четырехугольный, защищенный двойными стенами из тесаного камня. Первый ряд стен был увенчан башнями и бастионами. В четверти мили вглубь поднималась вторая стена.

Город занимал около двадцати квадратных миль. Он поднимался кверху широкими террасами и был весь в цветущих садах. На вершине горы была широкая ровная площадь. На этой площади высились белые мраморные дома с позолоченными крышами. Дворцы Черкиса, — подумал я.

По направлению к городу мчалось множество фигурок, я разглядел верховых и блестящее оружие.

Мы все приближались.

Со стен Русзарка доносились слабые звуки барабанов и труб. Там собирались толпы фигурок, туловища которых блестели. Огоньками сверкали племени и коня.

— Русзарк! — произнесла Норхала. Глаза ее были широко раскрыты, губы улыбались. — Вот я у ворот твоих! Я Норхала, тут...

Ее пылающие волосы развевались. От всего ее нежного тела исходила раскаленная до-бела сила, дыхание разрушения. Она прислонилась ко мне и я затрепетал от этого прикосновения.

Чудовище под нами снова задрожало. Мы помчались еще быстрее. Громче становились звуки барабанов и труб.

Мы остановились в ста футах от внешней стены. На город мы смотрели с высоты около трехсот футов. Я видел целые полки солдат, присевшие за брустверами, роты стрелков из лука, сотни людей с копьями с правого бока, и воинов с длинными ремненными пращами.

За брустверами, на определенном расстоянии одна от другой, стояли огромные машины из дерева и металла, а рядом с ними груды больших, круглых камней, — катапульты, вокруг которых кишели люди, вкладывая на место большие камни. С разных сторон подходили другие воины, организуя батарею против чудовища, грозившего их городу.

Между внешней стеной и внутренней носились галопом эскадры верховых. И на внутренней стене воины также усердно готовились к защите.

Город волновался. К нам доносилось жужжание, точно из какого-то рассерженного улья.

Я представил себе, каким зрелищем должны являться мы. Это невероятное металлическое нечто, этот дьявольский, с точки зрения наших врагов, боевой механизм, управляемый колдуньей и двумя сходными с ней существами! Я представил себе ужасную картину такого чудовища, глядевшего сверху на Нью-Йорк... паническое бегство тысяч людей...

Мы снизились.

Раздался трубный звук. На парашете показался человек, весь покрытый сверкающей броней. Ее плотные петли охватывали его с ног до головы. Жестокое лицо смотрело на нас из под головного убора, схожего с шлемом крестоносцев. В злых черных глазах не было и следов страха.

Человек поднял руку.

— Кто вы? — закричал он.

— Я иду девушку и мужчину, — крик-

нула в ответ Норхала. — Вы украли их у меня. Верните их тотчас же!

— Так ищите их в другом месте, — кричал он. — Поспешите убраться, не то вы покаетесь!

— Маленький человек, говорящий такие большие слова, — засмеялась Норхала. — Бежать грому? Как тебя зовут, человек?

— Кулун, — закричал человек, — Кулун, сын Черкиса. Кулун, кобылы которого растопчут тебя и швырнут твое истерзанное тело в поле, где оно будет пугалом для ворон. Ты желаешь этого?

Она перестала смеяться и пристально посмотрела на Кулуну.

— Сын Черкиса, — прошептала она, — у него есть сын... сын...

— Кулун! — закричала она. — Я, Норхала, дочь другой Норхалы и Рустума, которого Черкис пытал и потом убил. Иди теперь и скажи своему отцу, что я, Норхала, у его ворот! И вернись сюда с девушкой и мужчиной. Иди, говорю я!

ГЛАВА XXXIV.

Черкис.

На лице Кулуна отражались недоумение и страх. Он спустился с парапета к своим воинам. Раздался громкий трубный звук. Что должно было теперь произойти?

С зубчатых стен полетели рой стрел и тучи копий. Катапульти двинулись вперед. Они выбросили град камней. Я невольно подался назад под этим ураганом смерти.

Я услышал смех Норхалы, и прежде, чем стрелы и копья могли долететь до нас, они остановились в воздухе, точно мирнады рук схватили и задержали их.

Чудовище, на спине которого мы находились, протянуло гигантскую руку, молот, усаженный кубами. Он ударил по стене в том месте, с которого соскочил Кулун. Камни посыпались с грохотом. Вместе с обломками покатались солдаты, которых камни хоронили под собой. В стене образовалась пробоина футов в сто шириной.

Рука снова вытянулась. Она прошла по парапету, разрушая его, точно он был из картона.

Чудовище протянуло еще несколько рук и угрожающе потрясло ими.

В долине поднялись вопли. К нам не летело больше ни стрел, ни камней. Снова раздался трубный звук, крики умолкли. Наступила тишина, жуткая и напряженная.

Кулун выступил вперед, высоко подняв руки. Вес его задрожал.

— Вступаю в переговоры, — закричал он, — вступаю в переговоры, Норхала.

Увидишь ли ты, если мы тебе отдадим девчонку и мужчину?

— Приведи их, — ответила она, — и передай Черкису мое приказание, чтобы он пришел вместе с ними.

Мгновение Кулун стоял в нерешительности. Ужасные руки чудовища поднялись для удара.

— Пусть будет так, — крикнул Кулун. — Я передам твое приказание.

Он направился к башне и исчез из виду. Мы молча ждали.

Я заметил движение в отдаленной части города. Из противоположных ворот бежали жители. Норхала тоже увидела это, и с той

непонятной, мгновенной покорностью ее мыслям, которую я уже не раз замечал, множество металлических предметов образовали с десятокobelisks.

В одно мгновение колонны эти загорелись и дорогу беглецам и стали теснить их обратно к городу.

Со сторожевых башен и со стен раздались крики ужаса и стоны. Обелиски соединились и превратились в одну толстую колонну. Она неподвижно стояла теперь, сторожа дальние ворота.

На внешней стене началось движение. Блеснули копья и мечи. Появилось двое закрытых носилок, окруженных тройным

рядом вооруженных людей. С ними был и Кулун.

Предводитель воинов, сопровождавших вторые носилки, раскрыл их занавеси.

На землю сошли Руфь и Вентнор.

— Мартин! Руфь! — крикнули мы.

Вентнор замахал нам рукой и мне показалось, что он улыбнулся.

Кубы, на которых мы стояли, двинулись вперед и остановились недалеко от Руфи и Вентнора. Тотчас же воины подняли свои мечи и стояли, как будто выжидали знака ударить.

Теперь я увидел, что Руфь одета иначе, чем когда она была с нами. На ней было легкое, очень открытое платье, и волосы ее были спутаны. Лицо ее выражало такое же негодование, как и лицо Норхалы. На лбу Вентнора, от виска к виску, был кровавый красный шрам.

Занавеси первых носилок заколыхались. За ними кто-то говорил. Носилки, на которых принесли Руфь и Вентнора, быстро убрали. Воины, вооруженные мечами, отступили. На их место выбежали и опустились на колени человек десять с луками. Они

Город готовился встретить чудовищного врага...

окружили Руфь и Вентнора, целясь им прямо в сердце.

Из носилок вылез великан — высотой он был, вероятно, футов в семь. С могучих плеч его спалал плащ, весь разукрашенный драгоценными камнями. На густых, седеющих волосах, был обруч из сверкающих камней.

В сопровождении Кулуна и воинов, человек прошел к пробойне в стене. Он встал у самого края ее и молча стал разглядывать нас.

— Черкис! — шепнула Норхала, — Черкис!

Я почувствовал, как затрепетало ее тело. Жгучее желание убить этого человека передалось от нее мне. Перед нами была маска жестокости, зла и порока. Глаза были узкими, черными щелками, жирные, отвислые щеки тянули книзу углы толстых губ, придавая рту презрительное, злобное выражение.

На лице этом отпечатались все животные страсти. Но все же в этом человеке чувствовалась сила, жуткая, недобрая, — но все же сила. Норхала прервала молчание.

— Привет — Черкис! — в голосе ее звучало беспечное веселье. — Едва я постучалась у твоих ворот, как ты уже поспешил мне на встречу! Клянись же, свинья, плевков жабы, жирная улитка под моей сандалией!

Он невозмутимо выслушал все оскорбления, хотя среди окружающих его поднялся ропот и глаза Кулуна засверкали.

— Давай торговаться, Норхала, — спокойно ответил он.

— Торговаться! — она рассмеялась. — Что же ты мне можешь предложить?

— Вот их, — он указал рукой на Руфь и ее брата. — Меня ты можешь убить так же, как и моих людей. Но прежде, чем ты сделаешь движение, мои стрелки из лука вонзят свои стрелы в сердца этих двух.

Норхала уже не смеялась.

— Двух дорогих мне ты давно уже убил, Черкис, — сказала она, — и вот почему я здесь.

— Знаю, — тяжело кивнул он головой. — Но это было давно и с тех пор я многому научился. Я и тебя убил бы, если бы только нашел. Но теперь я не сделал бы этого, я поступил бы совершенно иначе. Я очень сожалею, Норхала, что убил тех, кого ты любила. Я очень жалею.

В словах его был оттенок насмешки. Быть может, за эти годы он научился причинять еще большие страдания, подвергать еще более утонченным пыткам? Норхала, повидимому, иначе поняла его слова и казалась заинтересованной.

— Да, — безразлично продолжал хриплый голос. — Все это теперь не имеет никакого значения. Ты хочешь получить эту девушку и этого человека? Они в моей власти и жизнь их зависит от одного моего кивка головы. Они умрут, если ты сделаешь хоть шаг ко мне. И я одержу тогда верх над тобой, даже, если ты сделаешь потом убраться. Я ведь лишу тебя того, что дороже тебе.

На лице Норхалы было сомнение. В узких глазах-щелках блеснул огонек торжества.

— Пусть будет твоя победа надо мной, Норхала, — продолжал злорадно Черкис.

— Чего ты хочешь взамен? — нерешительно спросила Норхала. Я с ужасом услышал в ее голосе трепет сомнения.

— Если ты обещаешь уйти сейчас же, как только получишь их, — ответил Черкис, кивая в сторону своих пленников, — я тебе их отдам. Если же нет, они умрут.

— Но каких доказательств, какого залога ты потребуешь? — в глазах Норхалы было беспокойство. Я не могу клясться твоими богами, Черкис, потому что не верю в них. Ведь, если я скажу тебе да, и возьму девушку и мужчину, я потом могу напасть на тебя и уничтожить. Ты так и сделал бы, старый волк.

— Норхала, — ответил он, — я не прошу ничего, кроме твоего слова. Разве я не знал тех, которые родили тебя? Разве они не до самой своей смерти держали данное слово? Мне не нужно твоих клятв, дай только слово.

Хриплый голос стал ласковым. Он не лгнул, а точно отдавал должное. Лицо Норхалы смягчилось. А я почувствовал уважение к уму этого человека, хотя отвращение мое к нему от этого несколько не уменьшилось.

— Это правда, — гордо ответила Норхала. — Но я не знаю, как можешь ты говорить такие слова, ты, Черкис, слова которого быстротечны, как река, а обещания не прочнее пузырей на воде.

— Я очень изменился за последние годы, Норхала. Я многому научился. Тот, который говорит с тобой сейчас, мало похож на того, кого тебя учили ненавидеть.

— Может быть, ты и говоришь правду! Ты, конечно, не похож на того, каким я себе рисовала тебя. Во всяком случае ты говоришь правду, что раз обещав, я уйду, не уничтожив тебя.

— Но зачем же уходить, Норхала? — спокойно спросил он. Потом выпрямился во весь рост и протянул вперед руки.

— Зачем тебе уходить от нас, Норхала? — громко раскатился его голос. — Разве мой народ не твой народ? Соедини свое могущество с нашим. Я не знаю, как построена эта твоя воюющая машина. Но я знаю, что если мы соединим наши силы, мы можем пойти в забытый нами мир, сметая его города, и владеть над ним. Ты научишь нас строить такие машины, Норхала. Ты станешь женой моего сына Кулуна, и вы будете вместе со мной управлять моим народом. А когда я умру, ты будешь управлять вместе с Кулуном. Так забудется вся наша вражда. Я знаю, что тебе нужны мужчины, сильные мужчины, которые следовали бы за тобой, мужчины, собирающие жатву твоего могущества, молодые и сильные мужчины... Пусть будет забыто прошлое. Приди к нам, великая, со своей силой и красотой! Учи нас. Веди нас! Вернись к своему народу и владычествуй над миром!

Он замолчал. Над крепостными стенами и над всем городом нависло молчание, точно город знал, что судьба его положена на весы...

Меня охватил ужас. Ни это уединенное место, ни его забытый народ, ни даже наша участь не занимали меня в это мгновение. На чашах весов лежала судьба всего внешнего мира, будущее человечества.

— Нет, нет! — раздался голос Руфи. — Не верь ему, Норхала. Это — ловушка. Он унижал меня... мучил меня...

Черкис полуобернулся к ней. Лицо его было страшно. Вентнор зажал Руфи рот рукой.

— Твой сын, — заговорила Норхала и Черкис тотчас снова повернулся к ней, — твой сын и владычество над миром! — голос ее звучал как будто восторженно, — и все это ты предлагаешь мне, Норхале?

Она произносила его взглядом.

— Норхала, — шепнула я, — не делай этого. Он хочет выпытать от тебя твои тайны, завладеть ими.

Она схватила меня за руку.

— Пусть выступит вперед мой жених, чтобы я посмотрела на него, — сказала Норхала.

Черкис и Кулун обменялись торжествующим взглядом. Я увидел, как Руфь склонилась на руки Вентнора. На стенах поднялись крики ликования. Русзарк торжествовал!

— Целитесь в Кулуну, — шепнул мне Дрэк. — Я расправлюсь с Черкисом. Только не промахнитесь.

ГЛАВА XXXV.

Месть Норхалы.

Одна рука Норхалы держала мою руку, другой она схватила Дрэка.

Кулун выступил вперед и протянул Норхале руки.

— Привет тебе, жених мой! — крикнула Норхала. — Но встань рядом с человеком, ради которого я пришла в Русзарк. Я хочу вас видеть рядом.

Лицо Кулуну насупилось. Но Черкис улыбнулся двусмысленной улыбкой и шепнул что-то сыну. Тот отступил. Кольцо стрелков опустило свои луки. Они вскочили на ноги и отошли в сторону, чтобы дать пройти Кулуну.

С быстротой змеиного языка мелькнула перед нами высокая колонна. Она слизнула Руфь, Вентнора и Кулуну.

Колонна с такой же быстротой вернулась к нам и опустила рядом с Норхалой трепещущие тела Руфи и Вентнора.

Потом колонна снова скользнула обратно к стене. На верхнем конце лежал сын Черкиса.

Человек на парашуте, покрытый сверкающей броней, кричал нам...

По всему городу пронёсся вздох ужаса. Сам Черкис потерял свое невозмутимое спокойствие. Раздался безжалостный смех Норхалы.

— Жирный дурак! — закричала она. — Каба, — погнувшая от старости. Ты хотел поймать меня, Норхалу? Я перехитрила тебя, старая лисица! Хочешь получить назад жениха, которого ты мне дал? Так возьми же его!

Металлическая рука, державшая Кулуну, опустилась, уронила его к ногам Черкиса и развалила.

Прежде, чем видевшие это могли опомниться, шпательные колонны вытянулись над Черкисом. Они не ударили Черкиса, а протянули его к себе, как магнит булавку. Подвешенный на конце колонны Черкис перенесся к нам и повис в воздухе не дальше, чем в десяти футах от нас.

Картина эта была невыразимо жуткая. Раскачивавшееся тучное тело Черкиса в тисках металлических шпательцев, его вытянутые руки, развивающийся, точно крылья летучей мыши, расшитый камнями плащ, бледное, злобное лицо. Город, дышавший безнадежным ужасом. Огромная колонна и надо всем — светлое небо.

Смех Норхалы умолк.

— Черкис, — сказала она, — настал твой конец и конец всех твоих. Теперь смотри!

Висящее тело подбросило вверх, швырнуло книзу, и Черкис встал на ноги на верхней площадке колонны. Черкис попробовал сделать движение по направлению к нам, но не мог оторвать ног от площадки. Черкис понял, что все попытки его напрасны и, выпрямившись с некоторым достоинством устремил глаза на город.

— Конеч! — шепнула Норхала.

Чудовище, на котором мы явились в Русзарк, затрепетало. Вниз опустились его молоты. Вниз полетели разрушенные внешние стены, а вместе с ними, как мухи в поднятой ураганом пыли, мелькнули и те, кто охранял эти стены. Но воины Черкиса не были трусами. С внутренних стен полетели тучи стрел, огромные камни. Но попытки воинов снова не привели ни к чему. Из открытых ворот полились целые полки наездников, потрясая мечами и копьями. Под прикрытием их атаки я увидел, как верховые в плащах прищипывали своих лошадей, ища укрытия в окружающих долину скалах. Это были мужчины и женщины богатых классов, бегущие от опасности. Следом за ними бежало множество пеших. Руки молоты чудовища втянулись назад перед атаккой верховых. Втягиваясь, они утолщались и превратились в две огромные клешни краба. Концы их пере-

кинулись через мчавшихся всадников. Потом стали сокращаться.

Теперь уж всадникам некуда было бежать. Концы клешией краба сомкнулись. Всадники оказались пойманными в кругу шириной с полмили, и живые стены этого круга надвигались на них. Началось ужаснейшее перемалывание.

Раздавались крики людей и лошадей. Потом наступило молчание. Там, где были всадники, не осталось ничего!

Ничего! Было два больших круглых пространства, блестящих и сыровато-красных. Но останков людей или лошадей не было никаких.

Мне стало не по себе и я отвернулся. Глаза мои упали на предмет, извивавшийся над долиной. Это странное змеистое нечто состояло из кубов и шаров, густо усаженных пирамидами. Это нечто игриво извивалось среди беглецов, давя их, отшвыривая их тела в сторону.

В поле моего зрения не было больше беглецов. Там, где по долине проходило ужасное нечто, не оставалось ни посевов, ни деревьев. Оставалось ровное поле, на котором то тут, то там поблескивали кровавые пятна.

Раздавались крики — это колонна начала свою работу на дальних стенах. Наше чудовище задрожало. Мы поднялись на сотню футов. Справа и слева от нас чудовище стало раскалываться на части. Между этими расколовшимися частями закипела металлическая рать. Шары, кубы и пирамиды закружились. Мгновение все было в бесформенном состоянии.

Потом слева и справа от нас встало множество гигантских воинов необычного вида. Головы их поднимались футов на пятьдесят над стенами Русзарка. Они стояли на шести огромных колоннообразных ходулях

Эти ходули поддерживали на высоте ста футов шарообразное тело, состоящее из пучков сферических предметов. Из каждого тела выходило множество огромных рук, титанических палиц, циклопических молотов.

Странные воины издавали тонкий, нетерпеливый вой, похожий на собачий.

Ритмическими движениями они наступали на город.

Под молотами огромных рук падали внутренние стены. Вслед за воинами проходили мы над их развалинами, и весь Русзарк, кроме части, скрытой горой, был у нас перед глазами. В короткое мгновение остановки я увидел, как обезумевшие толпы билась в узких улицах, топча упавших, перелезая через груды мертвых. Широкая улица уступами поднималась к обширной площади, где возвышались дворцы и храмы — к Акрополю. Сюда сбегались жители Русзарка, ища спасения у алтарей своих богов.

Поднимались стройные аркады, высокие башни. Тут была целая улица из статуй. Через другую улицу было перекинута множество легких, красивых мостов. В цветущих садах были фонтаны.

Русзарк был прекрасный город. Прелесть его восхищала глаз. От него исходил аромат его садов...

Ряд металлических воинов растянулся. Они размахивали ужасными руками и здания лопались под ними, как огромные яичные скорлупы, погребая под своими развалинами толпы людей.

Металлическая рать приняла наукообразную форму и ползла по широкой улице, вколачивая в камень всех, пытавшихся бежать перед нею.

Шаг за шагом мы пожирали город.

Я не чувствовал ни озлобления, ни жалости. Во мне бился какой-то веселый, оглушительный пульс, точно я был кричащей корпускулой урагана, точно я был частицей тайфуна. В этом хаосе ощущений вдруг возникла, поразила меня мысль: почему я никогда до сих пор не знал, что то, что мы называем деревьями, просто безобразные, несимметричные наросты? Что эти здания, эти башни — уродство? Что эти маленькие, кричащие двуногие существа — отвратительны?

Их нужно смести с лица земли. Все это бесформенное безобразие должно быть уничтожено. Все должно быть сравнено, превращено в долины с гармоничными линиями арок и углов.

Что-то в глубине моего существа пыталось сказать мне, что это не человеческие мысли, не мои мысли. Что это отраженные мысли металлического предмета!

В такт этому внутреннему голосу раздавались какие-то короткие, отрывистые звуки. Эти звуки будили во мне человеческие чувства. Они стали болезненно ударяться мне в сердце.

Плач Черкиса!

Лицо его было неузнаваемо. Жестокость

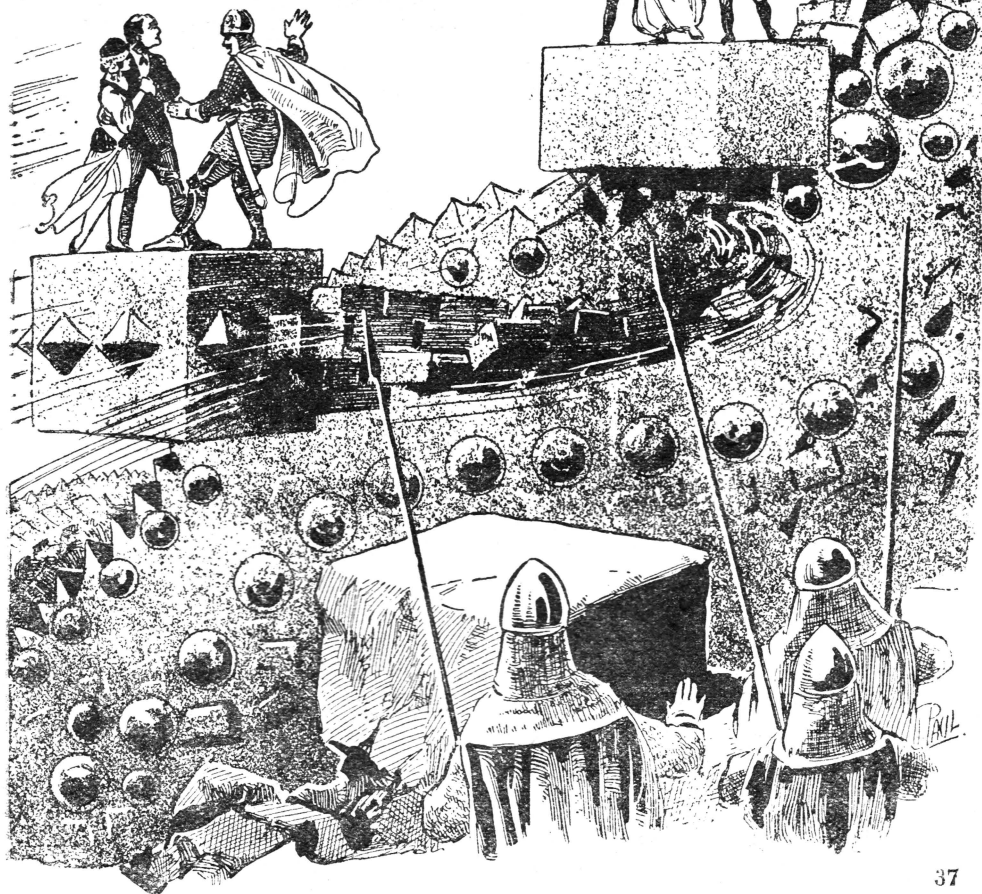
и злоба были смыты с него слезами. Черкис смотрел на уничтожение своего народа и своей столицы.

Норхала холодно наблюдала за ним, точно боялась упустить малейший оттенок его страданий.

Мы были теперь уже совсем близко от площади на горе. Тысячи людей теснились между венчавшими гору зданиями и нами. Они падали на колени, моля о пощаде. Они хватались друг за друга, пытались спрятаться в массу, которая была ими самими. Они ломались в запертые двери храмов. Был момент хаоса, сердцем которого были мы.

Потом треснули и развалились и дворцы, и храмы. Сверкнуло золото, серебро, блеснули драгоценные камни, — и все это хоронило под собой и женщин, и мужчин. Мы спустились на эти развалины.

С быстротой змеиного языка мелькнула колонна и слизнула Руфь, Вентнора и Кулиаа.

Руки-молоты избивали и защитников города, и бедствующее население.

Рыдания замолкли. Голова Черкиса упала на плечо, глаза его закрылись.

Втянулись руки разрушающих предметов. Сами предметы соединились, образовав на мгновение огромный, полный столб, в центре которого, далеко внизу, стояли мы. Потом предметы разделились, образовали различные формы и покатились с горы и ее развалин, как все увеличивающиеся волны.

Вдали сверкающая змея все еще извивалась и уничтожала всех, кому как-то удалось спастись от разрушающих предметов.

Мы остановились там, где была внешняя стена Русзарка. Норхала взглянула на безжизненное тело Черкиса.

Потом металлическая рука вытянулась. Тело Черкиса полетело вперед, как большая синяя летучая мышь. Оно упало на сравненную с землей площадь, былую гордость его столицы.

Разбитое тело Черкиса лежало одиноким синим пятном в пустыне. Высоко в небе возвышалась черная точка — стервятник.

— Я все же оставила тебе добычу, — шепнула Норхала.

Взмахивая крыльями, ястреб опустился рядом с синей грудой и вонзил в нее клюв.

ГЛАВА XXXVI.

Неизбежное.

Мы медленно отступали, точно глаза Норхалы еще не насытились разрушением.

Не оставалось и следов человеческой жизни, жизни природы. Норхала вытоптала все — мужчину и дерево, женщину и цветок, ребенка и бутон.

Развернувшаяся на моих глазах трагедия поглотила меня всего. Мне было не до моих спутников. Я совершенно забыла про них. Теперь, в минуту мучительного пробуждения, я обратился к ним, ища поддержки. Меня снова удивили наряд Руфи, ее обнаженность и красный шрам на лбу Вентнора.

В его глазах и в глазах Дрэка я прочел ужас. Но в глазах Руфи ужаса не было.

Она со спокойным торжеством и так же равнодушно, как Норхала, смотрела на пустыню, которая еще так недавно цвела.

Мне стало тяжело. За что, в конце концов, уничтожили всех этих людей? Разве в наших больших культурных городах меньше зла и пороков? Как могла Руфь отнестись так спокойно...

Мой взгляд упал на глубокий шрам на лбу Вентнора. По краям шрама была засохшая кровь и шрам окаймляло двойное кольцо вспухшего, побелевшего мяса. Это был след пыток.

— Мартин! — крикнул я. — Это кольцо? Что они делали с тобой?

— Они разбудили меня этим, — спокойно сказал он. — Я думаю, что должен быть им благодарен, хотя намерения их были далеко не... филантропические...

— Они мучили его, — с горечью произнесла Руфь, — они терзали его, пока он не проснулся. А меня... меня они вели по городу и люди издевались надо мной. Они, как рабыню, поставили меня перед негодяем, которого наказала Норхала. Они на моих глазах мучили моего брата. Норхала, ты хорошо сделала, что уничтожила их!

Руфь схватила Норхалу за руки и прижалась к ней. Норхала смотрела на нее большими серыми глазами, в которых снова были прежние спокойствие и невозмутимость.

— Это сделано, — сказала она, — и хорошо сделано. Теперь мы с тобой, любимая, будем жить в тишине. Если же ты захочешь убить кого-нибудь в том мире, из которого пришла, мы отправимся и вытопчим их, как сделали это тут.

Сердце мое перестало биться. В глубине глаз Руфи рождались какие-то тени, и они застилали собой жизнь в этих глазах.

Передо мной стояли теперь сестры-близнецы — Руфь и Норхала.

— Сестра, — шептала Норхала, — моя маленькая сестра. Эти мужчины останутся с тобой столько времени, сколько ты захочешь. Если же ты хочешь, я отправлю их в тот мир, из которого они пришли. Но мы с тобой, сестра, будем жить вдвоем, в спокойствии.

Ни разу не взглянув на нас, — любимого человека, брата и старого друга, — Руфь только еще теснее прижалась к ней.

— Пусть будет так, — шепнула она. — Сестра Норхала, я устала. Норхала, я не хочу больше видеть людей, они утомили меня.

— Руфь! — крикнул Дрэк и подскочил к женщинам. Они не обратили на него никакого внимания. Дрэка что-то завертело и снова принесло к нам.

— Подождите, — сказал Вентнор и взял Дрэка за руку. — Сейчас ничего нельзя сделать.

— Ждать! — воскликнул Дрэк. — Когда эта проклятая хочет взять у нас Руфь...

Он снова бросился вперед и снова его точно оттолкнули назад. В это время чудовище, на котором мы находились, опять соединилось со своими частями, и мы под-

дались высоко в воздух. Мы мчались, а между нами и Руфью с Норхалой образовалась широкая трещина. Точно Норхала подчеркивала этим свою победу над нами. Разрыв становился все шире. Он отделял нас от Руфи, как будто бы мы находились в другом мире.

Змеевидный предмет, избивавший воинов, подполз к нам, и наше чудовище вобрало его в себя.

Мы двигались медленно. Мы скользили к прорыву в скалах. Тень этих скал упала на нас. Мы прошли прорыв, потоки ущелье, тоннель. Не было произнесено ни слова. Дрэк с ненавистью смотрел на Норхалу. Вот мы уже очутились на опушке зеленого леса.

Издали до нас донеслись звуки, похожие на барабанные удары. Чудовище, на котором мы находились, задрожало. Звук умолк и чудовище успокоилось. Оно продолжало свое равномерное продвижение среди деревьев.

Прервал молчание Вентнор. Я видел, как исхудало его тело, как обострились черты лица. Мне пришло в голову, что виною этого были не одни пытки, а какое-то новое, странное познание.

— Ты ничего не поделаешь теперь, Дрэк, — говорил он. — Я знаю одно, — весы могут склониться только в одну или другую сторону. И если это будет в одну сторону — Руфь вернется к нам. Если же в другую — тогда уж нам будет все безразлично. С человеком тогда будет покончено.

— Что вы хотите сказать? — шепнул я.

— Наступил кризис, — ответил он. — Мы ничего не можем сделать, Луис, ничего.

Снова раздался сделанный звуки барабана, все громче. Чудовище опять задрожало.

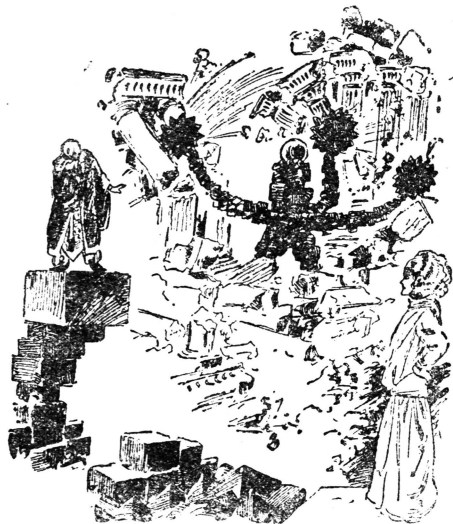
— Бой барабанов? — шепнул Вентнор. — Что они возвещают? Новое рождение земли и гибель человека? Новое дитя, которому дается владычество?

Гул замер. Кругом был слышен только треск деревьев. Неподвижно стояли Руфь и Норхала.

— Откуда... они... явились? — глаза Вентнора под глубоким шрамом были ясные и спокойные. — Откуда явились эти предметы, несущие нас и разрушившие город Черкиса? Родились ли они на земле, как мы? Или же они явились с других звезд? Существа эти, которые во множестве составляют одно и в едином состоят из множества? Откуда они? Что они такое?

Он взглянул вниз, на поддерживавшие нас кубы. Тысячи их сверкающих глазок насмешливо беснусли ему навстречу. Точно они слышали и понимали.

— Я не забыл, — продолжал Вентнор, — все то, что видел, когда во дворце Норхалы сам себе казался только мыслящим атомом вне пространства и говорил с невероятным напряжением через губы, которые были от меня точно в веках расстояния. У меня было три... не знаю, как это назвать... скажем, три видения. Все казалось реальным, но истинным могло быть только одно, а третье может когда-нибудь оказаться истинным, но еще не теперь.

Черкис смотрел на уничтожение своего народа и города. Норхала холодно наблюдала за ним.

ГЛАВА XXXVII.

Надвигающаяся буря.

В воздухе пронеслись новые раскаты, становившиеся все громче. Они шли стесcendo и вдруг оборвались. Норхала подняла голову, прислушалась.

— Я видел мир, обширный мир, Сорнтон, — говорил Вентнор, — величественно шествовавший через пространство. Это не был шар, это был мир со многими гранями, с гладкими позированными плоскостями. Огромный голубой мир, похожий на драгоценный камень, тускло светящийся. Хрустальный мир, вырезанный из эфира. И в этом мире не было ни воздуха, ни воды, ни солнца.

— Я приблизился к нему, — продолжал Вентнор, — и увидел, что на каждой его грани были узоры, гигантские, симметрические узоры, математические иероглифы. В них я прочел невероятные вычисления, арифметические прогрессии звездных армий, нандекты движений солнца. В узорах была страшная гармония, точно все законы, начиная с тех, которыми управляют атомы, до тех, которые направляют космос, были определены здесь, сведены к одному итогу. Узоры постоянно менялись. Я приблизился еще и увидел, что узоры эти — живые. Они были этими самыми предметами в бесчисленной колонии.

Он указал на чудовище, которое везло нас.

— Меня отнесло назад, — продолжал Вентнор, — и я снова увидел мир граней издали. Видение это исчезло. Я видел обширные пещеры, полные этих предметов, работающих, растущих, множущихся. В пещерах нашей земли — плод какого-то неведомого чрева? Я не знаю. Но они росли в этих пещерах, под бесчисленными кругами многоцветных огней. Мне пришло в голову, что они стремились выйти из пещер к Солнцу. Они вырывались на этот свет, на желтый, пылающий свет Солнца.

И эта картина исчезла.

Голос Вентнора стал глуше.

— Ее сменило третье виденье. Я увидел нашу Землю. Я знал, что это была наша Земля. Но высоты ее были сравнены, горы превращены в холодные, полированные, геометрические фигуры. Моря были скованы и сверкали, как огромные драгоценные камни в узорчатой оправе хрустальных берегов. Полярный лед, и тот был обтесан. На расположенных в известном порядке долинах были начертаны пероглифы мира граней. И на всей Земле не было зеленой жизни, не было людей, не было городов. На Земле, которая была когда-то нашей—были только Эти.

— Не думайте,—продолжал Вентнор,—что я всецело принимаю эти видения, эти сны. Но какое-то зерно правды в них есть. Мой мозг был ослеплен светом необъятных для него истин и породил все эти картины. Во всяком случае какой-то катаклизм начинается теперь на наших глазах и, быть может, результатом его и будут такие картины, как последняя виденная мною.

Слова Вентнора невольно заставили меня вспомнить Русзарк и Разрушительные Предметы, сравнившие его с землей и превратившие цветущую местность в пустынную возвышенность.

— И вдруг я увидел эту возвышенность Земли, города—всеми земными городами, а народ Черкиса—народом всего мира!

Снова раздался гул барабанных ударов, но теперь уже оглушительный. Казалось, удары эти валятся на нас. Под нашими ногами точно забился могучий пульс.

Норхала выпрямилась и стала прислушиваться.

— Барабанный бой,—пробормотал Дрэк,—какой это барабанный бой! Это напоминает десять Вердецов и десять Марн.

Гул все рос. Чудовище, на котором мы находились, остановилось. Башня, где стояли Руфь и Норхала, покачнулась. Она наклонилась над трещиной, отделявшей ее от нас, и девушка и женщина соскользнули с нее к нам.

Начался вой. Так громко и пронзительно никогда еще не были металлические предметы.

Чудовище под нами раскололось на части. Перед нами поднялась огромная пирамида, почти такая же высокая, как пирамида Хеопса, которую построили так, что она отбрасывала свою тень через Нил. К пира-

миде стекались и к ней прилипали металлические предметы, делавшие ее все выше и выше.

Пирамида умчалась от нас вперед.

Норхала крикнула, и крик этот был звонкий, пронзительный, как звук трубы. Пирамида-беглянка остановилась, точно в нерешительности, готовая вернуться. Но отрывистый барабанный бой зазвучал повелительно, угрожающе, и пирамида помчалась вперед.

Глаза Норхалы широко раскрылись. Казалось, она не понимала происходившего, не верила тому, что видела. Потом снова крикнула. Теперь это была целая буря звуков.

Но пирамида мчалась дальше.

Вдали сверкала сапфировая искорка дома Норхалы. Пирамида была теперь недалеко от него. Но мы нагоняли ее. Крики Норхалы не замолкали ни на одно мгновение. Сапфировая искра превратилась в шарик, потом в большой шар. Предмет, который мы преследовали, вырос в огромную колонну. У колонны появились ходунки, и она перешагнула через дом Норхалы.

Нас осторожно опустили перед дверями дома. Я взглянул на чудовище, доставившее нас сюда. Оно все было в страшном движении. Но во всей его волнующейся массе я не увидел ни одного куба.

Множество шаров и пирамид отделилось от нашего чудовища и встали в ряд между ним и Норхалой. Потом весь ряд бросился ко входу в ущелье, ведущее в бездну, и скрылся из виду.

На лице Норхалы я прочел сомнение, негодование. В Норхале теперь было что-то жалкое. Она сделала нам знак, чтобы мы следовали за нею в дом. За нами потянулось три больших шара и два тетраэдра.

— Я боюсь,—шепнула Норхала,—боюсь за вас! Останьтесь тут, пока я вернусь. Я оставляю их охранять вас,—она указала на пять металлических предметов.

Предметы окружили Руфь. Норхала поцеловала девушку.

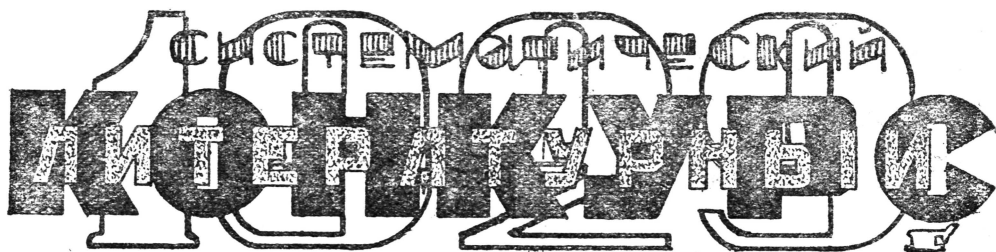
— Усни, пока я не вернусь,—сказала она.

Она вышла из комнаты, даже не взглянув на нас, троих мужчин.

Руфь опустилась на шелковые ткани, лежавшие на полу. Шары и пирамиды мигали на нас, охраняя ее сон.

За дверями голубого шара раздался ужасающий грохот. Казалось, колотят по целым металлическим мирам, полым внутри.

Продолжение в № 7 „Мира Приключений“.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАДАЧА № 6

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК С ПРОСТОРНЫМ СЕРДЦЕМ

Роман-мозаика 21 автора

Роман-мозаика построен из отрывков сочинений 21 автора. Удалось составить нечто цельное почти без цемента. Вставлено от себя только 8 слов; выбрасывались подлинные тексты тоже с осторожностью: или пропускались значительные по размерам разговоры и описания, или производились легкие сокращения и замены; так, слово «чей-то» поставлено вместо нескольких слов автора, мешавших связности изложения; слово «оплеванный» заменило другое слово. Многие имена, конечно, пришлось переменить.

Для составления «романа» использованы следующие писатели:

Л. ТОЛСТОЙ, Ф. ДОСТОЕВСКИЙ, Н. ГОГОЛЬ, Н. ЛЕСКОВ, М. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН, Г.Л. УСПЕНСКИЙ, В.Л. КОРОЛЕНКО, А. МАЙКОВ, Д. МАМИН-СИБИРЯК, К. СТАНЮКОВИЧ, А. ЧЕХОВ, И. БУНИН, А. КУПРИН, М. ГОРЬКИЙ, И. ГОНЧАРОВ, М. ЛЕРМОНТОВ, Д. ГРИГОРОВИЧ, А. ПИСЕМСКИЙ, И. ТУРГЕНЕВ, МАРЛИНСКИЙ, Г. ДАНИЛЕВСКИЙ.

Цель задачи: поощрить ознакомление подписчиков нашего журнала с большими писателями. Такого же типа рассказ «Записки неизвестного» напечатан в № 11 — 12 «Мира Приключений» 1928 года и «Потревоженные тени» в № 1—1929 г.

Как и в тех задачах, подписчикам предлагается указать, из какого писателя взят каждый кусок «романа» «Маленький человек с просторным сердцем», т. е. обнаружить свою литературную начитанность, память и внимание. Кто не читал того или другого из перечисленных 21 писателей — может теперь воспользоваться случаем пополнить свое образование.

За полное решение этой литературной задачи Редакция уплатит премию в 100 руб. В случае получения двух или нескольких безусловно правильных решений, простой жребий определит, кому достанется премия.

Если не будет прислано (мы не хотели бы этого думать) полного решения, то половинная премия т. е. 50 рублей, будет выдана за максимальное количество отдельных, правильно указанных цитат. В случае совпадения таких решений у нескольких подписчиков, между ними будет брошен жребий.

Желая, чтобы возможно большее количество подписчиков приняло участие в этой работе и, таким образом, познакомилось более основательно с произведениями крупных писателей, мы даем продолжительный срок для присылки решений.

Все решения должны быть получены Редакцией не позднее 1 октября 1929 г.

Технически решение нужно выполнить так. Переписать «роман» на машинке или четко и разборчиво чернилами, оставив поля. На полях против каждой цитаты из автора проставить его имя и название сочинения, из которого выдержка приведена. Кроме того в самом тексте должны быть подчеркнуты слова, не принадлежащие цитируемому писателю.

Фамилии всех подписчиков, решивших эту задачу сюда или в преобладающей части, будут напечатаны в журнале.

В Систематическом Литературном Конкурсе могут участвовать все граждане Союза Советских Социалистических Республик, состоящие подписчиками «Мира Приключений». Рукописи должны быть подписаны именем, отчеством и фамилией автора и снабжены его точным адресом. На первой странице рукописи должен быть приклеен печатный адрес подписчика с бандероли, под которой доставляется почтой журнал «Мир Приключений». Примечание. Авторами, состязующимися на премию, могут быть и все члены семьи подписчика, а также участники коллективной подписки на журнал, но тогда на ярлыке почтовой бандероли должно значиться не личное имя, а название учреждения или организации, выписывающей «Мир Приключений». — Во избежание недоразумений рекомендуется посылать рукописи заказным порядком и адресовать: Ленинград, 23, Стремянная, 8. В Редакцию журнала «Мир Приключений», на Литературный Конкурс.

I.

Пароход приближается к крутому яру и идет вдоль темного бора. Бор стоит весь в тени... В нем ходят таинственные шорохи, и кажется, что где-то в чаще идет другой пароход, и также часто шлепает колесами. И оба парохода — точно притаились и чутко сторожат друг друга.

Свисток, за ним другой вспугивают молчание ночи, и кажется, что от этого звука, такого заурядного на Волге, вздрагивают даже берега.

Пароход делает легкий поворот, и на нас надвигается крутой яр левого берега. Над обрезом этого яра виднеется клочок неба, еще не поглощенный разрастающейся тучей. На проплывающем облачке угасают последние слабые отблески. Какие-то темные фигуры фантастически рисуются в вышине над кособором...

— Прощайте, Петр Прокофьевич, еду!

— Куда это?

— На саранчу.

— Надолго?

— Да как вам сказать! Недели на две. Прощайте, Марья Васильевна! Пишите, — говорит плаксиво барышня.

— О! Я буду писать каждое мгновение... каждую минуту. Но будете ли вы помнить обо мне?

— Несносный! — сказала барышня, — для чего ты еще мучишь меня?

— О, женщины! — хватив ладонью по лбу, заключил чиновник.

К утру всырснул легкий дождь, напугав всех, но этот страх был совершенно напрасен. Дождь только освежил траву и лес, и солнце взошло с небывалой пышностью. Предрасветная темная полоса, пеленавшая восток, точно дала широкую трещину,

от которой все небо раскололось на мириады сквозивших золотом щелей. Неудержимый поток света залил все небо, заставив спавшую землю встретиться с ним, заставив каждую фибру, точно кругом завертелись мириады невидимых колес, валов и шестерней, заставлявших подниматься кверху ночной туман, сушивших росу на траве и передававших рядом таинственных процессов свое движение всему, что кругом зеленело, пищало и стрекотало в траве и разливалось в лесу тысячами музыкальных мелодий.

Кондрат Семенович был широкоплеч, небольшого роста, особенно тогда, когда оседал на левый бок, на хроющую ногу; черные волосы его кудрявились, а загорелое, кирпичного цвета лицо оживлялось маленькими веселенькими глазками; нижняя челюсть выдавалась у него, но это придавало ему только добродушное выражение; концы черных усов на короткой верхней губе лихо завивались кверху.

Пароход шел вверх по Волге. Однажды душной июльской ночью, когда небо было покрыто густыми, черными тучами и все на Волге было как-то зловеще спокойно, приплыли в Казань стали на якорь около Услона в хвосте огромного каравана судов. Лязг якорных цепей и крики команды разбудили Кондрата Семеновича. Он посмотрел в окно и увидал: далеко, во тьме, играя, сверкали маленькие огоньки, вода была черна и густа, как масло и больше ничего не было видно.

К чаю вышла в салон единственная дама, ехавшая в первом классе. Кондрат Семенович мимоходом быстро взглянул на нее. Что-то страшно знакомое, очень давнишнее мелькнуло ему не так в ее лице, как в повороте шеи и в подъеме век, когда она обер-

нулась на его взгляд. Но это бессознательное воспоминание тотчас же рассеялось и забылось...

II

— Вы очень добры,—говорила она, отвечая пожатием руки на слова Кондрата Семеныча.

Кондрат Семеныч видел, что слова его действовали, она смотрела на него так нежно, так грустно, что как будто бы в первый раз услышала, что такое речь, внушенная любовью, и что такое блаженство быть любимой...

— Что может быть утешительнее дружбы! — сказала она, подняв глаза вверх.

— Что может быть сладостнее любви! — промолвил Кондрат Семеныч, взглянув на нее нежно.

— Это, так сказать, жизненный балзам.

— Что любовь! — заметила она, — это пагубное чувство; мужчины все такие обманщики...

Она вздохнула, а он сел рядом с ней.

— Что вы? — спросила она.

— Ничего-с-с! Я так счастлив, что сижу возле вас, дышу с вами одним воздухом... Поверьте, что я совсем не похож на других мужчин!.. О, вы меня не знаете, женщина для меня — это священное создание... я ничего не пожалеоу.

— В самом деле? — задумчиво спросила она.

— Ей-богу!

Они долго говорили, наконец стали шептать. От нее разливалась такая жаркая атмосфера, около него такая благоуханная. Они должны были непременно слиться, и слились. Она уронила платок. Кондрат Семеныч бросился поднять, и она тоже; лица их сошлись, — раздался поцелуй.

— Ах! — тихо вскрикнула она.

— О! — произнес он восторженно: — какая минута!

— Давно ли, — говорила она, закрыв лицо руками, — мы знакомы... и уж.

— Разве нужно для этого время? — начал торжественно Кондрат Семеныч; довольно одной искры, чтобы прожечь сердце, одной минуты, чтобы запечатлеть милый образ здесь навсегда!

Еще поцелуй, еще, и еще.

И вот однажды вечером, после порции поцелуев, он решительно объявил Марусе, что пользоваться дальше краденым счастьем он не может.

— Вы мне нравитесь, лгать не стану. Я виновата перед вами, что могла ввести вас в заблуждение, допустить то, чего не следовало... Простите, Кондрат Семеныч! Но ломать всю жизнь, сделать несчастным человека, который так любит меня, Кондрат Семеныч! Вы умный человек и, кроме того, человек с характером... Увлечение ваше скоро пройдет. Ведь есть дела посерьезнее любви... И вы простите меня, неправда ли?

В это время часы уныло зазвенели одиннадцать. Но и часы били на этот раз как-то особенно злонамеренно. Кондрату Семенычу показалось, будто каждое бинение часового колокольчика заключало в себе глубокий смысл и с упреком говорило ему: «каждая дуга, которая описывает маятник, означает канувшую в вечность минуту твоей жизни... Да жизнь то эту на что ты употребил, и что такое существование твое?»

Страсти не что иное, как идеи при первом своем развитии; они принадлежность юности сердца, и глупец тот, кто думает делую жизнь ими волноваться. Полнота и глубина чувств и мыслей не допускает бешеных порывов: душа страдая и наслаждаясь, дает во всем себе строгий отчет и убеждается в том, что так должно; она знает, что без гроз постоянный звон солища ее иссушит.

III.

Они съездили и прожили в Петербурге почти весь зимний сезон. Все, однако, к великому посту лопнуло, как радужный мыльный пузырь. Мечты разлетелись, а сумбур не только не выяснился, но стал еще отвратительнее. Во-первых, высшие связи почти не удались, разве в самом микроскопическом виде и с унижительными натяжками. Оскорбленная Маруся бросилась было всецело в «новые идеи» и открыла у себя вечера. Она позвала литераторов, и к ней их тотчас же привели во мно-

жестве. Потом уже приходили и сами, без приглашения; один приводил другого. Никогда еще она не видывала таких литераторов. Они были тщеславны до невозможности, но совершенно открыто, как бы тем исполняя обязанность. Иные (хотя и далеко не все) являлись даже пьяные, но как бы сознавая в этом особенную, вчера только открытую красоту. Все они чем-то гордились до странности. На всех лицах было написано, что они сейчас только открыли какой-то чрезвычайно важный секрет. Они бранились, вменяя себе это в честь. Довольно трудно было узнать, что именно они написали; но тут были критики, романисты, драматурги, сатирики, обличители...

Никогда еще не проходило дня в ссоре. Нынче это было в первый раз. И эта была не ссора. Это было очевидное признание в совершенном охлаждении. Разве можно было взглянуть на нее так, как он взглянул, когда вошел в комнату за аттестатом? Посмотреть на нее, видеть, что сердце ее разрывается от отчаяния и пройти молча с этим равнодушно спокойным лицом! Он не то, что охладел к ней, но он ненавидел ее, потому что любил другую женщину,—это было ясно!

Она громко всхлипывала, сжимая себе виски, и пробормотала:

— Боже мой, погибла жизнь!..

А он сидел, молчал и не сказал ей даже: «не плачь»... Он понимал, что плакать нужно и что для этого наступило время. Она видела по его глазам, что ему жаль ее; и ей тоже было жаль и его и досадно на этого робкого неудачника, который не сумел устроить ни ее жизни, ни своей.

Когда она провожала его, то он в передней, как ей показалось, нарочно долго надевал шубу. Раз два молча поцеловал ей руку и долго глядел в заплаканное лицо. Ему хотелось сказать что-то, и он был бы рад сказать, но ничего не сказал, а только покачал головой и крепко пожал руку. Бог с ним!

Проводив его, она вернулась в кабинет и опять села на ковре перед камином. Красные уголья подернулись дымом и стали потухать. Мороз еще

сердитее застучал в окно, и ветер запел о чем-то в каминной трубе.

А у Кондрата Семеныча всю ночь из головы не выходила незнакомая женщина, встретившаяся им на лестнице. Не знаю почему, но ему показалось, что она незамужняя, а если и замужняя, то в разводе с мужем. Голова его горела, он метался в лихорадочном жару; от этого внешние чувства его сделались гораздо острее и тоньше: может быть, тишина ночи этому много способствовала. Воображение разгоралось...

Не каждый ли день он встречал на улице множество женских лиц; почему-то ни одно из них не действовало на него так притягательно, не было ему так сочувственно, как лицо этой девушки. Ее милостивые черты, ее серые, добрые глаза врезались в его памяти с первого дня, как он увидал их... И прежде приходили минуты, когда потребность привязаться к женскому сердцу, любить и быть любимым, давала себя внутренне чувствовать; но это были только намеки, отдаленные, чуть слышные голоса перед тем, что теперь наполняло его душу.

IV.

Был осенний теплый, дождливый день. Небо и горизонт были одного и того же цвета мутной воды. То падал как будто туман, то вдруг припускал косой, крупный дождь. На породистой, худой, с подтянутыми боками лошади, в бурке и папахе, с которых струилась вода, ехал Кондрат Семеныч. Он так же, как и лошадь, косившая голову и поджимавшая уши, морщился от косого дождя и озабоченно присматривался вперед.

Наконец, он подъехал к крыльцу. Мелькнувшее в окне лицо Полины успокоило Кондрата Семеныча — она дома. С замирающим сердцем он начал взбираться по лестнице. Хозяйка встретила его в передней.

— Здравствуйте — проговорила она приветливым и тихим голосом и в то же время была как бы немножко сконфужена.

В следующей комнате Кондрат Семеныч слышал чьи-то женские голоса. Полина провела его в гостиную.

— А ваш супруг?

— Он завтра вечером или послезавтра придет, — отвечала та каким-то ровным голосом.

— А завтра я должен буду уехать.

Полина сначала на это ничего не сказала, но потом, промолчав немного, проговорила:

— Разве вот что: приходите после ужина, когда все улягутся, посидеть в чайную; я буду там.

— А где же эта чайная? — спросил Кондрат Семеныч.

— Я, в продолжение вечера, постараюсь вам как-нибудь показать ее, — отвечала, тоже не глядя на него, Полина.

— Какой дом, однако, у вас оригинальный!

— Ах! Он очень старинный. Вы однако не видали его всего. Хотите взглянуть? — подхватила Полина, понывшая его мысль.

— Очень рад-с.

Полина пошла показывать ему дом.

— Вот это — зала, это — гостиная.

— А это — портрет ваш?

— Да, это — в первый год, как я вышла замуж.

Она нарочно говорила громко, чтобы еще слышали в зале.

— А это вот — угольная, или чайная, как ее прежде называли, — продолжала хозяйка, проводя Кондрата Семеныча через корридор в очень уютную и совершенно в стороне находящуюся комнату. — Смотрите, какие славные диваны идут кругом. Это любимая комната была покойного отца мужа. Я здесь и буду вас ожидать! — прибавила она совершенно тихо и скороговоркой.

— А когда же мне приходиться сюда? — спросил ее замирающим от восторга голосом Кондрат Семеныч.

— Когда все улягутся. Вот это окошечко выходит в залу; на него я поставлю свечу: это будет знаком, что я здесь, — продолжала она попрежнему тихо и скороговоркой. А вот-с это — библиотека мужа! — произнесла она опять полным голосом.

Когда они проходили маленький корридор, Кондрат Семеныч не утерпел и, взяв за талию Полину, проговорил:

— Милая моя, бесценная!

Полина обернула к нему свое лицо сияющее счастьем и страстью.

Кондрат Семеныч поцеловал ее.

— Тсс!.. Нельзя этого! — проговорила она, пугнув его пальчиком.

Оставшись один, Кондрат Семеныч почти в лихорадке стал прислушиваться к раздававшемуся то тут, то там шуму в доме; наконец, терпения у него уж больше не достало: он выглянул в залу — там никого не было, а в окошечке чайной светился уже огонек. «Она там», подумал Кондрат Семеныч и с помутившейся почти совсем головою прошел залу, корридор и вошел в чайную. Там он увидел Полину, уже в блузе, а не платье.

— Ах, это вы, — сказала она, как бы не ожидая его и как бы даже несколько испугавшись его прихода.

— Я, — отвечал Кондрат Семеныч дрожащим голосом; потом они сели на диван и молчали; Кондрат Семеныч почти — что глупо смотрел на Полину, а она держала глаза опущенными вниз.

— Послушайте! — начала Полина: — я давно хотела вас спросить: Мари вы выдаете в Москве?

— Один раз всего видел, — отвечал неторопливо Кондрат Семеныч.

— И что же, любовь ваша к ней прошла в вас совершенно? — продолжала Полина.

— Прошла, — отвечал Кондрат Семеныч искренним тоном. Однако, послушайте, — прибавил он, помолчав: — Сюда никто не войдет из людей?..

— Нет, никто; все преспокойно спят... — отвечала протяжно Полина.

Полина устала на него надолго свои большие глаза.

V.

Однажды Кондрат Семеныч проходил в саду мимо известного забора — и увидел Полину: подпершись обеими руками, она сидела на траве и не шевелилась. Кондрат Семеныч хотел было осторожно удалиться, но она внезапно подняла голову и сделала Кондрату Семенычу повелительный знак.

Кондрат Семеныч замер на месте: он не понял ее с первого раза. Она повторила свой знак. Он немедленно перескочил через забор и радостно

стно подбежал к ней; но она остановила его взглядом и указала ему на дорожку в двух шагах от нее. В смущении, не зная, что делать, он стал на колени на краю дорожки. Она до того была бледна, такая горькая печаль, такая глубокая усталость сказывалась в каждой ее черте, что сердце у него сжалось и он невольно проворчал: что с вами?

Полина протянула руку, сорвала какую-то травку, укусила ее и бросила ее прочь, подавльше.

— Вы меня очень любите? — спросила она наконец. — Да?

Кондрат Семеныч ничего не отвечал, — да и зачем ему было отвечать?

— Да, — повторила, она, попрежнему глядя на него. — Это так! Такие же глаза, — прибавила она, задумалась и закрыла лицо руками. — Все мне опротивело, — прошептала она, — ушла бы я на край света, не могу я это вынести, не могу сладить!.. Боже мой, как тяжело!

— Забудь, — сказала она, — что я существую, что я любила, что я люблю тебя; забудь все и прости!

— Забыть тебя! — воскликнул Кондрат Семеныч, — и ты хочешь, чтобы я забыл последнее звено утешения в чугунной цепи жизни, которую отныне я осужден волочить, подобно колоднику, чтобы я вырвал из сердца, сгладил с памяти мысль о тебе? Нет, этого никогда не будет! Любовь была мне жизнь и кончится только с жизнью.

И, между тем, он сжимал ее в своих объятиях, между тем, адский огонь пробегал по его жилам... Тщетно она вырывалась, просила, умоляла; он говорил:

— Еще, еще один миг счастья, и я кинусь в гроб будущего!

— Еще раз, прости, — наконец произнесла она твердо. — Для тебя я забыла долг, тебе пожертвовала домашним покоем, для тебя презрела теперь двусмысленные взоры подруг, насмешки мужчин и угрозы мужа; неужели ты хочешь лишиться меня последнего наружного блага — доброго имени?.. Не знаю, отчего так замирает у меня сердце и невольный трепет пролетает по мне; это — страшное предчувствие... Но прости, уж время.

— Уж поздно! — произнес чей-то голос.

Он обомлел за Полину, кинулся навстречу пришедшему, и рука уперлась в грудь его:

— Бегите — сказал он, запыхавшись, — бегите! вас ищут!.. Ваш муж беснуется от ревности, рвет и мечет все, гоняясь за вами; он близко!

— Он убьет меня! — вскричала Полина, упав на руки Кондрата Семеныча.

У нее сделался сильный истерический припадок и они провели неприятную четверть часа, прежде чем Полину унесли в дом.

Полина довольно долго не могла успокоиться и просила кого-нибудь переночевать у нее.

— Я теперь боюсь быть одна, — говорила Полина.

— Чего ты боишься?

— Его, моего мужа; вы не знаете, какой он человек!

VI.

Кондрат Семеныч проснулся незадолго перед обедом. Голова его была тяжела. Он встал, вспомнил встречу и разговор под виноградной беседкой... Взял перо и стал писать. То было письмо к Полине. Он хотел его передать через Фросиньку. Мысли не слушались. Прошел час, другой. Письмо не писалось.

— Кушать просят, — объявил показавшийся в дверях Филат. Кондрат Семеныч разорвал начатое письмо, привел себя в порядок и вышел в сад. Воздух был влажный. Парило. Кругом стоял густой, смолистый пар от деревьев и цветов.

— Что это, дедушка, было сегодня ночью? — спросил он деда Лукашку, увидя его, с пучком готовых тычинок, под ракитою в саду.

— Воробьиная ночь, милый, ноне была.

— К добру же это или не к добру?

— Как кому! Молодым все к добру.

Вернувшись, он тут же велел Филату выдвинуть из-под кровати чемодан, покрывшийся уже порядочно пылью, и принялся укладывать вместе с ним, без большого разбора, чулки, рубашки, белье мытое и немытое, сапожные колодки, календарь.

Все это укладывалось, как попало: он хотел непременно быть готовым с вечера, чтобы на завтра не могло случиться никакой задержки. Филаг, постоявший минуты две у дверей, наконец, очень медленно вышел из комнаты. Медленно, как только можно вообразить себе медленно, спускался он с лестницы, отпечатывая своими мокрыми сапогами следы по сходившим вниз избитым ступеням, и долго почесывал у себя рукой в затылке. Что значило это почесывание? И что, вообще, оно значит? Досада ли на то, что вот не удалась задуманная завтра сходка с своим братом в неприглядном тулупе, опоясанном кушаком, где-нибудь во царском кабаке; или уже завязалась в новом месте какая зазнобушка сердечная, и приходится оставлять вечернее стояние у ворот и политичное держанье за белы ручки в тот час, как нахлобучиваются на город сумерки, детина в красной рубашке бренчит на балалайке перед дворовой челядью, и плетет тихие речи разночинный, отработавшийся народ? или просто жаль оставлять отогретое уже место на людской кухне под тулупом, и близ печи, да щи с городским мягким пирогом, с тем, чтобы вновь тащиться под дождь и слякоть и всякую дорожную невзгоду? Бог весть, — не угадаешь! Многое разное значит у русского народа почесывание в затылке...

Э п и л о г.

Было мокро, сыро и ветрено. Низкие, мутные, разорванные облака быстро неслись по холодному небу; деревья густо и перекатно шумели вершинами и скрипели на корнях своих; очень было грустное утро.

Кондрат Семеныч с Маврикием Николаевичем прибыли на место дуэли в щегольском шарабане парой, которым правил Кондрат Семеныч; при них находился слуга. Почти в ту же минуту явились и Николай Всеволодович со своим секундантом, но не в экипаже, а верхами, и тоже в сопровождении верхового слуги.

Секунданты бросили жребий. Барьер отмерили, противников расставили,

экипаж и лошадей с лакеями отослали шагов на триста назад... Оружие было заряжено и вручено противникам.

— Переговоры кончены. Прошу слушать команду! из всей силы вскричал секундант Николая Всеволодовича — Раз! Два! Три!

Со словом три противники направились друг на друга. Кондрат Семеныч тотчас же поднял пистолет и на пятом или шестом шаге выстрелил. На секунду приостановился и, уверившись, что дал промах быстро подошел к барьеру. Подошел и Николай Всеволодович, поднял пистолет, но как-то очень высоко, и выстрелил совсем почти не целясь. Затем вынул платок и замотал в него мизинец правой руки. Тут только увидели, что Кондрат Семеныч не совсем промахнулся, но пуля его только скользнула по пальцу, по суставной мякоти, не тронув кости; вышла ничтожная царапина.

Опять сошлись, опять промах у Кондрата Семеныча и опять выстрел вверх у Николая Всеволодовича.

Расставили в третий раз,скомандовали; в этот раз Кондрат Семеныч дошел до самого барьера, с барьера, с двенадцати шагов, стал прицеливаться. Руки его слишком дрожали для правильного выстрела. Николай Всеволодович стоял с пистолетом, опущенным вниз, и неподвижно ожидал его выстрела.

Выстрел раздался, и на этот раз белая пуховая шляпа слетела с Николая Всеволодовича. Выстрел был довольно меток, тулья шляпы была пробита очень низко; четверть вершка ниже, и все было бы кончено.

— Стреляйте, не держите противника! — прокричал в чрезвычайном волнении Маврикий Николаевич, видя, что Николай Всеволодович как бы забыл о выстреле, рассматривая со своим секундантом шляпу.

Николай Всеволодович вздрогнул, поглядел на Кондрата Семеныча, отвернулся и уже безо всякой на этот раз деликатности выстрелил в сторону, в рошу. Дуэль кончилась.

Кондрат Семеныч стоял как оплеченный.

„Б Е З Э А“

ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 12

Решение рассказа-задачи „БЕЗЭА“

С каждым месяцем развивается дальше наш Систематический Конкурс, глубже зачерпывает он все новые и новые слои читающих и, вовлекая в коллективную работу, формирует из них ряды активных читателей; осязательно ширится интерес их к живому и увлекательному делу, сначала казавшемуся иным чуждой и пустой забавой, на которую нет ни времени, ни охоты. Все увеличивается число участников Конкурса, все растёт количество сопроводительных писем. Ярko отражается в них искреннее увлечение работающих. И наш труд делается все интереснее и благодарнее.

П. А. К. (профессия не указана), из такого культурного центра, как Москва, пишет нам:

«Большое спасибо и от себя, и от многих моих знакомых! Писать я не пишу, занят по горло своей профессиональной работой, но вы научили меня читать. Все что я раньше прочитывал, скользило по мне, не задевало как то, точно из трамвая смотрел на улицы, не осмысливал, пробежал (хотел написать — проехал) и ладно. Вы приучили меня (не сразу это сделалось, тяжелым и скучным было в первый раз) разбираться и я не стыжусь сказать, что стал умнее читать. Потянуло меня теперь к хорошей книге, читаю медленнее, зато больше остается во мне. О чем я теперь жалею, что столько книг проглотил за мои почти 40 лет жизни, а от них пустое место во мне осталось, почти ничего не зацепилось. Читал я как все, ну, если не как все, то многие, перелистывал страницы, искал самого интересного, что дальше будет, какие приключения и какая судьба у кого в конце концов, а как все происходит никогда не интересовался. Много хорошего в книгах для меня пропало и теперь не наверстаешь, пожалуй! Что делать! Спасибо Вам еще раз. Пока не пишу сам, решимости нет, а для себя в голове работать над Вашими конкурсами буду. Проверять себя буду по ним, чего не доглядел в рассказе — узнаю. Это мне тоже задача».

И. М. из Кубанской области, как видно по его должности, человек, занятый тяжелым, напряженным, ответственным железнодорожным трудом, сообщает, что «трехмесячная болезнь жены выбила его из колен, но что конкурсы №№ 1 и 2 настолько соблазняют его, что решением их он займется после срока, исключительно для себя лично».

Е. А. Б. (Ленинград), впервые посылающий на Конкурс свою работу, пишет обширное и дельное письмо, из которого приводим краткую выдержку;

«Я с большим нетерпением ожидал всегда выхода каждой книжки и с удовольствием отмечал, что мои решения в большинстве случаев одобрялись редакцией. Но, к сожалению, мне этот конкурс был полезен только наполовину, так как я решал и обдумывал сюжет и поведение в уме, изучаясь таким образом вникать в прочитанное, но не учась одновременно излагать свои мысли и образы в литературной форме, по причинам таким: во-первых, я никогда еще не пробовал писать, а потому и не решался, во-вторых я не люблю писать, особенно чернилами (смешно! правда, но все-таки причина) и самое главное у меня мало времени».

Таких, как я, несомненно, много, гораздо больше, чем присылающих решения, а потому и польза конкурса во много раз больше, чем можно было бы судить по числу участников»...

Заявлений, как процитированные здесь, много, и почти во всех письмах по поводу Систематического Конкурса, даже не сопроводительных, т. е., посылаемых не параллельно с работой, а являющихся живыми, чисто платоническими откликами читателей, содержатся горячие выражения благодарности Редакции за организацию конкурсов и лично автору отчетов о них. Наше сочувствие корреспондентам искренно, увлечение их работой — наша лучшая награда, но, конечно, мы можем только вскользь говорить об этом, ровно столько, сколько необходимо, чтобы примеры соревнования в труде могли влиять и на других, еще не втянувшихся в систематически предлагаемый им не только полезный, но и приятный труд.

И. С. С. (Вологда) в длинном и откровенном письме, как и многие другие, именно оттеняет значение систематичности, регулярности.

«Весьма занятому человеку трудно систематически работать над собой в области литературы, а ежемесячные конкурсы «Мира Приключений» заставляют работать над собой и сильно способствуют развитию навыков в этом отношении».

Мы настаиваем на регулярности, на планомерности. Только этот метод даст успех читателям, а вовсе не случайная удача в каком нибудь решении.

У нас скопилась большая серия писем читателей о процессе работы над задачами и откликов на предложение И. М. об издании особой книжки из этих работ. Мы надеемся вернуться к этим вопросам.

Отрадно, что параллельно с диффозным увеличением активности читателей растет и успешность их работ. Заключительных глав к рассказу «Безза» прислано 139 (из них подписчиками — 48), и средний уровень их не плохой. Чутье читателей порою прямо доставляет удовольствие. Печатаая рассказ, мы вынуждены были ограничиться кратким замечанием о виртуозности языка его и не могли намекнуть ни одним словом на драму или комедию, заключенную в содержании. Сделай это, — мы продиктовали бы решение, т. е. уничтожили бы задачу. Тем не менее читатели в большинстве отнеслись к теме с громадным вниманием и глубоким проникновением. Это видно из решений, видно из писем. Вот как тонко характеризует «Безза» один из читателей:

«Благодарная и интересная задача: изложить ряд мыслей, логически последовательных, нарисовать словесную картину — рассказ, выдержать без всякой диссонирующей фальши его внешнюю форму, сохранить мотивированное развитие его внутреннего содержания, умело придать ему художественную обличовку — и все это проделать, не применяя во всем рассказе ни разу буквы «р», строя именно на этом же и самый драматизм сюжета, — поистине, стоило над этим потрудиться».

Итак, весь рассказ «Безза» написан без буквы «р». Некоторые особенно внимательные читатели подметили однако, что в одной описательной фразе произошла типографская ошибка и буква «р» все-таки однажды проскользнула. Совершенно правильно, что они не придали этому значения, и явная опечатка не ввела их в заблуждение.

Рассказ был бы простым литературным трюком, если бы тема его не была так слита с оформлением, что всюду пронизывает свою оболочку; если бы в каждой черточке, в каждом штрихе не чувствовалось дыхание какой-то внутренней жизни. И многие читатели рассмотрели не только скорлупу, они нашли и самое ядро, — психологическую тему, коллизии блестящих природных дарований и мозговых способностей с маленьким чисто физиологическим недостатком.

Эту коллизию можно рассматривать в плане драматическом или юмористическом. Сюжет и основной текст позволяют выбрать любой путь, любую форму трактовки, и индивидуальность участников Конкурса, несомненно, отразилась на решении этой задачи особенно ярко по сравнению со всеми предыдущими рассказами-задачами.

Вот мы и подошли к схеме разбора и оценки присланных заключительных глав. Схема коротка и при ее помощи читатели могут сами разобраться в своем труде.

Рассказ представляется здесь как-бы препарированным в анатомическом театре, и внимательный читатель легко рассмотрит и весь скелет, и отдельные кости, двигательные мышцы и нервы.

Решение «Безза» состоит из следующих элементов. Одни из них необходимы, другие являются важными и желательными, иные составляют украшение, а совокупность их дает правильное и хорошее литературное решение задачи.

1. В рассказе нигде нет буквы *р* (кто заметил это — выдержал на конкурсе внимания).

2. Как узнает читатель об этом недостатке произношения Безза? Сухое

сообщение («разгадка факта») не годится. Здесь лучше всего литературное и художественное описание событий, при которых Безза выходит из колен и проговаривается, обнаруживает себя. Другими словами, здесь конкурс на фантазию читателя, на его литературную выдумку в строгих границах естественных, бытовых условий повествования.

3. Углубление темы, т. е. не простое, хотя бы и литературное констатирование любопытного случая, а психологический охват сюжета, выявление отношения к нему автора и окружающих, указание его места и положения в ряду жизненных явлений. Иначе говоря: очищение ядра из скорлупы — оболочки и выделение на первое место основной коллизии темы, не вечных ссор Безза и Квача, а именно внутренней драмы Безза.

4. Обрисовка героини рассказа после ее «разоблачения» и других действующих лиц.

5. Форма заключительной главы. Изящество решения, конечно, заключается и в виртуозности построения фраз подобно основному тексту, т. е. в отказе от пользования буквой р.

Читатели, конечно, понимают, что здесь грубыми штрихами набросан только основной абрис, что каждый пункт нельзя рассматривать отдельно, а в изложении они должны слиться в одно художественное целое, как и внутренняя конструкция здания не видна, когда оно завершено. От индивидуальности и способностей участника конкурса зависит расширить и расцветить отдельные стороны его работы. Но вехи, указанные выше, все же являются главными и руководящими в построении заключительной главы.

Как же подошли читатели к задаче?

Только наименьшая часть их не догадалась в чем физический недостаток Безза и пыталась — всегда неудачно — подыскать какие-то особые причины неуспеха героини в жизни и на сцене. Один автор ставит себе вопрос, не двуполое ли существо Безза, и отсюда делает вывод: «мысли и чувства ее больно пронизывались страшными занозами душевной драмы и она терлась на сцене». Другой — уверен, что Безза «не могла вдохнуть жизнь в написанные строки, ее жесты становились механическими, интонации — неверными. Она создана оратором, а вообразила себя артисткой — так пояснил Квач». — У третьего — Безза также страдает отсутствием способности к восприятию и передаче посторонних ей мыслей и чувств. — По мнению четвертого, Безза потому завидует китайкам, что в Китае «самостоятельные актеры, которые говорят и действуют, как хотят, лишь бы доставить удовольствие публике». — У пятого — Безза так и осталась загадкой. Она не может понять и прочесть чужую речь, простую, без художественных выкрутасов. По догадке шестой — китайцы актеры доходят до смешного в своей высокопарности, потому то и Безза со своей манерой говорить и хотела бы быть китайкой. А имя свое ненавидит потому, что под этим именем провалилась на сцене. — У седьмого — та же причина, что Безза была слишком индивидуальна, не могла менять настроений, перевоплощаться в тот образ, который нужен автору. — У восьмого — Безза теряет контроль над собой, не может следить за сфилером и повторять заученные слова, вдохновение покидает ее, она заикается. — Девятый автор (женщина) поясняет, что Безза жила в фантазиях своих, что ей нужно изучить сценическое искусство и достигнуть подготовки к сцене. Дальше идут общие рассуждения, что «талант нужно развивать в связи с течением жизни и достижениями человечества» и т. д. Подобных решений еще несколько, а в общей массе они все таки единичны.

Любопытно проследить, как ошупью, неуверенно бродили мысли этих авторов, не заметивших твердой почвы рассказа, не обративших внимания на редакционное вступление. Точно люди глаза закрыли, а между тем среди них есть хорошие и добросовестные работники по конкурсам.

Велико у читателей разнообразие настоящих имен Безза. У многих Безза — «Вера без эра». Другие объясняют так происхождение клички:

(Е. А. Б., Ленинград) «я (Квач) так ее назвал после объяснения, что она все может сказать только без эра... да... Безэра., ну, а она изменила в Безэра». Такое же объяснение и у В. В. А. (Камышлов), и у других. Зовут Безэра, действительно, неудобно для человека, совсем не выговаривающего «р»: Раиса Романовна Рокотова; Ирина; Мария Генриховна Берзер; Варвара Реброва; Элеонора Александровна Безрадецкая; у Н. Н. Ж. — Вера Аркадьевна Кордильерова, а Квача зовут Митрофан Прокофьевич Кордильеров и он считает, что наградил Безэра в завершение урчания ее имени прибавочным грохотом своей фамилии. — Короче говоря: словарь имен и фамилий с буквой «р» использован хорошо.

Весьма разнообразны также варианты обстоятельств, при которых тайна Безэра раскрылась. Тут две группы решений: у одних — это было дело случая, у других — автор сам добивался разгадки и даже всячески ловил Безэра, провоцировал ее. Нельзя отдать предпочтение тому или другому способу развития действия: оба они жизненны и, следовательно, оба правильны.

Здесь, в этой части, мы знакомимся и с существенной, творческой стороной предложенной читателю работы, с его подходом к теме и его восприятием сюжета.

Все подвергающиеся дальнейшему анализу главы без детального уточнения можно разделить на 3 круга. Читатели трактуют сюжет в плане юмористическом, или драматическом, или совсем не окрашенном в индивидуальный цвет. Внутренних кругов, т. е. оттенков основной окраски, сгущения или ослабления ее — несколько. Так, в юмористическом плане попадают тона иронии, сарказма, в драматическом — трагедии, сентиментальности и т. д. Но при вынужденно сжатом объеме нашего обзора нет возможности для классификации решений останавливаться на этих подробностях. Достаточно главнейших типов. Из трех мы считаем равноправными и равноценными два: юмористический и драматический. План безразличия, холодной, безучастной фотографии, протокольно изображающей жизнь — хуже. Он лишен нервов и красок настроения. Он не картина, освещенная и согретая творческой мыслью автора, хотя техническое умение, навыки и даже известное профессиональное мастерство — налицо и здесь. Любопытно отметить, что измеряемые количеством решений — все эти три круга почти совпадают.

Разбирая решения безотносительно к плану, в каком они даны, только по признакам своеобразности и фантазии авторов, мы наталкиваемся на целую группу, где участники Конкурса удачно воспользовались крымскими подземными толчками. Самое слово землетрясение и погубило Безэра. Оригинально развернул тему Е. И. Шведер (Днепропетровск). Вот выдержка из его дельного, но суховатого решения.

«Вернувшись к себе домой, я долго не мог уснуть. Я думал о Безэра, о ее секрете и чувствовал, что разгадка его близка, что она, так сказать, носится в воздухе. Сон не приходил и я потянулся к этажерке, где в беспорядке были свалены хозяйские книжки — разрозненные томики русских писателей. Взял первый попавшийся томик Лескова, раскрыл наудачу и начал читать «Смех и горе». И вдруг, читая реплику Степана Ивановича Дергальского: «Плишел к вам с доблым намелением, вы человек чужой и не видите, что с вами тволят. Кто вас лекомендовал Фолтунатову?» — точно молния прорезала мысль, догадка: вот в чем песчинка то, вот оно почему «лишь до читки чужой пьесы», почему ненависть к своему имени, почему я у Безэра лейтенант Глан, а не Роман Сергеевич, почему не Рим, а «столица Италии»... Буква, одна буква — вот та «песчинка», которой не хватало у Безэра. А китайка? Причем сожаление о том, что она не китайка? На этот вопрос я не мог ответить и отложил его до следующего дня. На следующий день я зашел в читальню и у седенького библиотекаря выудил всю имеющуюся в наличии литературу о Китае. В одной из книг я прочел: «Таким образом в китайском языке при транскрипции русскими буквами получим следующие звуки: а, я, е, и, ы, у, ю, о, ю, й, б, н, ф, м, в, д, т, л, чж, ч, цз, ц, с, ш, ж, г, к, х, н». Буквы «р» тут следовательно нет. А другая книжка подсказала более определенно: «Китайцы, как и некоторые другие восточные народы, совершенно не могут произносить русского звука «р».

А. Н. И. (Владивосток) заставляет Безра попасться случайно:

«Я лениво шагал по любимой мной липовой аллее. Внезапно из боковой аллейки появилась Безра и вслед за ней вылезла необытная особа Квача. Я поклонился... Безра мне ответила и, кажется, хотела что-то сказать. Но в этот миг какой-то субъект, выскочив из-за кустов, выхватил дамскую сумочку из пальцев Безра и в мгновение ока исчез в зелени.

— Укуал!!! укуал!!!. Ву!! Ву!! Ву!!»

П. И. Р. (Киев) дает Безра реплику: «я вышла из мака неизвестности»; у П. М. Ш. (Тамбов) Безра губит слово «талантул», грозивший укусить ее, у другого — выдало невольное восклицание: — «ак укусил»; третий автор Д. П. М. (Москва) догадался сам, потому что его маленькая дочка, плохо выговаривая, звала охотничью собаку «Терза». — Подписчица Е. П. Л.—П. (Богородск) заставляет автора узнать, где живет Безра и пойти к хозяину под предлогом поговорить о найме комнаты. Почтальон подает в это время письмо для Безра. Автор записывает в блокнот имя. В китайской палатке слышит разговор без буквы «р». Сопоставляет и соображает. — Менее удачны в этой части решения: Л. М. М. (Безра читает стихи и попадаетея, а автор подал ей блокнот со вписанными в него стихами, который носил с собой. Случай — редкий!), и С. М. Р. Последний насмешливо и фатовато заставляет Безра проговориться. У автора, — как действующего лица рассказа, конечно! — какая-то неприятная тенденция на светскость. Безра выступает теперь в ролях с акцентом (?) и больше не стыдится своего недостатка. Перед ней раболепствуют (?) и т. д. Вся глава не в тоне и не в духе рассказа.

Одному автору (Ленинград) не стоило писать так сухо и добираться до истины «дедуктивным методом с точной последовательностью математических выводов». — Е. А. Б. (Бобров) советует Безра написать пьесу «так как она сочиняет великолепные монологи. Может, что-нибудь и выйдет. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало». Выговориться наболевшему сердцу и даже сочинить монолог — это одно, а написать пьесу — совсем другое, а затем автор ослабил свою работу этим не совсем уместным снисходительно презрительным заключением. — У Е. А. С. (Бобров) не плохо нарисована большая картина землетрясения, во время которого Безра выдала себя. Затем она улетела на гидроплане и написала письмо без буквы «р». Л. Ф. С. ставит вопрос, почему бы Безра не «сделаться писательницей». Ах, если бы писательницей было так же легко сделаться, как домохозяйкой или машинисткой в канцелярии!

Совершенно особняком стоит работа А. А. Колосова (Москва). Он очень оригинально подошел к сюжету и заставил Безра рассказать свое детство и юность, дал живой и прекрасный образ талантливой девочки, научающейся скрывать свой недостаток, неизменно лучшей в школьных сочинениях, увлекающейся книгами и мечтами о сцене, переживающей на сцене волнение, сменяющееся экстазом. И в эту минуту у Безра мелькнула мысль, что вдохновенный экстаз искупит ее недостаток. Она рискнула... Но буква «р» губит ее. Следует сильная картина почти моментального перерождения зала, перешедшего от восторга к глумлению, свисту, вою. Кроме хорошего литературного изложения у автора совершенно правильный психологический анализ. К сожалению, мы лишены возможности дать первую премию за это талантливое решение. «Последняя главка» А. А. Колосова чрезвычайно, непропорционально велика по отношению ко всему рассказу, она давит его. Есть и еще один уже небольшой дефект. Не сообразив в чем дело, автор устами Квача заявляет: «о китаянке это она так, по глупости сболтнула». Теперь автор уже знает, что это был намек, и намек, содержащий нужную мысль.

Не вполне понятная, своеобразная фантазия была у В. Н. Т. (Евпатория) сравнить Безра и Квача с известными в Крыму скалами Дива и Монах. — Добросовестный и усердный участник Систематического Конкурса И. М. (Москва) упорен со своим эсперанто и заставляет Квача, конечно, на этом языке,

объяснить автору тайну Безза. Любопытно окончание рассказа. Через месяц автор и Безза посетили ЗАГС, а через год около колыбели сына они читали первую печатную драму Безза. Автор, однако, умолчал: была ли пьеса на русском языке или тоже на... эсперанто. — Б. К. В. (Харьков) дал в лирических тонах правильное, литературное окончание, но чересчур длинное. — Не плохо решение А. М. В. (Уфа), подметившего, что Квач был тенью Безза и потому, что сам не вполне отчетливо выговаривал некоторые слова. — Такое же решение у П. И. Р. (Киев). — Правильны, не сухо написаны главы О. А. С. и В. М. — У Иппы С. хорошие мысли, психологически подмечено, что для Безза необходимо общество Квача не потому, что у него спецставка, что у Безза есть подчиняющая сила, властные инстинкты, а работа подорвана тем, что Безза сама себя провозглашает гением, являющимся тысячелетиями, чтобы завоевать вселенную. Еще хуже, что автор посылает Безза в клуб, на заводы, в суд. Спрашивается: что она там может делать? — Возможно решение Н. И. О. (Одесса): Квач погиб от землетрясения, автор полюбил Безза. — Гладко написал свою главу Н. В. П. (Бобруйск). — В работе П. П. Л. (Ленинград) есть коренная ошибка: он не понял недостатка Безза, но общие мысли у него хорошие и сравнения оригинальные. Чувствуется, что автор, заводский рабочий, находит в труде удовлетворение.

Мы не можем отметить все решения, они мало отличаются друг от друга и, в конце концов, для финала безразлично, погибла ли Безза от землетрясения, уехала ли и оставила прощальное письмо, раскрывающее тайну, или написала букву «р» на песке. Эта подробность не меняет сущности заключения.

Есть несколько глав, в которых короткие фразы выявляют отношение автора к главному персонажу. Так, С. Т. (Воскресенск) замечает: «Смешно стало на минуту, а потом жалко бедняжку»; А. Ф. К-Г (Ленинград) решает, что автор ушел и рассмеялся, а был влюблен и даже объяснился. Безза по-детски всхлипнула и убежала, а затем уехала; О. А. Т. (Краснодар) заставляет Безза сказать: «землетрясение, мне страшно», — а потом заканчивает: «бедняжка, что-же ждет ее в будущем». Все эти и подобные вставки и восклицания допустимы, возможны, но они являются примитивными формами лирики и им нужно предпочесть проникнутое лиризмом описание событий. Вот у А. М. В. (Уфа) написана именно лирически картина природы, а психологически верно подмечена параллель Безза и Квача. — Н. Н. А. (Шлиссельбург) делает предложение написать пьесу специально для Безза, потому что «кто знает, сколько новых возможностей сумеет дать искусству эта женщина»... В виде опыта также написал без «р» свое окончание. Так то оно так, но о серьезной пьесе без «р» вряд ли можно серьезно говорить.

В работе Л. Ф. С., как мы уже упомянули, дается Безза совет стать писательницей, но мимоходом затрагивается и любопытный вопрос о преимуществах одного вида славы над другим. Отчет наш затянулся и без того, но нельзя хотя бы также вскользь не ответить. Чья в самом деле слава больше: артиста или автора книги? Мы думаем, что она равна. Актер зажигает толпу, возбуждает величайшие эмоции, сконцентрированные на ограниченном пространстве в ограниченное время. Он получает сразу, в один вечер, всю сумму восторгов, проявленную в бурном, сгущенном виде. Автор книги получает столько же в общем итоге, но на протяжении десятилетий и отдельными вспышками, менее яркими, но зато быть может более глубокими чувствованиями читателей. Не является исключением и художник, картина которого переживает века и в века проносит славное имя. На эту тему можно написать целый философский трактат...

Заканчивая обзор, отметим, что много заключительных глав написано совершенно правильно, как и весь рассказ, без буквы «р». Г. Б. А. (Сева-

стополю) наоборот умышленно подобрал в окончании все слова с буквой «р», а О. А. П. (Москва) попыталась утешить Безза, заставив автора написать ей письмо, в котором нет четверти алфавита (р, с, т, у, ф, х, ц, ч). Это забавная шутка, конечно, и она не вполне удалась автору.

Р. С. Небывалое количество заключительных глав прислано к конкурсному рассказу «История с червонцами»: поступило 258 рукописей. В. Б.

По присуждению Редакции, премия в 50 р. на конкурсе № 12 Систематического Литературного Конкурса 1928 г. делится в равной доле между двумя авторами, приславшими заключительные главы в двух различных планах.

25 руб. получает Тина Бернардовна КОЛОКОЛЬЦОВА, (Ростов-на-Дону)

25 руб. получает Ольга Емельяновна ЧЕРНЯЕВА, (Кзыл-Орда КССР, сотрудница газет «Советская Степь» и «Ленинская Смена»).

СВЕРХ ТОГО РЕДАКЦИЯ НАЗНАЧАЕТ ДВЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРЕМИИ:

А. А. КОЛОСОВУ (Москва)—полное собрание сочинений Мольера в художественном издании и в таких же переплетах.

Д-ру Г. А. ЛАСКАРАТОС (Таганрог) за красивую, исполненную мягкого лиризма главу—полное собрание сочинений Байрона в художественном издании и переплетах.

== „БЕЗЭА“ ==

Заключительная глава.

Вариант 1-й.

Выяснить «песчинку» Безза стало для меня чуть ли не целью жизни. Я так увлекся этой загадкой, что постоянно упивался около молодой женщины, вызывая ехидное зубоскальство Квача.

Мой отпуск кончался. Оставалась одна неделя до отъезда. И как на зло начались дожди. Солнца — ни лучика! Дачники повесили носы, и все кисло от скуки. Но вот с чиха то уст светело: Спектакль!

Чудесная идея! Все ожили. Но ненадолго... Где взять такую пьесу, чтобы ни одна дама не была обойдена?.. Невыполнимая задача... Но всем хотелось повеселиться (главное, блеснуть талантами и туалетами)... Столковались: сойтись по домашнему — попеть, почитать — ну, немножко музыки, а потом — неизбежные танцы.

Столовая, освобожденная от столов и буфета, с увешанными зеленою стенами — выглядела не очень плохо. Наспех сколоченные подмостки обтянуты цветистым ситцем. У подмосток — пианино. У пианино — музыкальный молодой человек. Все честь — честью. Я нашел себе местечко у самой «сцены». Хотелось насладиться богатой мимикой Безза, тонкими нюансами ее волнующего голоса... «Зал» был набит битком. Сошлись почти все дачники, обалдевшие от зеленой скуки.

И началось. Пели пышные дамы в однопочку и дуэтом. Кто-то отщелкала чечотку... Кто-то читал Маяковского...

Наконец появилась Безза. В своем белом,

блестящем, как иней платье, она была ослепительна.

Пианист коснулся пальцами клавишей... И как вздымающиеся и вновь опадающие волны, нас подхватили и куда-то понес «Июнь» Чайковского...

А голос Безза сливался с песнью волн и властвовал над нею...

«С печалью нежной на тебя гляжу,
Ты для меня — как близкая могилка,
Мне хочется нести к тебе цветы,
Те юные, душистые цветы,
Что ты всегда любила»...

Что это?! Лицо, плечи, белоснежное платье Безза — все залилось алым отсветом. Пять окон зала полыхали зловещим пламенем. И вслед публике, в панике теснящейся к выходу, с подмосток несли дикий вопль Безза:

— Голим! Голим! Смотрите — там все загорелось!

— «Песчинка!» — мелькнуло у меня в голове... Вскочив на подмостки, я схватил Безза за плечи:

— Замолчите!

Она впилась в меня безумными глазами. Потом, побелев, как мел, пошатнулась... я подхватил ее и понес в ее комнату. Сдав бедняжку служанке, я побежал узнать, в чем дело. Визгу ко мне канулись смущенные молодые человеки.

— Что с нашей звездочкой? Она испугалась? А мы то хотели услужить... эффект этаким, световой... Бенгальский огонь велели зажечь на балконе, как только она начнет читать...

— Да, бывают услуги... — вежливо на-
мекнул я и поспешил к Безра.

Она уже сидела на диване и тыкала в
опухший носик пуховкой. Увидя меня, за-
шипела:

— Довольны? Выследили таки? И тоже
будете издеваться... — За моей спиной по-
слышалось знакомое хихиканье.

— Что, волонушка? Калкнула таки? Сыз
выпал... Хе-хе-хе...

— Уйди!

— Эх, волона, волона! А хочешь, я скажу
ему твою фамилию, имя и отчество?

— Не смей, гадина! Я сама скажу!

И мужественно отчеканила:

— Валвала Глигольевна Тлоекулова!

Это было так комично, что забыв пе-
чальную обстановку, я захохотал, как маль-
чишка...

— И вы тоже! — печально сказала Безра.

— И ты, Блут! — подхватил Квач.

— Не обижайтесь! — взмолился я, — ну,
хотите — целую неделю буду болтать с вами
без этой несчастной буквы? Но какая же
вы молодчина! Какая сила воли! Какая
неуспынная слежка за собой! И с такой
силой, да не вылезтишься!

— Вылезаться можно от чего угодно. Но
где взять то, чего нет? «Из ничего не бу-
дет ничего»...

— Это слова колола Лила, — напыщенно
попытался Квач.

— Шут! — Безра невольно засмеялась и
сейчас же опять заплакала, уткнувшись
носиком в подушку.

Квач мешком шлепнулся на пол и стал
нежно гладить Безра по плечу.

— Пойдешь в кино, китаяночка? Иди,
глупышка! Неужто так и погибнуть таланту?

Я, считая себя лишним, выскользнул из
комнаты... Но до меня успела долететь
слабая, как вздох, мольба:

— Квач, похудей...

Т. Колокольцова.

Вариант 2-й.

Тени голубели под утесами. Тишина и
зной плыли над шелковой пеленой шалов-
ливых мелких волн.

Мы замолчали. Квач монотонно всхли-
пывал.

Внезапно тяжкий гул всплыл откуда то
снизу, словно с исподу шлепнуло о земную
пленку исполненным комлем. Ласковые
волны взвились пенными великанами, и
скалы ахнули и, сблизившись каменным по-
том — каплями щебня — осели назад, как
вспугнутые лошади. Даже Квач всполо-
шился, отлип от облюбованного ложа и
тяжко вдавил массивы ступней в теплый и
влажный песок.

Безра дико взвизгнула и метнулась от
скалы.

— Земля-тхя... тхя... тхя...

Нелепый всхлипывающий клекот глухо
кипел на ее губах... Словно колючий клубок
безжалостно душил хилый и бледный звук.

Я понял.

Подземный гул откатился куда то вглубь.

Волны бессильно зашипели и снова лести-
выми слугами легли у наших ног.

Квач оглушительно хохотал. Казалось —
лопнет желтый мешок костюма и необъят-
ный живот выплеснется на щебенку саль-
ным и жирным киселем.

Безра, сжав кулачки, пунцовела. Пламен-
ным стыдом алели лицо ее, уши, шея. Не-
навистью колола ее глаза хлюпающую тушу.

— Негодяй! — шелестела она. — О-о-о!
подлец...

А Квач булькал, надсадно всхлипывая:

— Э-э-э! Земля-тхя... тхя... Позволь позна-
комить... полностью так сказать... Бех-та
За-ха-хов-на Ах-ская... Бе-э-А, так сказать...

Девушка хотела что то выкликнуть, пы-
талась ядом слова залить издевательский
хохот Квача. Но невидимая петля сдвинула,
захлестнула тонкую шею... Безра выдохнула
какой то смятый звук, молниеносно взмет-
нулась и исчезла за скалой.

— Квач, нелепая ты, безжалостная ско-
тина! — пинал я глухо стонущую в кон-
вульсиях хохота тушу. — Объясни мне
только одно...

— Вот она, песчинка-то недостающая... —
не слухая, булькал Квач свое. — Вот тебе
и ошибка художника, так сказать. Потому
то мы и имячко свое не выносим, и на
чужих пьесах в лужу садились... Ведь пи-
сатели то не учитывали нашего дефектика.
Это тебе не монологи собственного сочи-
нения. Лукавая бабенка! — ухмылялся Квач.
Как она насчет китаянки то? Сожалею,
мож... Еще бы. Дефектик наш там сканда-
лов не вызовет, — все ведь «Яло» да «Хао»,
и без песчинки сойдет!

— Объясни мне, — настаивал я, — за что
она тебя то не выносит?

Квач уже потухал и мямлил без недав-
него оживления:

— Она и тебя возненавидела с послед-
ней минуты, будь спокоен. Ты ведь свиде-
телем ее «ошибочки» был сейчас. Ну, и я
не знал, так же вот, случаем всплыло. Толь-
ко тут «земля-тхя-тхя», а там «кхы-кхы-са»
виновата! Испугалась кхы-сы, и все дя-
вольское самообладание слетело. Ну, а я
подшучивал малость — каюс! Даже с людь-
ми объясняться по ее методу начал. А она
фону напустила, «тень» какую-то выдумала,
глупышка! — и до свидания!..

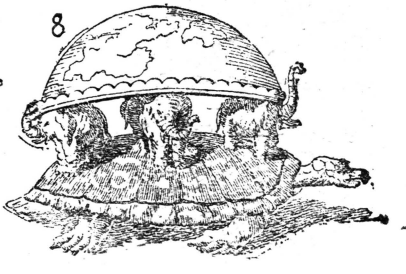
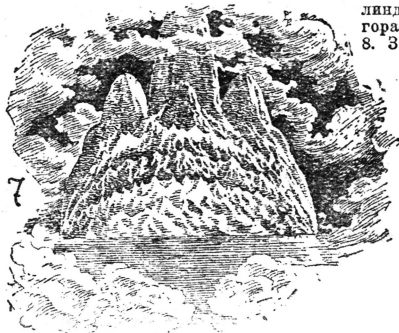
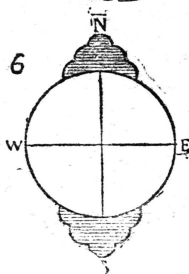
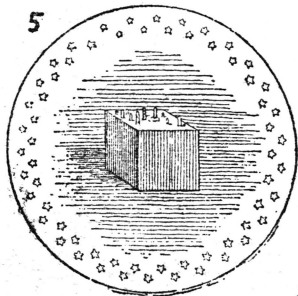
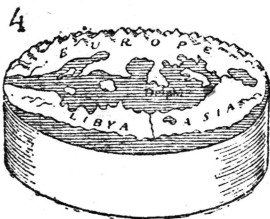
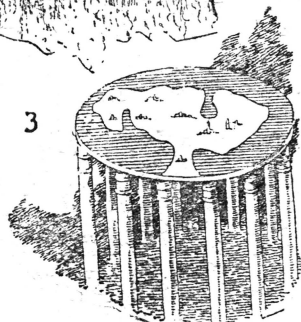
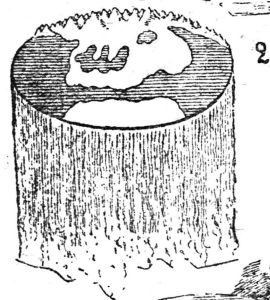
— Хотя оно и к лучшему — закончил
Квач. — Тяжел я стал, батенька, для сце-
нического самолюбия недоделанных тала-
тов и дамских жалоб на судьбу-обманщицу...
Мне бы поспать еще!

Я не мешал Квачу снова уплыть в лени-
вую бездумность сна. Под беснечное поса-
пыванье нелепого мужа милой и жалкой
Безры я думал о печальной ошибке вели-
кого художника жизни. Малюсенькая оп-
лошность в сложении языка или челюстных
костей — и музыка слова становится смес-
ным шумом, смяты взлеты большого чело-
веческого таланта.

Маленькая песчинка, темная тень в столбе-
це алфавита, фатальное для пленительной
бедной Безры «Р».

О. Е. Черняева.

КАКОЙ ФОР

Недавно в иностранных журналах опубликовано сенсационное и курьезное открытие американца Кореша, что наша Земля имеет форму яйца и что жизнь проявляется на внутренней поверхности скорлупы этого яйца. Кореш выставил и доказательства, основывающиеся на измерениях. А мы, ведь, учили, что Земля круглая и также должны были приводить доказательства этого.

Но эти доказательства, в сущности, только более или менее основательные догадки, и мы получим точное представление о настоящей форме Земли лишь тогда, когда будем иметь возможность видеть Землю издали, с воздушного корабля — ракеты. До тех пор нам приходится основываться на измерениях, которые зависят от точности измерительных приборов. Эти приборы обычно подвержены влиянию колебаний температуры, так что несколько самых точных измерений одного и того же пространства могут разниться друг от друга. Только изобретение независимого от температуры материала для приборов сделало возможным точное измерение Земли. Вывод получился тот, что наша Земля представляет собою геоид. Но если спросить, что же такое геоид, получишь ответ, что это тело в форме Земли.

Так какова же форма Земли?

Над этим вопросом жители Земли давно уже ломают себе голову. Самым примитивным представлением о форме Земли является большая, круглая поверхность, на которую опирается небесный свод. Позднее, когда человек научился плавать по морям, пришли к заключению, что Земля плавает в океане, границы которого недостижимы. Недалеко отсюда представление о Земле, как о круглой плоскости, поддерживаемой корнями, уходящими вглубь.

Представляли себе Землю и как круглую поверхность, поддерживаемую столбами. Когда же спрашивали, на что опираются эти столбы, святая простота отвечала, что их поддерживает людская добродетель. Земля должна была провалиться, если восторжествует порок.

Анаксимандр, грек, живший в шестом веке до нашего летоисчисления, учил, что Земля имеет форму цилиндра, диаметр которого вдвое больше его высоты. Этот цилиндр парит посреди небесного свода. По мнению Анаксимандра обитаема только верхняя поверхность цилиндра, в северной части его находится Европа, в южной — Ливия и Азия.

Немного позднее Платон развивает свою теорию о кубической форме Земли. Только законченная форма куба с его шестью плоскостями достойна, по его мнению, чтобы на ней обитало почтенное человечество.

На востоке раньше, чем на западе, появилось представление о сферической форме Земли. Но к этой сфере прибавляли еще на севере и на юге огромные горные вершины. Тут выступает идея о мощном столбе, земной оси, которая держит Землю стоймя. Мы находим уже здесь представление о полушариях, из которых северное превосходит южное. Этот шар поднялся из океана и закончился огромной горной вершиной, подпиравшей небо и образовавшей связь с жилищем богов. Противоположная горная вершина на южном полушарии вела к жилищу злых духов. Эту «гору Земли» на северном полюсе мы находим еще раньше у индусов. И тут она образует ось Земли, ось, на которую опирается небесный свод и вокруг которой кружатся созвездия.

По позднейшему представлению индусов, а также и халдеев,

1. Земля плавает в океане, границы которого недостижимы. — 2. Земля с корнями. — 3. Земля на столбах. — 4. Земля, как цилиндр. — 5. Земля Платона в виде куба. — 6. Земля с горами на каждом полюсе. — 7. Земля индусов. — 8. Земля индусов в виде чаши.

МЫ ЗЕМЛЯ?

Земля имеет форму большой чаши. По представлению индусов, чаша эта опиралась на четырех слонов, воплощавших четыре элемента или четыре ветра. Слоны стояли на черепахе, эмблеме силы, выносливости, терпения и вечности.

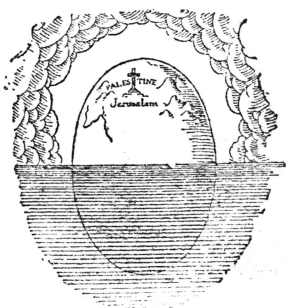
Земля в форме яйца тоже одно из древнейших представлений. Это яйцо то изображают в стоячем положении, то в наклонном. Эрдизи, арабский географ одиннадцатого столетия, представлял себе это яйцо, плавающим в воде. Неисследованная часть Земли находилась под водой. Достопочтенный Беде объясняет это изображение следующим образом:

— Земля — элемент, находящийся в средней части мира, подобно желтку яйца. Вокруг Земли вода подобно яичному белку, следующая оболочка — воздух, а кругом огонь, соответствующий скорлупе. Океан, окружающий Землю до самого горизонта, делит Землю на две половины. На верхней половине обитаем мы, на нижней — антиподы. Никто из них не может прийти к нам так же, как и мы к ним. — Птоломей во втором столетии изобразил Землю в виде томата. Полосы помещаются на расплюснутых плоскостях. Отсюда развила Анпан свою идею о сердцевидной Земле. Он опирался на очень распространенное в средние века представление, что Земля — сердце бога. Эта Земля в форме сердца напоминает отчасти представление Колумба о Земле, как это можно судить по его письмам. Старый мир, откуда он предпринял свое путешествие, был совершенной шарообразной формы, новый мир, который он обошел на корабле, поднимался, по его мнению, на экваторе, образуя огромную гору. «Гора Земли», таким образом, пропутешествовала с севера на запад. Колумб сравнивал Землю с почти круглой грушей. Земля Данте, на сто лет раньше, также увенчивалась «горой Земли», где, по его представлению, находилось чистилище. Гора Данте была на тридцать градусов ниже экватора.

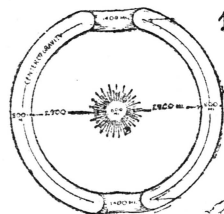
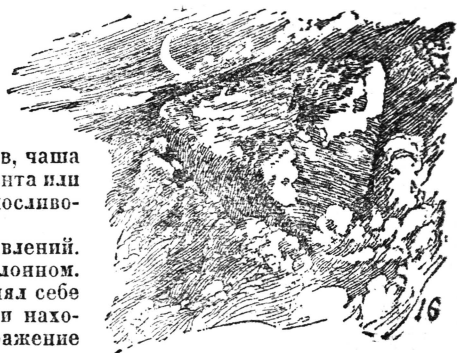
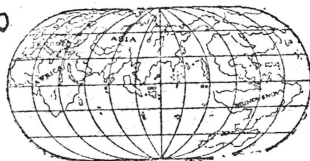
Около 1819 г. капитан Джон Кляве Симмес впервые выражает начатки идеи о концентрических сферах. В 1824 г. он обращается к Конгрессу Соединенных Штатов с ходатайством, чтобы в его распоряжение дали два корабля, с которыми он мог бы достигнуть внутренних частей Земли. По его теории все небесные тела, как и Земля, образуются из концентрических сфер, открытых на полюсах. Сферы отделены друг от друга упругой атмосферой. Земля образована по крайней мере из пяти сфер, которые обитаемы как на внешней, так и на внутренней поверхности. Отверстия на полюсах должны иметь в диаметре много тысяч миль. Как ни абсурдным кажется такое представление, но оно снова возникает, и уже в 1913 г. некий Гарднер написал книгу «Путешествие внутрь Земли». На этот раз здесь была всего одна сфера, зато она имела в центре собственное солнце, как центр притяжения, так как иначе нельзя было бы объяснить распределение суши и воды внутри полого тела.

Землю представляли себе и в виде пирамиды, то есть тетраэдра. Это была мысль английского геолога Грина в 1875 г. Моро в своей астрономии говорит, что от этой мысли не следует отмахиваться. Во всяком случае она совпадает с неравенством радиусов на полюсах и объясняет некоторые явления в астрономии лучше, чем при представлении, что Земля имеет вид вращающегося сферического тела.

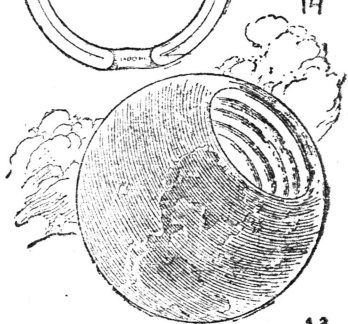
Так какова же форма Земли? Наука отвечает: Земля имеет форму геоида. А что такое геоид? Тело в форме Земли. А тело в форме Земли ничто иное, как геоид. Вот мы и узнали!

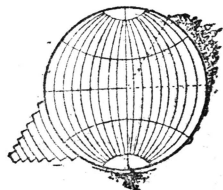
10

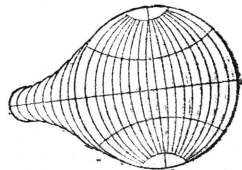
15

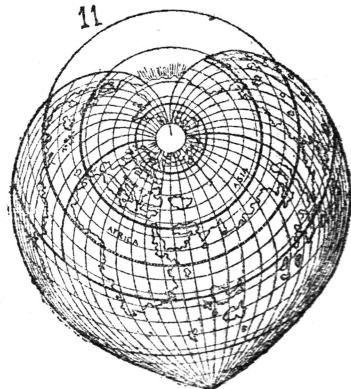
14

13

12

11

9 Земля в виде яйца.—10. Земля Птолемея в форме томата.—11. Сердцевидная земля.—12. Земля по Колумбу.—13. Земля по Данте.—14. Земля с пятью концентрическими сферами.—15. Земля по Гарднеру: полый шар.—16. Земля по Грину: тетраэдр.

ПРАЗДНИК Н'БОНГА

ИЗ АФРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ

Рассказ Р. ГОМЕЦ-де-ла СЕРНА

Иллюстрации О. ЛИННЕКОГЕЛЯ

Существовала связь, крепко соединявшая членов племени Мотомбоз: племя это обладало красивейшей девушкой в тех местах.

Когда Лума, стоя на коленях на земле, вертела примитивную ручную мельницу, можно было на всех углах видеть черные головы, любовавшиеся гордым, юношески свежим и законченным по формам телом девушки. Часто приходили чужие, только чтобы взглянуть на Луму, когда она растирала зерна маиса или выжимала масло. Старики племени, устало лежавшие на циновках и курившие трубки, смотрели на Луму, как на чудесное сновидение, и даже дети старались держаться поближе к ней, благоговейно восхищаясь ею и чувствовали себя счастливыми, когда их ласкала рука Лумы.

Одно присутствие Лумы облагораживало грубые нравы, взгляд ее глаз делал больше, чем страх перед жестокими наказаниями племени. Но с тех пор, как Лума почти неожиданно расцвела в женщину, ей часто приходилось защищаться, потому что мужчины, забывая все, как хищники подстерегали и окружали драгоценную добычу. Часто сердца раскалялись до того, что соперники в слепой ревности набрасывались друг на друга с кинжалом, с дубиной, даже просто пускали в ход ногти и зубы и убивали друг друга.

Приближался праздник Н'бонга, праздник брака, называвшийся также праздником Скура или Красного цвета, потому что в этот день ставшую совершеннолетней девушку покрывали красной мазью. Потом девушку выпускали, и за ней гнались мужчины, желавшие жениться на ней.

Время совершеннолетия Лумы приближалось, и ее поэтому нужно было выдать замуж.

Ее тело, цвета черного дерева, становилось все блестящее и совершеннее, и близкое решение приводило холостых мужчин племени в волнение. Все они готовились к состязанию. Но чем больше приближался день, тем спокойнее, по крайней мере внешне, становились кандидаты на ее руку. Каждый строил планы, каждый расставлял сопернику ловушки, один интриговал против другого, каждый пытался обмануть товарища.

Так как быстрота ног должна была быть главным приемом в состязании на руку Лумы, все женихи упражнялись в беге и в прыжках. Они приносили божкам обильные жертвы, и тем еще никогда не жилось

так хорошо, как в это критическое время. Тот или иной из глубоко верующих с нетерпением ждал какого-нибудь знака их милости, но боги, повидимому, желали сохранить нейтралитет.

Лума на все это отвечала молчанием и делала вид, что это ее совершенно не касается. Она спокойно продолжала выжимать масло, очищать маис и вертела свою ручную мельницу.

Подруги подарили ей ожерелье, составленное из кусочков кожи, которые девушки ради красоты давали у себя отрезать. Такое ожерелье девушка носила в течение последнего месяца до брака. Лума надела этот символ, не выдавая себя ни одним движением, не пролив ни одной слезы, как это обычно делали девушки, со страхом видевшие в этом знаке приближение супружеского ярма.

Устремив взгляд на горизонт, Лума считывала, сколько раз солнце встанет и зайдет до праздника Н'бонга и мысленно взвешивала предложения, которые делали ей женихи. Больше всего она склонялась на маленькое карманное зеркальце, которое так чудесно сверкало на солнце. Владельцем этого зеркальца был Тогбо. Он как-то показал ей его со всеми предосторожностями и в величайшей тайне.

Она была поражена и как зачарованная все думала об этом чудо-стекле, которое может отражать лицо каждого таким, какое оно в жизни. Она не уставала любоваться в него сама на себя.

Тогбо выменял это зеркальце, как талисман, у одного торговца слоновой костью, который проезжал по временам через деревню.

Праздник совершеннолетия Лумы начался. Женихи трепетали от волнения. Соперники готовились к состязанию.

Бурумунда слонялся целый день, как лунатик, и от времени от времени пробовал делать какие-то особенные прыжки, цель которых была известна только ему. Он теперь больше, чем когда-либо, стыдился своих отвислых грудей, которые часто вызывали насмешки его сверстников, потому что он из-за них был похож на женщину, и притом на далеко не красивую. Он всегда притворялся, что презирает девушек, бегавших раскрашенными в красный цвет, чтобы получить мужа. Как часто некрасивые люди гордятся собой, так и он: — остальные девушки были для него недостаточно хороши, ему нужна была непременно Лума. Само-

довольный, как павлин, он все время себя осматривал и с нетерпением ждал мгновения, когда начнется преследование.

Баудири спокойно покуривал трубку, в полной уверенности, что победит он.

И Али также не выказывал нетерпения и спокойно ждал событий. У него в руках были верные козыри, — три жемчужины, благодаря которым он получил многообещающее заверение Лумы:

— Когда я тебя увижу, я побегу к тебе, — сказала она ему.

Более точно не договаривались, но он был счастлив и гордо хранил великую тайну, высоко неся голову. Жемчужины он зашил в свое единственное платье — передник стыдливости — и часто тревожно хватался за него, чтобы убедиться, что жемчужины еще тут.

Лума, действительно, серьезно смотрела на Али, по-

тому что три крупные жемчужины имели большую ценность в племени Мотомбоз.

Одори — был щеголь племени. Чтобы покорить Луму, он прибегнул к франтовству. Он надел свой воскресный наряд. Чем менее культурен народ, тем он больше цены придает воскресному наряду. У Мотомбозов он состоял из передника стыдливости, который, благодаря бахrome, был длиннее каждогодневного. К этому предмету одежды Одори надел еще на шею воротничек, напялил на голову шляпу, которую когда-то нашел на опушке леса и берег, как состояние. Здание цивилизации он увенчал еще палочкой и величественно расхаживал расфранченный, как дэнди, но с обнаженными остальными частями тела.

Но его гордость и уверенность в себе сильно понизились, когда на сцену выступил Майпу. Его преимущества поразили всех: он был выкрашен под европейца. Вот он стоял с вы-

крашенными в белый цвет лицом и шеей, с еще более жестоким выражением лица, чем тогда, когда он был в собственной черной коже. Но как бы то ни было, он был белолицый и радостно скалил свои желтые зубы,

Старые женщины, давшие уже жизнь двум поколениям, натерли Луму красной мазью, жгущей тело.

которые забыл выкрасить. Он считал себя превыше всех, как белый колонист, за которого сам принимал себя теперь.

Остальные были совершенно смущены, поланы и чувствовали себя побежденными его превращением. Они боялись, что белое лицо среди черных лиц единоплеменников так очарует Луму, что она побежит ему навстречу.

Баудири, самый энергичный из всех, который просто сказал себе: — «я хочу», первый овладел собой и решил избавиться от серьезного соперника, если во время преследования пути их скрестятся.

Лума встала после беспокойного сна. Она дрожала от страха и стыда перед наступающим. Она уже не будет больше самой собой, не будет больше принадлежать самой себе.

Но она испытала утешение, когда вспомнила, что лес густой и темный, и она может в нем скрыться. Она автоматически последовала за двумя женщинами, которые пришли за ней. Скурангосы, старые женщины, давшие жизнь уже двум поколениям, приняли ее и потерли красной мазью. Краска высыхала быстро и образовала на всем теле красную корку, которая жгла так сильно, точно кожу покрывал горячий перед.

Испытывая мучение и стыд, Лума убежала, едва только процедура окончилась. Она бежала прямо через поля к лесу с быстротой оленя, который после нападения пытается первыми большими скачками сделать возможно большим расстояние между собой и собаками; она бежала с быстротой, на которую никогда не считала себя способной, как безумная, точно чувствуя за собой по пятам преследователей.

Скурангосы улыбались при виде этого буйного бегства. Они, ведь, тоже испытали это когда-то.

Девушка скрылась в лесной чаще.

Теперь на краю деревни появились полные нетерпения мужчины, с взволнованными движениями, готовые, как дикие звери, броситься в погоню за своей добычей. Но они еще не смели начинать преследования. Было точно высчитано, насколько должна была убежать вперед выкрашенная в красный цвет девушка. Мужчины должны были ждать. За ними стоял, как грозный бог, превышавший всех ростом, в гордой позе, с мрачным взглядом, с копьём в руке отец Лумы, Кадонго, и горе тому, кто слишком рано дерзнул бы начать преследование.

Лума бежала и бежала. Полная страха, что ее догонят, она бежала и бежала... Она хотела, чтобы между нею и преследователями образовалось такое расстояние, чтобы ее никто не мог догнать.

Возмущенная, в эти минуты бегства она испытывала унижительное чувство: стать добычей мужчины! Горячее, чем когда-либо, желала она остаться гордой, непобежденной, былой Лумой... Она бежала и бежала. Спаслись от того, что ей угрожает...

Пот катился по ее телу и местами стирал краску, ветви во время безумного бега

срывали с ее пояса раковины. Она убьет всякого из преследователей, кто посмеет к ней подойти слишком близко... Но она была безоружна и беззащитна.

Сквозь темноту она увидела луч света, становилось все светлее, и Лума вдруг очутилась среди открытой равнины. Она испугалась и снова торопливо скрылась под защиту лесного мрака.

Она снова мчалась, но в своем страхе потеряла направление и, выбившись из сил, опустилась под группой пальм. Тут она присела, чтобы успокоить сильно бьющееся сердце и лихорадочно стучащие виски.

Она видела вокруг целое поле больших, пламеннокрасных грибов, которые ослепляли ее и от запаха которых у нее закружилась голова. Она закрыла глаза. Красные грибы стали ей казаться множеством выкрашенных в красный цвет девушек, бегущих от погоня...

Свора была теперь спущена и мчалась по различным тропам за спасающейся от нее дичью. Каждый из преследователей направился по собственному, тщательно обдуманному плану.

Бурумундо спрятал на краю деревни ходун. Он залез теперь на них, чтобы делать большие шаги и чтобы ему легче было заглядывать через все неровности местности. Он бежал, широко шагал, впереди всех.

Али, ловец жемчуга, выпросил замужних женщин про их бегство, когда они были выкрашенными в красный цвет девушками. После того, как он установил, что большинство скрывались в уединенном Нгазири компо, «Божественном покое», хитрый Али принялся за дело. Тайно, в поте лица он вырыл там яму, какие делаются для ловли львов.

Во время бегства в Нгазири компо Лума должна была пробегать над этой ямой, провалиться в нее, и тогда прекраснейшая девушка упадет к нему в объятия, как зрелый плод. Он воровски радовался при мысли о глупых лицах соперников, когда после победы они узнают его военную хитрость.

Тогда бежал неутомимо, углубляясь в лес. Он горел нетерпением найти след. По временам он останавливался и прислушивался, не покажется ли Лума и не позовет ли его.

Большими прыжками бежал и Майну, белый колонист. Он уже не доверял теперь всецело своему белому лицу и тем неутомимее гнался его вперед его чернокожие инстинкты. Чудная белая краска потекла, так что он стал походить на серый мрамор с белыми прожилками. Но Майну не замечал этого и продолжал считать себя неотразимым.

Баудири следовал своему тонкому чутью и думал, что все время находится в соприкосновении с Лумой. Ему казалось, что в самом легком дуновении ветерка к нему доносится нежный аромат ее волос. Он обыскивал густой кустарник, переворачивал гигантские листья деревьев и ощупывал свисавшие ветви. Он верил в себя и не сомневался, что она его позовет, если увидит.

День склонялся к вечеру. Большинство заблудилось в обширной области Н'горо ханга, «Царстве голода», Беспокойство томило всех, как черная туча. Они считали партию уже сомнительной, многие думали, что она проиграна и боялись, что Лума уже вошла в деревню под руку с супругом.

Али все еще сидел в своем глубоком тайнике. Терпеливо сидел, уверенный, что Лума появится. Он не мог определить часа, потому что густые ветви, которыми он прикрыл сверху яму, оставляли внутренность ямы в полном мраке. Он не знал, что мрак в это время наступил уже в действительности. Он в восторге ждал, когда боготворимая, гордая Лума упадет в его любящие объятия, как дар небес.

Вдруг он услышал наверху какой-то шум. Али вскочил, как наэлектризованный и страстно протянул к Луме руку. Свод из сучьев провалился под тяжестью мягкого, тяжелого тела.

— Лума! — крикнул Али, обнимая в экстазе падающее тело. Но вместо гладкой кожи он обхватил лохматую, мускулистую массу, тяжесть которой бросила его на землю. Вместо любовного шопота раздалось угрожающее, злобное рычание, от которого застыла кровь в жилах Али. Вместо ожидаемой ласки, сильная лапа нанесла ему в грудь смертельную рану. Разозленная львица наносила ужасные удары своему товарищу по узкому брачному покою, и жаждавший любви Али чувствовал, как под ее дикими прыжками и ужасными ласками уходила его жизнь.

Хитрее других, обращавшихся за помощью к богам, оказался Баудири, просивший помощи у демонов. На круглой полянке в лесу стояло деревянное изображение Маона Со-

— Баудири! Баудири! — кричала перепуганная девушка.

нигуз, великого демона. К его ногам слагал Баудири свои жертвоприношения. Потом, бормоча заклинания, он четырнадцать раз обошел фигуру демона, и после четвертого, седьмого, одиннадцатого и четырнадцатого круга закапывал в землю сверкающую жемчужину.

Маон Сонигуз приветливо улыбнулся, как беззубая, старая женщина, когда Баудири принес ему в жертву подарки и, скаля зубы, указал на тропинку, по которой направились Лума. Она должна была уже очень устать и обессилить. Это Баудири мог прочесть на лице великого Маона.

Лума снова пришла в себя и сидела во мраке под священным деревом, на стволе и ветвях которого висели фетиши, резная слоновая кость и другие дары благочестия.

Лунный свет, проникавший через листву, призрачно освещал лес.

Лума выбилась из сил и ей было страшно здесь одной, среди демонов и духов, и у нее не было ее коня, чтобы защититься от львов и шакалов. Каждый шорох заставлял ее вздрагивать и бояться нападения, а наступившая затем тишина наводила на нее ужас. Лунный свет ткал во мраке бледные пугающие очертания, и они угрожали ей. Она уже не думала больше о том, что загнало ее сюда. Теперь она всем своим существом стремилась к человеку, который спас бы ее от этих мук, защитил бы, снова дал бы ей покой и довел до дому.

Так сидела она, сама не зная, как долго, в страхе и ужасе. Вдруг затрещали сухие ветви, точно в чаще пробирался дикий зверь. Лума в ужасе вскочила. Теперь ее участь была решена! С быстротой молнии пронеслись в ее голове события сегодняшнего дня — ее бегство от унижения. — и с такой же быстротой молнии надежда, что может быть один из ее преследователей находится вблизи, придет к ней на помощь, спасет ее от ужасной смерти. Баудири, да, смело сильный Баудири, не боявшийся львов, выходивший им навстречу и убивавший их копьём!

Чувство самосохранения, желание жить всныкнули в это мгновение со страшной силой, как пламя вулкана. Голосом, полным страха, в котором звучали все ее страдания, Лума громко закричала среди темного леса, точно в этом крике было все ее спасение!

— Баудири! Баудири!

И там, откуда раздавался пугающий ее шорох, вдруг раздвинулись кусты, показалась человеческая фигура, озаренная лунным светом. Баудири закричал сильным голосом:

— Лума! Лума!

И Лума побежала ему навстречу и ответила со всем пылом проснувшейся жажды жизни, ликуя и вкладывая всю свою душу в этот зов к своему спасителю:

— Баудири! Баудири!

Молча отправились они в обратный путь. Сильная рука Баудири обнимала Луму. Теперь он был ее муж и покровитель. Он резко свистел «Виии, Виии!», чтобы смогнуть с их пути злых духов и демонов.

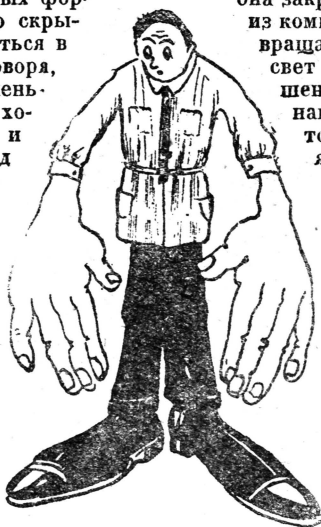
Гордый своей победой и своей прекрасной женой, вошел он с ней в деревню, где с ликованием встретили молодых супругов и проводили в празднично-разукрашенную хижину.

ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ.

МАЛЕНЬКИЕ БОЛЕЗНИ КУЛЬТУРЫ

Очерк д-ра В

Есть нервные заболевания — прямые результаты напряженности культурной жизни, и эти заболевания, обычно, вызывают только сочувствие. Но есть и другие, не особенно серьезные, и в таких забавных формах, что страдающие усердно скрывают недуг, чтобы не показаться в смешном виде. По правде говоря, почти все люди страдают маленькими нервными привычками, хорошо знакомыми докторам и классифицированными под длинными научными названиями. Некоторые, например, страдают нерешительностью. Человек никак не может решить, какой ногой ему сначала ступить, чтобы перешагнуть порог. Иной раз большой подобной болезнью доходит до того, что не может сдвинуться с места. Это уже сильная степень, но поразительно многие из нас страдают этой формой нервной болезни, (*folie de doute*) хотя бы слегка.

Далее мы, например, выходим из дому и захлопываем за собой дверь. Мы слышим, как щелкнула замка, но непременно должны обернуться, толкнуть дверь и убедиться, что она закрылась. Или тушим свет, уходя из комнаты, но мгновенно спускаемся, возвращаемся, чтобы убедиться, что свет потушен. Единственное утешение нам это то, что знакомые наши несомненно проделывают то же самое. Но здесь на лицо явные симптомы психотении.

Другое проявление легкого нервного расстройства состоит в том, что вы непременно должны дотронуться до того или иного предмета. Вы, например, должны тронуть каждый столб уличного фонаря или каждый третий столб. Или же должны наступить на определенный камень панели, или избегать таких-то и таких-то мест этой панели. Есть много разновидностей этих маленьких трюков и вы, вероятно,

не замечаете их, пока случайно не пропустите свое или камня. Тогда вы возвращаетесь, чтобы коснуться этих предметов. Но, быть может, у вас слабость совершенно другого рода и вы бессознательно проделываете фокусы с числами. Есть несчастные люди, которые непременно должны досчитать до такого-то числа прежде, чем предпримут что-нибудь.

У многих людей, лишенных всякого суеверия, никогда не интересовавшихся никакими гаданиями, есть, однако, странная привычка, усевшись на извозчика, непременно сложить сумму цифр номера его жестянки и разделить на 2, т. е. посмотреть, получится четное или нечетное число. Четное дает иногда хорошее настроение, а чаще всего не производит никакого впечатления, но странная процедура проделывается неукоснительно, каждый раз, с каким-то автоматизмом. И человек спокоен, точно сделал какое-то нужное, обязательное дело. У иных есть привычка производить такие же арифметические манипуляции с номерами трамвайных билетов. И любопытнее всего, что это проделывается без всякой цели, почти так же машинально, как иные играют спичечной коробкой. Некоторых людей никакие силы в мире не удержат от привычки непременно сосчитать каждое яблоко, которое они снимут с дерева, хотя это им вовсе не нужно.

Сплошь да рядом встречаются люди, которые, идя по улице, не могут не считать окон в домах и при этом число должно непременно получиться четное.

Надо заметить, что почти все знаменитые люди были в той или иной степени подвержены слабости фокусничать с цифрами. Наполеон, например, был бы теперь «звездой» среди пациентов какого-нибудь невропатолога. У него была сильно развита страсть возиться с числами, и он обычно говорил, что счастье покинуло его, когда он стал императором. Дело в том, что имя его, как корсиканца, было Буонапарте. Потом ему пришлось офрандузить это имя и получилось Бонапарте. Число букв, которыми он как-то манипулировал по собственному принципу, теперь изменилось и результаты исказились!

Реже встречается невроз, принимающий форму странного

ощущения отчужденности от окружающей действительности. Больному кажется, что между ним и остальным человечеством вдруг встала стеклянная стена. Чувство это продолжается какую-нибудь минуту, но оно в высшей степени неприятно.

Невроз принимает самые различные формы. Вы вдруг начинаете чувствовать, что у вас страшно выросли ноги и руки. Вы просто ощущаете, как они растут, и не можете себя убедить, что они остались такими же нормальными, как и у окружающих вас людей.

Часто встречаются нервные люди, не переносящие ощущения, что им затруднен выход из помещения. В театре, например, они во что бы то ни стало должны иметь место у прохода.

Даже в ресторане встречаешь людей, охотно ожидающих четверть часа, лишь бы не сесть за столик в углу. Но есть и такие, которые непременно забиваются в угол, потому что на них угнетающе действует открытое пространство. Посреди ресторана они чувствуют себя, как в огромной дикой пустыне.

Можно с уверенностью сказать, что один из десяти человек, встречающихся вам на улице, страдает какой-либо из форм этих неврозов.

Все эти маленькие человеческие слабости, конечно, имеют свои научные объяснения.

Ребенок, например, играет в саду, находит под деревом дыру, исследует ее, залезает в нее с головой и застревает. Его вытаскивают за ноги, и он скоро забывает про это происшествие. Но в подсознании его живет воспоминание о пережитом ужасе, и у человека средних лет развивается потребность сидеть в центре ресторана, а не в углу. Всякий угол дает впечатление тесноты и духоты. Другими словами, человек помнит страх, но забыла обстоятельство, вызвавшие этот страх.

В далекие дни детства няня не позволяла мальчику трогать фонарные столбы. Няня давно забыта, потребность же дотрагиваться до фонарных столбов осталась.

Некоторые люди совершенно не переносят «ощущения» земляники. Другие не могут дотронуться до бархата или шерстяных чулок.

Бывает, что человек действительно боится очутиться в одной комнате с кошкой. Другие не переносят канареек. А что сказать про людей, которые с трудом пересиливают себя, когда надо взяться за ручку двери?

Чаще встречается страх перед высотой. Но не думайте, что жертвы этого страха боятся упасть. Они боятся импульса, который заставит их броситься вниз. Последняя война увеличила число страдающих

не была бы видом, а представилась бы ревом. Очень поэтичен рассказ про слепого старика, которого спросили, как он себе представляет красный цвет. Он ответил, что дует этот ему кажется трубными звуками. В ответе этом не только поэзия, но и нечто от медицины.

Затем, многим из нас просто невыносимы некоторые мысли. Что такое бесконечность? Обычный человек отбрасывает эту мысль, как непосильную для его разума. Но есть люди, кото-

неврозам. Люди стали временно забывать писать, забывали говорить, не находили нужных слов. Такие формы неврозов встречались, конечно, и раньше, но не были так распространены. Если вы запомните что-нибудь, то вы это «видите» или «слышите» в вашей памяти. Другими словами, если телефон ваших знакомых 72, то вы либо видите эти цифры, написанные где-то у вас в голове, или вы прислушиваетесь к внутреннему голосу, повторяющему их. Подумайте над этим, и вы убедитесь, что с вами происходит либо одно, либо другое.

Есть люди, которые смешивают свои чувства. Они, например, видят в кинематографе картины в звуках. Ниагара для них

рымонамучительна. Они готовы кричать от обширности этой идеи. Для некоторых страдальцев необходимо всегда иметь наготове какую-то лазейку. Если что-нибудь случится, что тогда? Это опять-таки чувство боязни быть запертым в угол, которое осталось с детства.

Мы, конечно, далеко не перечислили всех разнообразных проявлений неврозов, свидетельствующих о тысячах маленьких слабостей воли к виду такого сильного культурного человека.

И что любопытнее всего! В большинстве случаев для таких больных вовсе не нужна медицинская помощь. Им нужно только сказать себе: «я хочу» и однажды поступить наперекор внутреннему голосу боязни, нерешительности.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

НЕ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ РАССКАЗЫ:

„Скука и тигр“. — „Поворот отмычки“. — „Жуткая драма“. — „О, как ликует весна“. — „У костра“. — „Из прошлого“. — „За волками“. — „На Волге“. — „Медведь“. — „Аполлонов и Скобаре в жакете“. — „Рассказ старого помещика“. — „История одной грести“. — „Крепкие цепи“. — „Грузчик“. — „Таинственный голос“. — „Случай в Павловске“. — „Кон и Гут“. — „Тайна сибирской тайги“. — „Атаман убит“. — „За золотом“. — „Гробоконатели“. — „Сорок соров“. — „Папираса“. — „Рука об руку“. — „Темперамент“. — „Мурзинова невеста“. — „Мендель Броль из Лядовки“. — „Вешеный“. — „Метитель“. — „Лучи единой воли“. — „Пережитое“. — „Обжегся“. — „Вопрос“. — „Поездка на р. Чепцу“. — „День дыбом“. — „Приключение профессора Прадье“. — „Без сентиментальности“. — „Среди туземцев“. — „Из тайги в вуз“. — „Бабы-нерпы“. — „Бандит медик и его шайка“. — „Загадочная отлучка старого Нама“. — „По законам и обычаям страны“. — „Случай с львиной гривой“. — „Опущенный взгляд“. — „Заговор“. — „Загадка тропической ночи“. — „Дастархан“. — „С киноаппаратом на медведя“. — „Новая комната“. — „Полет на смерть“. — „Мои приключения“. — „Метеорит“. — „В тумане“. — „Хунхузы“. — „Один день“. — „За гранью смерти“. — „Сокровища Стеньки Разина“. — „Смерть Али“. — „Бумеранг“. — „Седьмая встреча“. — „На заре книгопечатания“. — „Голодный поход“. — „Маниак“. — „Белая княгиня“. — „Номер двадцать восьмой“. — „Может быть“. — „Подарок“. — „Атланта“. — „Парикмахер“. — „Гензу“.

Задача № 40. (Вне конкурса).

Каков треугольник?

Если обозначить через a гипотенузу данного треугольника, через b — тот катет, в сторону которого делается построение, через c — второй катет и через h_1, h_2, h_3 и т. д. — последовательно все проводимые перпендикуляры, то можно написать такие пропорции: $h_1 : c :: b : a$; $h_2 : h_1 :: b : a$; $h_3 : h_2 :: b : a$; $h_4 : h_3 :: b : a$ и т. д. Отсюда ясно, что ряд $h_1, h_2, h_3, h_4, \dots$ представляет собой бесконечно убывающую геометрическую прогрессию, знаменатель которой есть $b : a$ (меньше 1). Сумма такой прогрессии, как доказывается в алгебре, рав-

няется частному от деления первого члена прогрессии на разность между единицей и знаменателем прогрессии. Значит: $h_1 + h_2 + h_3 + h_4 + \dots = (b : a) : (1 - b : a) = bc : (a - b)$. По условию последняя величина равняется периметру $a + b + c$. Из уравнений: 1) $a + b + c = bc : (a - b)$ и 2) $a^2 = b^2 + c^2$ находим соотношения между сторонами; это можно сделать, напр., после приравнения одной стороны, напр. a , к единице. Из решения уравнений получим, что в таком случае $b = 4 : 5$, $a = 3 : 5$, или что $a : b : c = 5 : 4 : 3$. Следовательно, условию задачи удовлетворяет любой египетский треугольник.

Правильное решение этой задачи прислали подписчики Э. Эллер, Б. Скрыбин и М. Г. Трикуров.

КОНКУРС НА ПРЕМИИ № 12.

Надо решить три помещенных здесь задачи №№ 43, 44, 45. Качество решений оценивается очками, согласно указаний в заголовках самих задач. Еще пол-очка дополнительно может быть прибавлено за тщательность и аккуратность в выполнении решений, при соблюдении, конечно, всех требуемых условий. Те участники конкурса, которые соберут в сумме наибольшее число очков, премируются следующими 10 премиями (при равенстве очков применяется жребий).

- 1-я премия — „Малюшки“ — худ. альбом Шовченко.
2-я премия — Жан-Жак Руссо, — „Исповедь“ в перепл.
3-я премия — „Вольга“ — былина, худ. изд.

4-я премия — „Гений и творчество“.

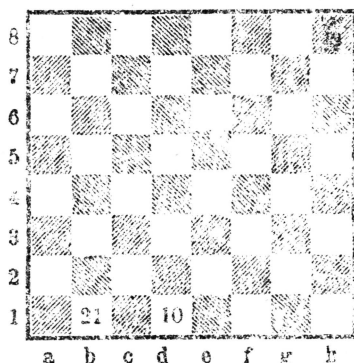
5-я — 10-я премии. Любые из имеющихся изданий П. П. Соколина на сумму до 2 рублей.

Все решения по конкурсу должны быть положены на отдельном листе, сверху коего должны быть указаны фамилия, адрес и № подписного листа (или взамен того наклеен адрес с баннером, под которой находится журнал). На конверте надо делать надпись: — „В ответ задач“.

Срок приема решений — 4 недели после отправления этого номера журнала почтой из Ленинграда.

Задача № 43 — до 4 очков.

Пробег ладьи.

Шахматная фигура — ладья занимает на доске указанную клетку справа вверху. Требуется обойти этой ладьей всю доску, пройдя по каждой клетке только по одному разу и выполнив при этом еще два условия: 1) десятым ходом надо попасть на клетку, обозначенную в нижнем ряду числом 10; 2) кончить пробег надо на клетке, обозначенной в том же ряду числом 21, причем последний ход должен быть по счету двадцатым первым. Под ходом здесь следует понимать то, что установлено для ладьи в шахматной игре, т. е. передвижение на любое число клеток в направлении одного прямого ряда клеток, либо по горизонтальным рядам, либо по вертикальным.

Задача № 44 — до 3 очков.

Призы по физкультуре.

В большом состязании на скорость была была назначено 30 призов, причем ставки всех призов разные, кроме первого, или постепенно убывая на одну и ту же величину; только между первым и вторым призами разница была вдвое больше, чем разница между всеми остальными. Надо найти размеры первого и второго призов, если известно, что призы 10-го и 17-го составляют вместе 86 р. 50 к., а призы 3-й и 11-й имеют разницу 48 р.

Решение должно быть строго арифметическим.

Задача № 45 — 2 очка

Буквенная задача.

1. Р. о.	7. Ю. о.
2. Д. о.	8. М. о.
3. М. о.	9. Мо. о.
4. Ю. о.	10. Ю. о.
5. Ю. о.	11. Ю. о.
6. М. о.	12. Ю. о.

Все двенадцать строк — названы разных рек. Каждая буква этих рек Даны, а каждая из остальных букв заменена знаком — либо точкой, либо кружком — (разница между этими знаками в замене нет). Если же будут буквы, замененные в каждой строке кружком, то прочтены сверху вниз они дадут название еще одной реки. Разгадайте все реки.

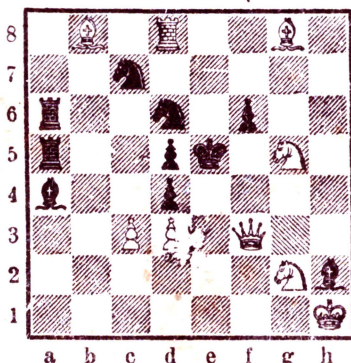
Под редакцией мастера *Арв. Из. Куббеля.*

К О Н К У Р С № 15.

Задача № 29

А. Л. Ротиняна (Шалово).

Печатается впервые.

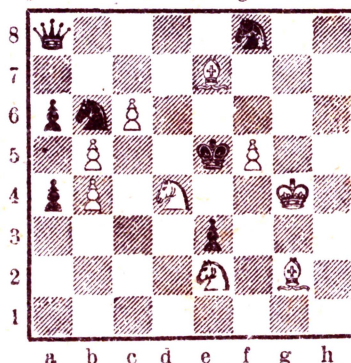
Кр. h1, Ф f8, Л d8, С b8, g8, К g2, g5, П e3, d3.
Кр. e5, Л a5, a6, С a1, h2, К e7, d6, П d5, f6, d4.

Мат в 2 хода.

Задача № 30

Ф. Френкеля (Германия).

„Deutsche Schachztg“ 1929 г.

Кр. g4, С e7, g2, К d4, e2, П b4, b5, c6, f5.
Кр. e5, Ф a8, К b6, f8, П a6, a4, e3.

Мат в 3 хода.

За правильные и исчерпывающие решения обеих задач подписчикам журнала „Мир Приключений“ будет выдана премия (шахматная доска с комплектом фигур).

Решения следует направлять исключительно по адресу редактора отдела: Ленинград, Вас. О., 10 линия № 39, кв. 68. Арведу Ивановичу Куббелю. Последний срок отсчета: решений через месяц после отправления этого номера почтой из Ленинграда. Право на участие в розыгрыше премий имеют только подписчики индивидуального, каждый участник за подпиской и каждый член семьи подписавшегося, нужно лишь наклеить ярлык с бандероли или указать № подписки.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ НА КОНКУРСЕ № 11.

Задача № 21. А. Рыраковского. 1. e4—e5. Тема Гримшоу, проходящая в вар. 1. Сd6 и 1. Лd6.

Задача № 22. К. Мевефилда. 1. Фе2—g2! Весьма изящно, хотя и не особенно трудно.

Премия — шахматную доску с комплектом фигур — по жребию получает подписчик № 3227 — В. М. Гончаров (Стародуб).

Правильные решения обеих задач прислали: М. Р. Ротман, М. Исаев, А. Н. Ефремов, Л. Н. Познянский, И. С. Орлов (все Ленинград), О. Ф. Готман, С. И. Соколов (Москва), Л. Н. Гумилев (Везица), Н. Зегинев (Ржев), Э. Р. Фрейтаг-Дорингер (Ровно), А. М. Сметнов (Ростов н/Д), В. И. Тимонский (Еватория), В. Г. Трушцын (по Чаплинка), В. Р. Валеренко (Харьков), А. Мерков (Запорожье), М. Лаут (Амур), В. Толстоухов (Гудауты), Б. С. Щеголов (Киев), С. И. Тихоняров (Иль-Вознесенск), Д. Р. Жушанов (ст. Слюдянка), С. П. Кончаевцов (Глухов).

Кроме того поступило 11 неверных решений.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ НА КОНКУРСЕ № 12.

Задача № 23. Е. Н. Умнова. 1. Кe8—e7. Четыре выключения белых фигур, но первый ход слишком очевиден.

Задача № 24. И. Олаин. 1. Фh4—f2! Перемена матов при идеальном защитном ходе.

Правильные решения обеих задач прислали: Н. М. Кириллов-Губенский, В. А. Муромский, В. Г. Лемешевский, А. Н. Кириллов, Л. Н. Познянский (все Ленинград), А. А. Колесов, Л. В. Мадиевский, Р. Н. Малиновская, Ю. Зайчиков, С. И. Соколов (все Москва), Т. Соколенко, В. С. Михеев (Одесса), В. Толстоухов (Гудауты), Э. Эллер (ст. Новооскольники), Д. Г. Юсупов (ст. Слюдянка), Н. Ф. Соколов (Валуга), А. А. Ватулин (Березеж), Г. Семашко (Резолье), А. Р. Выхов (Светловск), Н. И. Соколов (Орехово-Зуево), С. А. Кричевский (Глухов), В. Г. Трушцын (по Чаплинка), П. Вульман (ст. Саранск), Н. А. Оравский (Борисов), Гродский (Шенятовка), Л. Н. Гумилев (Везица), В. Р. Валеренко (Харьков), В. Лаутин (Мелекес), А. В. Попов (Богородица), А. И. Пономарев (ст. Митино), К. А. Федосеев (Уральск), В. А. Горенко (Б. Котаны), В. В. Камылов (Саратов).

Премия по жребию досталась:

1) А. Алексин, Мой лучший вариант — подписчику № 481 А. В. Попову (Богородица).

2) А. Алексин, Мой лучший вариант 1921 г. — подписчику № 2867 Гродскому (Шенятовка, УССР).

3) Романовский и Мевефилд, Мат Алексин — подписчику № 502 Т. Соколенко (Одесса).

Кроме того поступило 9 неверных решений.